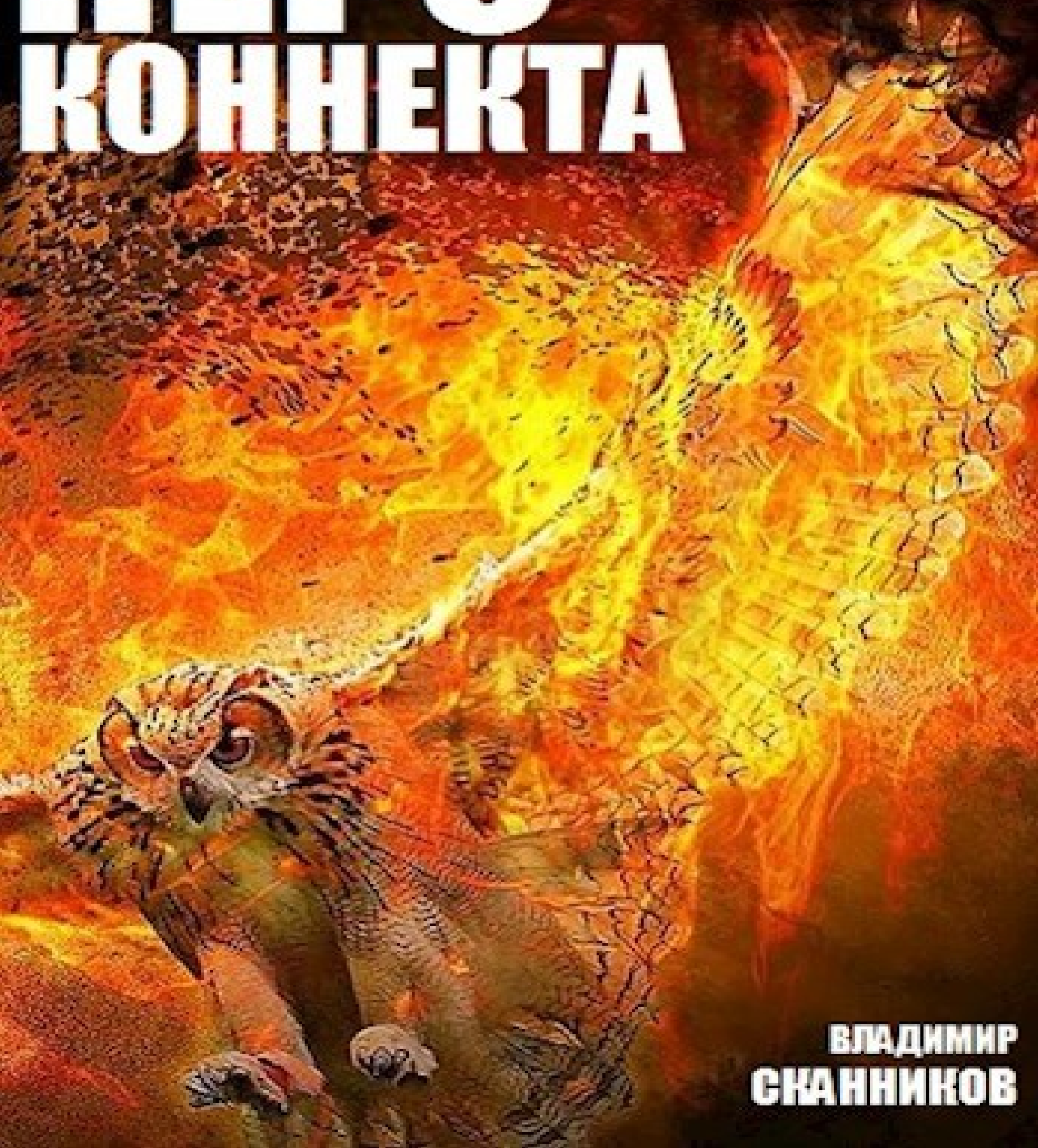

ПЕРО КОННЕКТА

ВЛАДИМИР
СНАННИКОВ

Annotation

Есть артефакт, который якобы управляет сладкими грёзами и ночными кошмарами. Слухи о нём будоражат умы на материке. И есть колдун с птичьим именем, хранящий секреты странного двухуровневого мира. Но главную тайну колдун узнает, когда артефакт окажется у него.

Башню было видно издалека. Иссиня-чёрная, тонкая, островерхая — она торчала посреди долины, как шип, как исполинский гвоздь, вколоченный снизу, из-под земли. Тучи над ней слипались в комковатую массу, не давая просвета солнцу.

Накрапывал дождь. Дорога была раскисшая, с глубокими тележными колеями. Трава вдоль обочины имела буро-фиолетовый цвет — казалось, её залили не то чернилами, не то нефтью.

Оглядывая из-под капюшона окрестности, Снегирь прикидывал, сколько осталось времени до окончательной *закупорки*. В лучшем случае, пожалуй, день-два, в худшем — считанные часы. Требовалось спешить, и он подгонял коня.

Снегирь миновал покинутую деревню с бельмами замызганных окон и покосившимися плетнями. Ни человеческих голосов, ни лая собак, ни козьего блеяния — только скрип открытой калитки, которую дёргал ветер. Листья на деревьях были того же мерзостного оттенка, что и трава.

Едва он выехал за околицу, башня впереди напомнила о себе — что-то сверкнуло в узких окнах-щелях, багровые отсветы легли на тёмные тучи, и стало видно, что тучи эти закручиваются воронкой. Подобные проявления вряд ли обещали весёлый праздник.

Снегирь был уверен, что по пути до башни не встретит больше ни единого разумного существа. Тем неожиданнее оказалась картина, увиденная им в полумиле за опустевшей деревней. Из трубы на постоялом дворе поднимался дым, а из ворот вышел здоровенный амбал в домотканой куртке и, лениво привалившись к столбу, усталился на приближающегося гостя.

Снегирь придержал коня и сказал:

— Здорово, хозяин.

— Здорово, странник. Куда путь держишь?

— Угадай с одного раза.

И в самом деле, вопрос был, мягко говоря, риторическим — дорога вела прямо к подножью башни. Хозяин хмыкнул, давая понять, что оценил искромётный юмор, и предложил:

— Перекусить не хочешь?

— Нет времени, — покачал головой Снегирь.

— Угу, вы ж все занятые — просто не продохнуть. Минуту потерять жалко?

— «Мы все» — это как понять? У тебя тут что — большой наплыв посетителей?

— Ладно, ладно, уел. Хрен тут, а не наплыв — по нынешним временам-то. Но раза два-три в неделю проезжают-таки ребята вроде тебя.

— Прости мне моё занудство, — сказал Снегирь, — но я опять вынужден переспрашивать. «Вроде меня» — в каком это смысле?

— В прямом. Из тех, кому невтерпёж копыта откинуть.

— У меня таких планов нет.

— Ну, на словах-то все вы — герои как на подбор, богатыри-удальцы. Проезжаете — прям зависть берёт. Только ни один почему-то не возвращался.

Речь хозяина была неторопливо-насмешливой. Внешность выдавала в нём степняка — смуглая кожа с сероватым оттенком, высокий рост и глаза с неестественно-жёлтой радужкой, которые как будто слегка светились.

— Так... — протянул Снегирь, обдумав его слова. — А последний из этих, как ты выражаешься, удальцов, давно проскакал?

— А ты зайди, закажи чего-нибудь, тогда и поговорим. Доложу тебе всё как есть — кто, куда и зачем. Чего мы тут мокнем, как хрен на грядке?

— Ладно, уговорил. Пошли, только ненадолго.

В зале было полутемно — светильники не горели, а уличный свет с натугой сочился в окна. Хозяин зашёл за стойку, достал четырёхгранный графин и плеснул в стакан искристую янтарную жидкость. Над ней поднялась изящная струйка пара, как над чашкой с горячим чаем.

— Ого, — оценил Снегирь. — И откуда солнечный грог в этом захолустье?

— Старые запасы, — безмятежно сказал хозяин. — Для сугреву — самое то.

— Спасибо, конечно, но ты уверен, что такое мне по карману?

— Не прибедняйся. Ты-то уж точно не оборванец. Да и вообще — с какой радости экономить, если в башню сейчас попрёшься?

Последнюю фразу Снегирь оставил без комментариев. Взял стакан и, отхлебнув, покатал жидкость на языке. Вкус не поддавался определению — каждую секунду он казался иным. В нём ощущалась то медовая сладость, то

ненавязчивая горчинка, то кисло-мягкая терпкость. Удивительно, но это чередование не раздражало, а складывалось в нечто совершенно особенное — тёплое и бодрящее.

— Ну? — сказал Снегирь, насладившись. — Когда тут проезжал мой предшественник? Как он выглядел?

— Вчера вечером. Кошак-перевёртыш в человеческом облике.

— Он сказал что-нибудь конкретное?

— Не особо — только выпендривался по полной. Молодой ещё совсем, дури много, весь из себя. Завалит, мол, ведьму, силу у неё заберёт. А потом — в столицу, ага.

— И что у него вышло в итоге?

— Да ничего, как обычно всё. Окорок схрумкал, кувшин вина высосал — и вперёд. Больше не возвращался. Ну, хоть меня развлёк — и на том спасибо. А заплатил, между прочим, по-королевски, золотом. Представляешь?

— Вот только не надо толстых намёков.

— Дык куда ж без них?

Снегирь сделал ещё глоток и поинтересовался:

— Ты не запарился тут торчать? Место — мрачнее некуда, посетителей почти нет. Почему не съедешь?

— Наездился я уже по самое дальше некуда.

— И ведьма тебя не пугает?

— Клал я на эту ведьму со всем прибором.

— Лихой ты парень. Хоть и со странностями.

Хозяин посмотрел на него внимательно, побарабанил пальцами по деревянной стойке, после чего сказал уже без прежней приветливости:

— Знаешь что, путник? А езжай-ка ты дальше. Допивай по-быстрому и езжай.

— Да, мне уже пора. Удачи тебе, хозяин.

Снегирь бросил на стойку крупную серебряную монету, вышел во двор и, отвязав коня, снова выехал на дорогу.

Вспышки в башне становились всё ярче. Тучи набухли мраком — густым, тягучим, непроницаемо-чёрным. Образованная ими воронка вращалась по часовой стрелке, причём вращение это за последние минуты явно ускорилося. Оно гипнотизировало, не отпускало взгляд, давило на разум. Всё это сопровождалось тревожно-угрожающим гулом — настолько низким, что он воспринимался не на слух, а будто на ощупь, въедаясь в кожу и просачиваясь в нутро.

Конь тревожно всхрапнул. Снегирь потрепал его по холке и буркнул: «Тихо, не дёргайся». Мысленно упрекнул себя, что потратил время на разговор с трактирщиком, и погнал скакуна вперёд.

Дождь усиливался, грозя превратиться в ливень.

Подъехать к башне вплотную, как выяснилось, было нельзя — её окружала живая изгородь из шипастых лиан, похожих на колючую проволоку. Колючки фонили тёмной колдовской силой.

Единственный просвет в изгороди был снабжён двустворчатыми воротами, в которые и упиралась дорога. Ворота, в свою очередь, охранялись двумя стражниками с мечами и в кольчужных доспехах.

— Стой! — зычно крикнул один из мечников, завидев Снегирия. — По какому делу?

— Я к ведьме, — миролюбиво сказал Снегирь.

Стражник, сжав рукоять меча, процедил:

— Запомни, мозгляк. Оскорбление повелительницы — тягчайшее преступление, которое карается смертью. Я мог бы отсечь тебе башку сразу, без разговоров. Но ты, как видно, скорбен умом, поэтому я тебя пожалею и дам ещё один шанс. Итак — по какому делу ты прибыл? На этот раз советую поразмыслить, прежде чем отвечать.

— Ах да, прошу извинить мою невоспитанность. Я приехал, чтобы увидеть Повилику Восьмую, слава с которой проникла во все пределы. Желая бросить ей честный вызов и требую поединка по законам свободной силы.

Он произнёс это подчёркнуто ровным тоном. Стражник, чуя подвох, посопел угрюмо и недоверчиво, но так и не нашёл формального повода для придинок.

— Как твоё имя, путник? Достаточен ли твой ранг, чтобы тревожить великую повелительницу? Имей в виду, самонадеянность...

— ...карается смертью. Спасибо, я уже понял. Имя моё — Снегирь. И ранг мой, смею надеяться, более чем достаточен.

В подтверждение своих слов он выдернул из-за пояса плетень и сделал короткий взмах. Плетень недовольно взвизгнула и оставила прямо в воздухе, в дождевой пелене, спиралевидный росчерк, мерцающий синим светом. Мерцание продержалось секунд десять-пятнадцать, постепенно бледнея, и только потом угасло.

Привратники застыли, будто прислушиваясь к чему-то. Судя по всему, принимали через ментальную связь

указания от своей повелительницы.

Снегирь напрягся и крепче сжал кнутовище.

Стражники вышли из оцепенения — и выхватили из ножен мечи, лезвия которых мгновенно раскалились и покраснели. Такие клинки (Снегирь это знал) могли разрубить не только живую плоть, но и сколь угодно прочную сталь.

Мечники бросились к Снегирию с двух сторон, но застать врасплох не сумели. Его плеть метнулась змейёй, уклоняясь от лезвий, словно живая, и с интервалом в короткий миг ужалила обоих противников.

Стражники повалились на землю, в грязь. Они перестали быть помехой — их забытьё должно было продлиться около получаса. Снегирь рассчитывал, что этого времени ему хватит с лихвой.

Он подъехал ко входу в башню.

Спешился и вошёл.

Теперь на него, обнажив клинки, бросились сразу шестеро, причём лишь половина была людьми. Остальные принадлежали к четырёхрукой двоякодышащей расе, обитавшей на Лысом архипелаге. Снегирь понятия не имел, каким ветром их сюда занесло, но раздумывать было некогда.

Человеческие и лягушачьи хари замелькали перед ним, будто в калейдоскопе. Оружейная сталь, магически раскалившись в одно мгновение, вспорола полумрак вестибюля. Наскоки, выпады, взмахи — он уклонялся, вертелся волчком, а его плеть хлестала по сторонам, жалила противников в ноги, в животы, в шею.

Как всегда в такие моменты, восприятие расслоилось. Поверхностный слой — тошнотворно-яркий, хаотичный, визгливый — был до краёв наполнен азартом, пьянящим чувством опасности. Время здесь не текло, а вспыхивало, взрывалось фейерверком подробностей. Багряный танец клинков, костлявые пальцы на рукоятках, выпученные глаза, оскал и бешеный хрип.

Но глубже был ещё один уровень, на котором драка виделась по-другому. Там враги не то чтобы замедлились — нет, они по-прежнему перемещались быстро, даже стремительно, но разум фиксировал их движения сухо и отстранённо, стряхивая эмоции как ненужную шелуху и обнажая алгоритм боя.

Алгоритм был простым и чётким — он вёл Снегиря сквозь пёстрое мельтешение, а враги опаздывали на доли секунды, пропуская удары плетью. Обездвиженные тела падали одно за другим, клинки выскальзывали из рук — металл, остывая, лязгал о шершавый каменный пол.

Однако даже с раздвоенным восприятием Снегирь едва не дал маху — замешкался, когда на помощь охране выскочил пёс. Причём не бобик-дворяжка, а здоровенный зверь с металлическими клыками. Размером он был если не с корову, то с хорошо откормленного телёнка, а вся его морда состояла, казалось, из ощеренной пасти.

Зверь прыгнул, желая то ли вцепиться в горло, то ли сразу отгрызть башку незваному гостю. Снегирь в последний миг отшатнулся — гвозди-клыки разочарованно лязгнули. Пёс, едва приземлившись, развернулся для повторной атаки. Его слюна оставляла жжёные кляксы на плитах пола.

Снегирь взмахнул плетью — мимо. Зверюга непостижимым образом уклонилась. Спасаясь он неё, он метнулся к лестнице, которая вела на второй этаж. Резко вильнул — и вовремя. Псиная врезалась в каменные перила, оставив на них отметины от зубов. Удар слегка оглушил настырную тварь — или, по крайней мере, на секунду сбил с толку. И вот тут-то Снегирь её наконец достал. Хлестнул со всего размаху — плеть ударила по загривку, пёс-великан по-щеньчьи взвизгнул и повалился на пол.

Стало тихо.

Снегирь, тяжело дыша, огляделся. Он стоял у подножья лестницы, а шестеро стражников и их милая зверушка валялись вокруг в отключке.

Он вытер пот со лба.

Передышка, впрочем, не обещала быть долгой — на втором этаже послышался топот, и появилась новая группа с разнообразным колюще-режущим инвентарём, от кинжалов до алебард. Снегирь раздражённо гаркнул:

— Хозяйка! Не растрачивай время, я всё равно пробьюсь! Или ты не такая уж и великая? Один на один боишься?

Воздух всколыхнулся, и пламя настенных факелов вздрогнуло. Женский голос, звеня от ярости, прогремел:

— Дайте ему дорогу!

Защитники, переглянувшись, нехотя расступились. Снегирь поднялся по лестнице, потом по второй, по третьей — башня, невеликая в поперечнике, упорно тянулась вверх. Он миновал несколько этажей и наконец оказался в зале, где его дожидалась ведьма.

Зал этот не имел ни одного окна и был едва освещён. Тьма, скопившаяся в углах, выглядела живой, осязаемой и враждебной. Лишь в центре, вокруг высокого трона, мерцал лиловатый свет. Сам же трон был с нарочитой грубостью сложен то ли из обугленных брёвен, то ли из обгоревших до черноты костей, которые принадлежали неведомому животному-исполину.

Когда Снегирь появился, ведьма медленно встала, будто желая, чтобы он её рассмотрел получше.

И в самом деле, зрелище того стоило — хозяйка была высока и очень изящна. Чёрное, с багряным просверком платье обтягивало высокую грудь; подол состоял, как почудилось Снегирю, из нарезанных полос мрака. Волосы цвета воронова крыла обрамляли лицо с аристократическими чертами.

— Добрый вечер, — сказал он. — Вы, по-моему, мне не рады.

— Ты оскорбил меня и заплатишь.

— Видите ли, тут есть один нюанс... В общем, я вынужден вам признаться, что был не очень-то честен в беседе с вашими стражами у ворот. Магический поединок — это только предлог, чтобы встретиться с вами лицом к лицу...

Ведьма поморщилась разочарованно и брезгливо:

— Так ты всего лишь один из похотливых козлов, которые надеются залезть мне под юбку? Один из тех идиотов, которые почему-то уверены, что очаруют меня с первого взгляда? Как же мне это опостылело, кто бы знал...

Она повела рукой — и тени, как послушные псы, метнулись из всех углов, закружились вокруг неё. Волосы её встрепенулись, словно от ветра, глаза угрожающе сузились. Снегирь поспешно сказал:

— Нет-нет, сударыня, вы меня неправильно поняли. Я не ваш любвеобильный поклонник. То есть, конечно, ваша красота поразительна, но я всего лишь курьер. Привёз вам послание.

— Вот как? — Ведьма нахмурилась. — Послание от кого?

— От людей, в чьих руках находится судьба континента.

Она скептически хмыкнула, и Снегирь заверил:

— Я не преувеличиваю. Только разрешите сначала один вопрос?

— Ты странно ведёшь себя для курьера. Но так и быть, попробуй.

— Вас никогда не смущал ваш номер?

Ведьма моргнула. Лицо её на секунду утратило надменное выражение:

— Что? О чём ты?

— Повилика Восьмая — именно так вас все называют. Но почему Восьмая? Семь предыдущих — это ваши славные предки? Я, однако, не видел в башне ни одного портрета...

— Ты забываешься, посланник...

— Простите, ещё буквально несколько слов. Странность с генеалогией — не единственная из тех, что вас окружают. Вы это подсознательно понимаете и боитесь, что однажды явится кто-то вроде меня — курьер, носящий короткое птичье имя. И вам придётся услышать то, что вы пытаетесь скрыть от себя самой. Вот почему вы натравили на меня своих слуг...

— Послушай, — сказала она с обманчивой ласковостью, — убивать курьеров не принято, но ради тебя я сделаю исключение. Давай своё послание — или сдохнешь через десять секунд.

— Хорошо. Послание — устное, на словах.

Он посмотрел ей прямо в глаза и отчётливо произнёс:

— Глузякина Елена Даниловна. Город Петрозаводск. Индивидуальный кокон эр-эс четыреста сорок восемь дробь пятьдесят один. Тарифный класс «платинум». Принудительный выход.

Его собеседница издала странный звук — не то всхлипнула, не то судорожно вздохнула. Несколько секунд стояла, не шевелясь; лицо её неприятно перекосилось, растеряло хищную красоту. Гнев во взгляде сменился растерянностью, а та — откровенной паникой. Ведьма попыталась что-то сказать, но слова застревали в горле. Она пошатнулась и осела на пол, глаза её закатились.

Башня явственно содрогнулась, будто уловила чувства хозяйки. Снегирию показалось, что стены и каменные своды беззвучно взвыли. Снаружи донёсся гром. Запах озона наполнил зал; в наэлектризованном воздухе послышался сухой треск.

Трон начал деформироваться — брёвна-кости, из которых он был составлен, утратили твёрдость и превратились в некое подобие пластилина; они стремительно размягчались, теряя форму. В этом было что-то физиологически чуждое, тошнотворное. Снегирь непроизвольно поморщился.

Лицо ведьмы тем временем побледнело, буквально выцвело. Это было похоже на размытую полинявшую фотографию — или, точнее говоря, на стоп-кадр со старинного чёрно-белого телевизора. В следующее мгновение кадр этот стал крупнозернистым, дёрнулся, исказившись рябью помех, и рассыпался крупинками пикселей.

Цифровое вместилище ложной личности перестало существовать — а гражданка Глузьякина, получательница услуг по тарифному классу «платинум», очнулась в своём индивидуальном коконе, установленном в петрозаводской квартире.

Оглядев опустевший зал, Снегирь произнёс:

— Скриншот.

Пространство вокруг мигнуло — местная магия конфликтовала с внешним управляющим кодом. Но сам факт того, что код этот начал действовать, был наглядным свидетельством — вмешательство идёт штатно.

Воздух в зале стал неприятно-сухим — он будто наполнился мельчайшей колючей взвесью, которая была невидима, но царапала носоглотку при каждом вздохе. Снегирь попытался к выходу и бегом спустился по лестнице. Слуги ведьмы, утратившие магическую привязку, топтались посреди вестибюля и непонимающе озирались. Он крикнул:

— Все во двор! За мной!

Получив наконец недвусмысленное и чёткое указание, они рванулись наружу. Тащили с собой и тех, кто потерял сознание в схватке; не забыли даже гадскую псину. Снегирь вскочил на коня и погнал его к воротам. Обитатели башни бежали следом. Ограда, окружавшая территорию, иссыхала — колючки осыпались с неё на землю, как хвоя с ёлки, которую забыли убрать после новогодних каникул.

Осадив скакуна, Снегирь обернулся.

Башня оплывала, будто свеча. Воронка над ней, образованная серыми тучами, вращалась с пугающей быстротой. В центре этой воронки зародился хобот-отросток — и потянулся вниз.

Это выглядело так, словно башня, продолжая разрушаться и таять, всасывает тучи в себя. Хобот-смерч, увитый гирляндами розовато-лиловых молний, ввинчивался в развалины, а тучи над ним редели — в сером пологе появлялись голубые просветы.

Очередной громовой раскат прозвучал как взрыв. Конь заржал перепуганно и встал на дыбы — Снегирь едва его успокоил. Смерч над остатками башни лопнул и разлетелся мелкими ошмётками дыма. Солнечные лучи хлынули горячим потоком. Холмы в отдалении бледно зазеленели, возвращая себе летний окрас, но в непосредственной близости от развалин трава так и осталась тёмно-чернильной.

Слуги ошеломлённо вертели головами. Один из них сунулся к Снегирию, желая что-то спросить, то тот не стал слушать — погнал коня прочь по мокрой дороге, заблестевшей под солнцем. Вопрос, что дальше будет с этой локацией, его уже не заботил. Пусть решает начальство.

Оно, начальство, может, к примеру, дать задание программистам, чтобы те переделали пострадавший фрагмент. Раз уж доступ восстановился, есть возможность исправить баги, возникшие из-за мадам Глузьякиной. Там, в реальности, кодеры будут лупить по клавишам, а тут, в виртуальном фэнтези-мире, остатки башни тихо сотрутся, чернильные пятна вокруг исчезнут, а травка снова зазеленеет.

Скорее всего, однако, сделают по-другому. Развалины сохраняют, чтобы путники, проезжая мимо, дивились и ужасались. Виртуальность обогатится новой легендой — о том, как злая сумасшедшая ведьма лелеяла чёрный план по захвату мира, но странствующий рыцарь-герой из Птичьего Ордена поверг её в поединке. Раздавил, так сказать, ползучую гадину кованым сапогом.

Начальство очень трепетно относится к фольклорным историям, которые зарождаются сами, а не по прихоти сценаристов. Считает, что игра таким способом обретает дополнительную устойчивость...

Через четверть часа, поравнявшись с постоянным двором, он соскочил с седла — после всех треволнений

хотелось перекусить, отдохнуть и выпить. Ну и заодно посмотреть на физиономию степняка, предрекавшего, что Снегирь сгинет в башне.

— Ау, хозяин! Ты где?

Никто почему-то не отзывался. Снегирь прогулялся между столами, потом зашёл за стойку и, откинув полог, заглянул в подсобное помещение — пусто. Прислушался — ни единого звука.

Он обследовал кладовку и кухню, наведаясь в гостевые комнаты на втором этаже, вышел на задний двор, но хозяина нигде не было. Вернувшись в зал, Снегирь задумался. Ситуация нравилась ему всё меньше и меньше. Теоретически хозяин мог, конечно, уехать куда-нибудь по делам — но в этом случае он, по крайней мере, запер бы наружную дверь.

Или степняк, увидев магическую грозу над ведьминой башней, настолько перепугался, что бросил всё и сбежал без памяти? Нет, это вряд ли — не похож он на труса и паникёра...

Снегирь ещё какое-то время стоял в раздумьях, потом сказал себе — да и ладно. В самом деле — все эти странности уже его не касались. Он своё дело сделал, миссию выполнил. А с этим постоялым двором, как и с остатками башни, пусть разбираются уже те, кому положено по штатному расписанию.

Но всё-таки непонятно — исчез не только хозяин, но и бутылки с полок. А ведь когда он, Снегирь, общался с содержателем заведения, бутылки стояли целой шеренгой, наперебой пестрели наклейками. Был не только солнечный грог, но и ром вроде бы, и коньяк...

Пытаясь вспомнить подробности, Снегирь вдруг почувствовал тошноту и головную боль. Замерев, он осторожно сделал глубокий вдох. Подумал, что виной всему — переутомление. Миссия была непростая и трудоёмкая, нужен отдых. А значит, пора домой...

Через час он въехал в столицу графства. Город был не очень большой, но солидный, с романтизированной средневековой архитектурой. Приветливо блестели окна домов, краснели черепичные крыши, благоухали цветы на клумбах. Разномастные лошади, цокая копытами по брусчатке, легко тянули пролётки и фаэтоны. Чистенькие торговки, болтая, возвращались с базара. На площади пробили часы — раскатисто, звонко и с некоторой даже игривостью.

Портальный зал располагался напротив ратуши, в белокаменном павильончике, который был густо увит плющом. Когда Снегирь подходил к крыльцу, из дверей навстречу выпорхнула девица — большеглазая, подчёркнуто стройная, в коротеньком сарафане. Она огляделась с жадным восторгом — это был, похоже, её дебют. Снегирь, подмигнув ей, переступил порог.

Все три портала были свободны. В режиме ожидания они выглядели как замурованные арочные проёмы; перед каждым из них стояла массивная деревянная тумба — высотой примерно по пояс взрослому человеку.

Подойдя к ближайшей тумбе, Снегирь раскрыл лежащий на ней фолиант с тиснёной обложкой. На форзаце имелась карта материка, цветная и стилизованная — Корундовый Хребет вальяжно поблёскивал, а Бор-без-Солнца темнел зелёным хвойным пятном. Города были разбросаны по всему континенту, но самые крупные расположились на побережье. Порталы обозначались мерцающими точками с номерами.

Он неторопливо полистал фолиант. Собственно, необходимости в этом не было — нужную комбинацию цифр он помнил и так. Но шорох бумаги всегда действовал на него умиротворяюще, а её запах приятно щекотал ноздри. Такое вот перелистывание страниц было личной традицией Снегирия, причудой в каком-то смысле, а заодно — подходящим способом, чтобы помедлить перед отбытием и напоследок спросить себя, не упущено ли что-нибудь важное.

Сегодня всё вроде было в порядке — задание выполнено чётко и в срок. Разве что исчезновение степняка осталось занозой в памяти, но это уже — отдельная тема...

Снегирь закрыл фолиант и взялся за укреплённую тут же, на поверхности тумбы, круглую рукоятку с делениями и цифрами. Повернул её со щелчком. Всего таких рукояток имелось три — и каждую он установил на ноль.

Участок стены, ограниченный аркой, беззвучно протаял вглубь, и за ним открылся тоннель, заполненный клубящейся мглой. Снегирь, задержав дыхание, шагнул в проём.

— Салют странникам!

Голос прозвучал жизнерадостно, с откровенной подначкой. Снегирь разлепил глаза и хрипло вздохнул. Он лежал на спине, а над ним склонялась ухмыляющаяся веснушчатая физиономия. Помещение было заполнено ярким электрическим светом.

— Как самочувствие? Как житуха?

— Терпимо, — буркнул Снегирь. — Над ухом только не ори, дурик...

— Замечательно! Пациент оклемался — и сразу же оборзел! Революция в медицине! И я, кстати, не ору, а осведомляюсь интеллигентным шёпотом. Просто у тебя восприятие ещё не стабилизировалось — слух, зрение, вся

фигня. Ну-ка, смотри сюда — сколько видишь пальцев?

— Один, причём средний. Очень смешно.

— Проверка успешно пройдена, поздравляю!

— Кончай балаболить, Сёма. Встать лучше помоги.

— Сейчас, не дёргайся только. Серьёзно, Артём, лежи минуту спокойно. Отсоединяю контакты...

Снегирь-Артём ощутил, как отлепляются присоски от кожи на голове и вытягиваются иглы из вен. На руках и ногах разжались захваты — и он, поддерживаемый Сёмой, не без труда поднялся из кокона. Голова кружилась, пошатывало, но в целом жить было можно.

— Я в душ.

— Ага, — согласился Сёма, — тебе не помешает. Тот ещё запашок...

— Сам попробуй лежи двое суток — я на тебя тогда посмотрю.

Ковыляя в сторону душевой, он услышал, как разговорчивый техник-медик сообщает по телефону:

— Да, шеф, Кулагин только что вылез. Нормально себя чувствует, огрызается. Что? Да, понял, передам...

Включив прохладную воду, Артём, уже почти переставший ощущать себя Снегирём, подставил лицо под струи. Конечно, в виртуальном пространстве тоже можно купаться — хоть в ванне, хоть в речке, хоть в водопаде. И для абсолютного большинства игроков ощущения при этом будут неотличимы от настоящих. Но он-то принадлежит к тем мельчайшим долям процентов, у которых всё несколько по-другому...

Когда он вернулся и достал одежду из шкафчика, Сёма подал ему кружку с горячим кофе и шоколадный батончик:

— На, держи, перекуси по-быстрому. А потом шуруй во вторую переговорную — шеф зовёт.

— В переговорную? Нафига?

— Понятия не имею. Он мне не докладывает, как ты понимаешь.

Прихлёбывая кофе, Артём привычно оглядывал помещение. Девять яйцеобразных конструкций из металла и пластика были расположены в три ряда. Конструкции эти в официальных бумагах именовались модулями индивидуального подключения, а в обиходе — коконами. Пять из них были сейчас задраены — внутри находились люди, а на дисплеях рядом мерцали цифры, графики и зигзаги кардиограмм. Три кокона пустовали, пребывая в готовности. И, наконец, с последним, откуда недавно вылез Артём, возились техники под наблюдением Сёмы.

— Ладно, спасибо за угощение. Пойду, раз начальство ждёт.

— Ага, давай. Приходите, как говорится, ещё.

Артём шагнул в лифт, поднялся на административный этаж. Вторая переговорная напоминала аквариум — стена, отделявшая её общего коридора, была стеклянной, и тех, кто сидел внутри, было видно как на ладони. Подобные дизайнерские решения всегда приводили Артёма в недоумение. Впрочем, его мнение никого, естественно, не заботило.

В аквариуме шеф сидел не один — его собеседниками были двое господ в прекрасных бизнес-костюмах и с хищно-цепкими взглядами. Артёму пришло на ум, что так могут выглядеть перевёртыши-волки, но потом он вспомнил, что уже вернулся из виртуальной сказки в реальность. Ну, значит, не волки, а какие-нибудь инвесторы...

— Присаживайся, Артём, — сказал шеф. — Господа, это — один из наших специалистов, которые так вас интересуют. Он постарается удовлетворить ваше любопытство. Но сначала — позвольте ещё буквально несколько слов о концепции проекта в общем и целом. Вы спрашивали меня, почему мы так далеко ушли от традиционных принципов многопользовательских игр, от многих вещей, которые прежде считались аксиомами и прописными истинами...

— Да, — подтвердил тот волк (то есть, тьфу, инвестор), что был постарше. — Давайте говорить прямо. В вашей игре отсутствует респаун — нас это категорически не устраивает. Одна единственная жизнь для каждого персонажа — такой вариант отпугнёт клиентов.

Голос у него был скрипучий и громкий, тон — не терпящий возражений. Шеф, однако, оставался спокойным:

— Да, я понимаю, о чём вы. Но сверхреалистичность, как выяснилось, имеет очень жёсткую логику. Человек, попадая в нашу игру, практически забывает, кто он на самом деле. В первые полчаса ещё держится настоящая память, но потом она размывается — или, точнее, становится подсознательной. То есть подспудно человек знает, что он в игре, но в роль вживается очень плотно. Если персонаж гибнет, человек просыпается в своём коконе, и обратной дороги нет. Вернуться в игру с тем же персонажем уже нельзя — психика отторгает такую возможность, что приводит к программным сбоям. Для нас самих этот феномен стал поначалу полным сюрпризом. Но таковы факты, ничего не поделаешь...

— Вот смотрите, — вмешался второй инвестор. — Вы пошли в рейд, и вас загрыз монстр. И всё, кирдык? Какой интерес?

— Во-первых, отсутствие респауна компенсируется, хоть и частично, мощной лечебной магией. Грубо говоря,

если персонажу не оторвали голову, то его можно сравнительно быстро вылечить. Во-вторых, как показала практика, далеко не всех игроков интересует истребление монстров без риска для своей собственной шкуры. В нашей игре хватает адреналина и приключений, но нет безнаказанного и бессмысленного кровопролития. Именно это многих и привлекает — наверняка вы об этом знаете, иначе просто не обратились бы к нам.

— Ладно, — сказал волк номер один, — данную тему пока оставим. Сейчас нам прежде всего хотелось бы полной ясности насчёт багов. Например, пресловутое *залипание*...

— Тут, — вздохнул шеф, — действительно есть проблема, причём довольно серьёзная. Но наша компания придерживается принципа полной открытости для инвесторов, так что... В общем, дело такое. Чтобы сознание человека окончательно не растворилось в игре, программа периодически посылает ему сигналы. И персонаж на несколько минут вспоминает — ха, да ведь это всё понарошку! На самом деле я не средневековый рыцарь, а Иван Иванович из Задрищенска. Понимаете? Вот. Но иногда — очень редко — бывает так, что психика игрока подавляет эти напоминания. Игрок *залипает* в виртуальном пространстве. И если его не вывести из этого состояния, он может полностью *закупориться* в игре, что, как вы понимаете, очень и очень плохо. Вот нам и приходится изошряться...

Инвесторы-волки переглянулись, и тот, что помоложе, сказал:

— Взять и тупо отключить *залипшего* от сети. Пусть проснётся.

— Нельзя. Если игрок бесповоротно отождествил себя с персонажем, то внезапное отключение может стать психическим шоком. Человек пострадает в реальном мире.

— Гм. И что вы с таких случаях делаете?

— В таких случаях, — сказал шеф, — вмешиваются особые люди. Вроде него.

И указал на Артёма.

Артём чуть склонил голову, изобразив приветствие. Инвесторы какое-то время скептически разглядывали его, потом младший из них спросил без всяких потуг на вежливость:

— И в чём особенность?

— Уникумы вроде Артёма, — пояснил шеф, — полностью сохраняют в игре свою реальную память. Как им это удаётся — вопрос, как говорится, на миллион долларов. То есть понятно, что на результат влияют индивидуальные свойства мозговой деятельности, но вот какие именно? Нейрофизиологи пытаются разобраться, но пока безуспешно. Артём и ему подобные регулярно подвергаются комплексному обследованию...

— И много у вас таких уникалов?

— Можно пересчитать по пальцам.

— Как выглядит их работа?

В другой ситуации Артём мог бы, пожалуй, и оскорбиться тем, что его обсуждают как какой-нибудь предмет мебели или товар на рынке, но сейчас ему было всё равно. Он устал, и его, несмотря на выпитый кофе, клонило в сон (в настоящий сон, в смысле, без всякого лежания в коконе и погружения в виртуальность). Инвесторы с их циническим интересом не столько злили его, сколько утомляли и вызывали нечто вроде брезгливости. Шеф между тем втолковывал:

— Артём и его коллеги должны найти *залипшего* игрока и подсказать ему, что вокруг — виртуальный мир. Подсказку эту *залипший* должен получить в разговоре лицом к лицу, с соблюдением всех игровых условностей. Только в этом случае он не сможет проигнорировать информацию.

— Мутновато, — пробурчал молодой, — танцы с бубном какие-то. И что, много времени всё это отнимает?

— А вот давайте и спросим у непосредственного участника. Артём, расскажи, пожалуйста, о последней миссии — можно с подробностями, только без имён.

Сообразив, что обратились к нему, Артём кое-как отогнал сонливость, сел прямо и сказал:

— Ну... *Залипла* одна дамочка из Петрозаводска... Подавила воспоминания о реальности — и её магические способности в игре сразу пощёрили вверх. Она ведь искренне считала себя самой крутой ведьмой на районе... То есть, простите, в графстве...

— Значит, — перебил старший гость, — любой *залипший* становится сильнее? Это общая закономерность?

— Да, — подтвердил Артём. — Психологические барьеры снимаются, ну и вот... Но насчёт этого — лучше у психологов спросить, почему и как. Меня-то больше волнуют внешние проявления. Вот как у этой ведьмы — у неё вокруг башни такие спецэффекты пошли... И пейзаж начал перерождаться, и климат... Крестьяне окрестные разбежались... Причём в эту башню мы даже заглянуть не могли — прямо аномальная зона... Пока наши наблюдатели разобрались, кто там буянит, пока подтвердили факт *залипания*... Короче, в конце концов послали туда меня — я уже был в игре, как раз заканчивал другое задание. Получил инструкции и рванул к этой ведьме в гости. Ближайший портал там — в столице графства. Я прошёл через портал, а дальше ехал верхом...

— Почему вас не телепортировали непосредственно в башню?

— Говорю же — аномальная зона, внешнее управление там не действовало. Ну вот, добрался я туда своим ходом, вызвал ведьму на поединок, посмотрел ей в глаза и говорю — так и так, мол, пора на выход...

Он замолчал, и повисла пауза. Инвесторы опять обменялись взглядами, потом встали:

— Нам надо обсудить услышанное и проконсультироваться. Давайте продолжим завтра с утра.

— Разумеется, — сказал шеф и тоже поднялся. — В любое время к вашим услугам.

Артём дождался, пока инвестиционные волки покинут переговорную, после чего спросил:

— Что, Станислав Борисович, реально перцы с деньгами?

— Ты даже не представляешь, — буркнул начальник и, снова присев за стол, потёр седеющие виски. — Если они в нас вложатся, то... Но разговоры про деньги у них — с нашим генеральным, а со мной — про саму игру... Причём у меня ощущение, что про баги эти ребята знают не хуже нас, но всё равно расспрашивают... В общем, ладно, проехали. И не трепись на эту тему ни с кем, понятно?

— Не буду, Станислав Борисович, вы же знаете.

— Знаю, поэтому и говорю как есть. Ты у нас — товарищ проверенный. Стоял, можно сказать, у истоков...

Артём подумал — а ведь действительно, пять лет пролетели быстро, компания разрослась. Теперь даже с трудом верится, что когда-то в виртуальном пространстве был один-единственный городок...

— Ну-ка, — сказал шеф, — давай глянем, что ты сегодня наворотил.

Он взял планшет и синхронизировал его с настенным экраном, где спустя несколько секунд появилось изображение — та самая долина, через которую недавно ехал Артём (точнее, Снегирь). С высоты птичьего полёта территория вокруг башни была похожа на чернильную кляксу. Развалины неприятно чернели в центре.

— Справился хорошо, — похвалил начальник, — но вообще ситуация неприятная. Слишком резко эта Глузьякина округела, сила нарастала по экспоненте. Если бы мы не вмешались, тётка через неделю могла бы загадить весь континент... Раньше до такого не доходило...

— Да, — подтвердил Артём. — Раньше как-то всё поскромнее выглядело. А программисты что говорят?

— Программисты тихо охреневают. Дело, Артём, серьезнее, чем ты думаешь. Есть ощущение, что виртуальность потихоньку выходит из-под контроля. Пока это ещё не тенденция, а только намёк — но намёк достаточно явный. Более того...

Он замолк, будто был не до конца уверен, нужно ли обсуждать эту тему. Но всё-таки продолжил:

— В общем, можно предположить, что кто-то целенаправленно нам мешает. Там, в виртуальном мире.

Артём недоверчиво хмыкнул, потом осторожно уточнил:

— Конкуренты? Каким же образом? Я ещё понимаю — напакостить нам в реале, но внутри игры — это как вообще? Серверы-то у нас под контролем...

— Вот мы и ломаем голову. В реале специалисты уже работают, а в игре — разбираться придётся нам. Уточняю: «нам» в данном случае означает «тебе».

— Спасибо, я догадался, — буркнул Артём. — Вы ж не просто так со мной завели беседу...

— Подробные инструкции — завтра. А пока — поезжай домой, отдохни. И не напивайся сильно — с утра ты мне нужен со свежей головой.

— Ясно.

Артём уже подошёл к двери, когда шеф сказал ему вдогонку с иронией:

— Если пойдёшь за пивом, то не ломись в закрытые магазины. А то ведь могут и ментов вызвать. У нас же тут не игра.

— Не понял? — обернулся Артём. — Это вы на что намекаете?

— Да просто логи смотрю. Ты по пути к ведьме остановился на покинутом постоялом дворе и пробыл там десять минут. Коньяк тырил?

— Почему «на покинутом»? Хозяин на месте был, колоритный такой степняк. Он меня позвал — ну, я и решил потратить несколько минут, расспросить его по-быстрому, как оно там, в окрестностях.

Начальник снова взгляделся в экран планшета:

— Ты, Артём, что-то пугаешь. Никаких степняков там быть не могло. Хозяева постоялого двора — супружеская пара стандартной внешности. И они сбежали ещё вчера.

— И снова не понял, — пробормотал Артём. — Значит, этот чувак зачем-то притворился хозяином, угостил меня грогом... Хорошо, кстати, притворился, у меня и тени подозрения не возникло... Но ради чего всё это? Никаких секретов он не выпытывал, агрессии не проявлял... Задержал меня совсем ненадолго, на результат поездки это не повлияло вообще никак...

Шеф нахмурился, продолжая считывать информацию:

— Слушай, Артём... Ты как себя вообще чувствуешь? Голова не болит? Соображаешь нормально?

— Станислав Борисович, не пугайте меня. В чём дело?

— На постоялом дворе, судя по сохранённым файлам, ты был один. Совершенно один, подчёркиваю. То есть ни с кем говорить не мог.

— Да ладно вам. Мне, по-вашему, почудилось, что ли? Я, правда, его личные данные почему-то сразу не глянул... Как-то в голову не пришло... Но вы же запись можете посмотреть, какие проблемы?

— Сохранились только системные логи. Видеозапись отсутствует — шли сильные помехи от башни.

Артём ощутил унижительную растерянность. Никаких доказательств того, что разговор на постоялом дворе действительно имел место, у него нет. Но сам-то он отлично всё помнит! И полированную деревянную стойку, и блеск бутылок, и насмешливый голос хозяина-самозванца...

Он попытался ещё раз прокрутить тот разговор в памяти — и скривился от боли, будто получил удар по затылку. Пошатнувшись, он услышал обеспокоенный голос шефа:

— Артём! Ну-ка посмотри на меня!

Сфокусировать взгляд удалось с некоторым трудом. Несколько мгновений Артём стоял, глубоко дыша. Боль постепенно отступила, самочувствие пришло в норму.

— Значит, так, — сказал шеф, — давай-ка бегом на экспресс-обследование.

— Меня Сёма уже проверил...

— Сёма всего лишь оценил общее состояние. А сейчас ты пойдёшь в медблок, где серьёзный сканер. После этого — домой, отдыхать. От погружений я тебя временно отстраняю. Считаю, что у тебя внеплановый отпуск.

— Но вы же только что говорили — с утра надо на инструктаж...

— Артём, по-твоему, я могу отправить на задание человека, который страдает галлюцинациями?

Так и не придумав, что возразить, Артём поплёлся по коридору к лифту. Вяло подумал, что отпуск — это не так уж плохо. Лишь бы отпуск этот плавно не перешёл в увольнение...

В медблоке всё сверкало стерильной, неестественной белизной. Плафоны на потолке светили раздражающе-ярко. Дежурила, как назло, не симпатяжка Леночка, а пожилая мымра Зоя Кондратьевна. Посмотрев на Артёма так, будто он оторвал её от чрезвычайно важного дела, она велела ему сесть в кресло и нацепить шлем-сканер.

Приборы едва слышно гудели. Зоя Кондратьевна молча стояла рядом, глядя на монитор. Артём от нечего делать попытался прочесть название журнала, лежащего на столе в противоположном углу. Что-то про дачу, кажется. На обложке — тётка в панаме рядом с разлапистым цветущим кустом.

Запиликал допотопный мобильник, валявшийся по соседству с журналом. Докторша взяла его, недовольно буркнула:

— Да, Станислав Борисович. Как раз заканчиваю сканирование. Результаты? Не вижу никаких отклонений. Здоров как Буратино... Нет, с нашими ресурсами ничего тут больше не выяснишь — я ведь сколько раз уже говорила, что нужно новое оборудование... А? Да, всё поняла. До свидания.

Закончив разговор, она бросила Артёму:

— Свободен. Станислав Борисович сказал — если что, позвонит и вызовет.

Не добившись от неё больше никаких пояснений, он попрощался, спустился на первый этаж и вышел на улицу. Уже стемнело; погода стояла мерзкая — мартовский ветер выл, не переставая, швырялся в лицо не то мокрым снегом, не то ледяным дождём.

Фонари моргали сквозь беловато-серую пелену. Дорога превратилась в полужидкое месиво — машины, заполошно сигналив и заплёвывая друг друга, рывками ползли в направлении светофора. Артём подумал, что пробки сегодня — образцовые, почти как в Москве; прикинул с тоской, сколько займёт поездка, если он сядет сейчас за руль. А сначала ведь надо ещё дойти до стоянки — она тут расположена неудобно, не прямо возле здания, а чуть в стороне...

Послышался звон, и мокрую мглу раздвинул краснобокий трамвай. Номер было не рассмотреть, но Артём знал — чаще всего тут ходит восьмёрка, на которой можно доехать прямо до дома.

Разбрызгивая лужи, он сделал корявый спринтерский рывок и успел-таки вскочить на подножку. Облегчённо перевёл дух — и только после этого вспомнил, что завтра утром он сюда не вернётся, поскольку отстранён от работы. А машина осталась тут — глупо получилось...

Но трамвайные двери уже закрылись, и дёргаться было поздно.

Артём мысленно махнул рукой, протиснулся к заднему окну, посмотрел на улицу — и чуть не матюкнулся на весь трамвай.

Под фонарём стоял тот самый степняк-трактирщик.

Одет он был, правда, не как в игре — сейчас на нём были джинсы и куртка-аляска с меховым капюшоном. Зато лицо с желтовато-охрянными, чуть светящимися глазами узнавалось сразу и безошибочно.

Он смотрел прямо на Артёма.

Ущипнув себя за запястье, Артём тряхнул головой и снова уставился за окно — но тип из игры как раз в этот момент отвернулся. Край капюшона полностью скрыл лицо, да и трамвай отъезжал всё дальше — силуэт на обочине постепенно растворялся во мгле.

Артём прислонился лбом к замызганному стеклу и принялся мучительно размышлять, насколько далеко уехала его крыша и как бы её вернуть на прежнее место. Если мыслить рационально, ты вывод прост — степняк ему померещился. Переутомление, все дела...

Но слишком уж ясно он разглядел желтоглазого.

Зайдя в продуктовый возле дома, он купил полбатона ветчинной колбасы и буханку белого хлеба, уже разрезанную на ломтики и завернутую в целлофан. Ещё взял двухсотграммовую фляжку дешёвого коньяка с тремя звёздочками. Ценителем элитного алкоголя он никогда не был, а сейчас просто хотелось выпить.

Поднялся в квартиру, прошёл на кухню. Сделал себе бутерброд, плеснул коньяк в рюмку. Выпил одним глотком, закусил.

Вроде полегчало.

Артём подумал не без цинизма — хорошо хоть, с подругой Сонькой он окончательно расплевался ещё неделю назад. Семейная разборка с воплями и упрёками в пьянстве приплась бы сейчас некстати.

На кухне было уютно, уходить не хотелось. Продолжая жевать, он включил маленький телевизор, закреплённый на кронштейне в углу. Дикторша центрального канала затарахтела:

— Президент Российской Федерации Михаил Кириянов провёл сегодня в Кремле переговоры с главами пяти крупнейших транснациональных концернов, работающих в нашей стране. Он подчеркнул, что сотрудничество с международными деловыми кругами является неизменным приоритетом национальной политики. Глава государства выразил надежду, что и бизнес-сообщество, в свою очередь, будет придерживаться принципов

транспарентности и открытости...

Хмыкнув, Артём переключил канал. В спортивной студии комментаторы с унылыми лицами обсуждали, почему столичный «Спартак», в кои-то веки продравшись сквозь групповой этап Лиги чемпионов, в одной восьмой финала продел не только выездной матч, но и домашний тоже.

Артём ещё раз нажал на кнопку и попал на местные новости. Ведущая здесь была, пожалуй, даже посимпатичнее, чем москвичка. И помоложе, кстати. В её исполнении текст звучал несколько по-детски, зато эмоционально — так, словно она и впрямь переживала насчёт того, что подсказывал ей телесуфлёр:

— ...повышение интереса к нашему региону. Об этом сообщают источники, близкие к администрации области, комментируя заявление президента. В частности, по их данным, корпорация Джей-Кью-Эйт изучает возможность крупных инвестиций в проекты, которые у нас успешно реализуются. Конкретных деталей источники пока не назвали...

Артём задумался. Ему вспомнились давешние волки-инвесторы, приходившие в офис. Может, они и правда из Джей-Кью-Эйт? Это была бы запредельная крутизна. Тогда их надо уже не с волками сравнивать, а с акулами, с гигантами-кашалотами. Или сразу с Великим Кракеном...

Кормовая база у них огромна — телекоммуникации, софт, причём самый разнообразный. Так почему бы не прикупить и перспективную многопользовательскую игрушку? Пусть даже игрушка эта раскрутилась пока только в России. Они-то как раз, если захотят и увидят потенциал, запросто её выведут на международный рынок.

Да, теоретически такое возможно.

Если только не подтвердятся слухи, что игра выходит из-под контроля...

На экране тем временем опять замелькали кадры с кремлёвской встречи. Председатель правления Джей-Кью-Эйт там тоже присутствовал — маленький, сухой, остролицый. Дождавшись очереди, вежливо пожал руку президенту Кирьянову.

Президент смотрел устало и хмуро.

Примерно такой же взгляд, как вспомнилось Артёму, имел последний генсек, когда красный флаг над Кремлём спустили, а Союз, дотянувший до девяносто восьмого года, всё-таки рухнул, рассыпался на осколки. И впервые прозвучала сакраментальная фраза про «внешнее управление»...

Артём выключил телевизор, перешёл в комнату и лёг на диван. Мысли продолжали роиться назойливо и бесвязно. То выныривала из памяти ведьма, то насмешливо ухмылялся степняк, то прищуривались инвесторы. Оплывала башня-свеча, мигал медицинский сканер, трамвай уползал в холодную мглу.

Заснуть удалось лишь ближе к полуночи.

А утром раздался телефонный звонок.

Артём с удивлением уставился на смартфон, который от нетерпения вибрировал и елозил по прикроватной тумбочке. На экране высветился номер Станислава Борисовича. С чего вдруг? Вчера же было сказано — отпуск...

— Алло.

— Значит, так, Артём. — Голос шефа звучал встревоженно. — Обстоятельства изменились, твои каникулы отменяются. Ноги в руки — и на работу, я жду тебя у Сёмы.

— А что случилось?

— Если коротко — форс-мажор. Приедешь — объясню, что и как. Всё, давай, не тормози. Выдвигайся.

Шеф отключился. Артём ещё несколько секунд таращился на потемневший экран, потом прошлёпал в санузел. Полюбовался на морду в зеркале, заросшую трёхдневной щетиной. Подумал мстительно — а вот хрен вам, бриться не буду. Сказали — срочно, ну и не жалуйтесь...

Ночью подморозило, причём сильно, и улица превратилась в каток. Оскальзываясь на каждом шагу, Артём кое-как добрался до остановки. Сообразил, что время — самое неудачное, утренний час пик. Асфальтовый пяточок возле рельсов был переполнен. Хмурые работяги, сонные школьники, тётки-пенсионерки в бесформенных серых пуховиках (вечная загадка — почему этим тёткам приспичило ехать куда-то именно утром, когда повсюду толпы народа). Ярким пятном выделялась разве что девица-студентка в кислотно-розовой курточке и ультракороткой юбке — подрагивала от холода, пристукивая каблучком по асфальту.

Трамвай наконец подъехал. Токоприёмник царапал обледенелые провода, разбрызгивая багряно-жёлтые искры. Артём втиснулся в салон и прикрыл глаза, жалея, что не захватил наушники. Пенсионерки справа что-то бубнили о предстоящем повышении цен. Худой мужичонка слева пихался костлявым локтем и шмыгал носом.

Реальный мир брал Артёма в клещи.

Остро захотелось нырнуть в спасительный кокон.

Дождавшись-таки своей остановки, он продрался к выходу. Вдохнул с облегчением и зашагал к офисному центру, где компания арендовала два этажа.

— Чего так долго? — спросил Станислав Борисович. — Просил же — быстрее!

— Как смог. Извините.

— Ладно, слушай сюда. Мне через десять минут — опять в переговорную к этим. А ты сейчас — обратно в игру. Погружаешься и сразу едешь в Тень-город. Твоя задача — разыскать персонажа с никнеймом Бакенщик. Он должен где-то там ошиваться, если информация достоверная...

— Погодите, что значит — должен? Вы что, из реала не можете посмотреть, где он сейчас конкретно?

Шеф тяжело вздохнул, снял очки и потёр переносицу:

— В том-то и проблема, Артём. Бакенщик — не игрок и не НПС. Он не зарегистрирован. Понимаешь? Отсутствует в нашей базе! Мы не видим его. А о том, что он вообще существует, знаем только со слов других игроков.

— Слушайте, шеф, вы меня простите, но это какая-то голимая мистика.

Станислав Борисович не ответил — лишь мрачно посмотрел на Артёма. Тот несколько смешался, взял паузу, после чего спросил осторожно:

— Ну, раз другие игроки с ним общались, то хоть фотка его должна быть? Скриншот же кто-нибудь сделал?

— Пытались сделать, но без толку. Получается брак — какие-то пятна вместо изображения. И в логах тоже лакуны. Вот только не спрашивай, как это может быть! Я без понятия! И устного описания тоже дать не могу. Никто из тех, кто с ним говорил, не запомнил внешних примет. Как будто гипноз какой-то включается.

— Офигительно. И как быть?

— Прояви смекалку! Это вообще-то твоя работа — разрешать нестандартные ситуации. Повторяю задание — ты его находишь и выясняешь, что кто он такой, как проник в игру и что ему надо. А ещё — что он знает о *закупорках*, которые происходили недавно.

— А почему он должен что-нибудь знать?

— Он, по слухам, общался с несколькими *залитшими*. В том числе — с твоей ведьмой, которая Повилика Шестая.

— Восьмая вроде.

— Да пофиг. Главное, что он якобы ездил к ней неделю назад. До меня эта информация дошла буквально сегодня ночью... Короче, Артём, ты понял? Вопросы есть?

Вопросов у Артёма имелась целая куча. Но, во-первых, он понимал, что конкретных ответов всё равно не последует (собственно, за ответами его и посылают в игру). А во-вторых, шеф уже поглядывал попеременно то на часы, то на дверь. Время, похоже, действительно поджимало.

— Ладно, Станислав Борисович. Отправляюсь.

— Да, и ещё. О результатах докладываешь мне устно. Отчёт официально не оформляешь. Понял?

— Угу. Всё серьёзно?

— Более чем. Удачи.

Медлить Артём не стал. Выйдя от шефа, сразу направился на своё рабочее место, в зал игровой загрузки. Разделся, улёгся в кокон. Сработали захваты — теперь он не смог бы пошевелиться. Надвинулась полупрозрачная крышка — сквозь неё было смутно видно, как техник Сёма изучает показания на экране и вводит команды с клавиатуры.

На внутренней стороне крышки замерцали цифры — пошёл обратный отсчёт.

Десять секунд до погружения.

Девять.

Восемь...

Артём ощутил головокружение и лёгкую тошноту.

Реальный мир подёрнулся рябью и потускнел.

Потом в этих тусклых сумерках возникла яркая точка, будто засветилась звезда. Она призывно мерцала, звала к себе. Он мысленно потянулся к ней и почувствовал, что скользит сквозь пространство. Разум пытался протестовать, напоминая, что тело заперто в коконе, но восторг от скольжения уже захлестнул Артёма. Звезда сверкнула, вспыхнула с утроенной силой, серебряный свет залил всё вокруг.

Артём-Снегирь задержал дыхание...

...и шагнул из портала.

Его появление в игровом пространстве не произвело фурора. Разве что крепыш с живописным шрамом на морде и с мечом за спиной зыркнул из угла порталного зала, а миниатюрная брюнетка, листавшая фолиант с адресами, вежливо улыбнулась. Брюнетке Снегирь улыбнулся тоже, на крепыша взглянул с подчёркнутым равнодушием — и шагнул на залитую солнцем улицу.

Впрочем, строго говоря, павильон с порталами стоял не прямо на улице, а слегка на отшибе, на пологом холме. Площадка перед входом была вымощена брусчаткой и отделялась от склона изящной каменной балюстрадой. Снегирь, облокотившись о перила, окинул взглядом окрестности.

Вид ему открылся не хуже, чем на открытке. Городок, приютившийся у холма, утопал в белой пене яблоневых садов. Меж крон виднелась разноцветная черепица, изумрудно зеленели лужайки. Река за дальней околицей вальяжно посверкивала золотыми солнечными чешуйками.

У балюстрады, на которую опирался Снегирь, цвели ромашки и колокольчики. Над ними гудели шмели, мохнатые и солидные, но к перилам не приближались. Покусанные клиенты были разработчикам ни к чему.

Здесь, в этой части материка, времена года сменялись, как и положено. Но, разумеется, с поправкой на пожелания почтеннейшей публики. Если уж зима — то пушисто-белая, с деликатным морозцем и уютным потрескиванием поленьев в каминах. Если осень — то золотая, фруктово-сладкая. Ну а если весна — то кипенная, пьянящая, буйная. Вот как сейчас примерно...

Городок стоял на пересечении трёх дорог. Широкий тракт с верстовыми столбиками уходил на юго-запад, в столицу. В том направлении как раз выдвигался небольшой компактный обоз — волы, телеги, несколько верховых. Другая дорога шла на восток, где искрились вершины Корундового Хребта. И, наконец, на север вёл ещё один наезженный путь; пункт назначения виднелся у горизонта — бледное сероватое марево, которое чуть заметно подрагивало. Марево это вызывало смутное беспокойство и несколько нарушало благостность окрестных пейзажей.

Там, на севере, и находился Тень-город — место, пользующееся весьма сомнительной репутацией. Туда съезжались те игроки, которым не хватало разгула и приключений в большинстве стандартных локаций. Город слыл оплотом авантюристов, адреналиновых наркоманов и конченных отмороzkов.

Попасть туда напрямую через порталы было нельзя. Точнее, порталы-то там имелись — но прежде чем получить к ним доступ, путешественник обязан был въехать в город по обычной дороге. Тратя на это пару лишних часов, он волей-неволей задумывался — а нужно ли вообще соваться в Тень-город?

Снегирь в городе уже бывал, и далеко не единожды, но с момента последнего посещения прошло больше трёх месяцев. При таком большом перерыве система обнуляла статистику. То есть сейчас Снегирию предстояло добираться туда без всякой телепортации, как обычному новичку.

А значит, требовалось средство передвижения.

Он спустился по тропинке с холма и зашагал к конюшне, которая располагалась поблизости, за деревьями. Ветерок, напоенный цветочными ароматами, игриво лизнул в лицо и взъерошил волосы.

— А, Снегирь! Какими судьбами?

Хозяин конюшни приветственно помахал рукой. Мужик он был колоритный, с юмором — не НПС, а настоящий игрок. В реале — ветеринар-недоучка, фрилансер, едва сводящий концы с концами, в игре же — уважаемый гражданин, богатый делец, с которым за руку здороваются сам бургомистр.

— Привет, Айболит. За транспортом к тебе.

— Это само собой. Выбирай на вкус. Но сначала, может, винца?

— Уговорил. Давай.

Они сели за деревянный столик под огромным кустом черёмухи. Высокая грудастая девка принесла кувшин и глиняные, подчёркнуто-простецкие кружки. Снегирь сделал глоток, кивнул:

— Нехилый тут у вас винодел.

— А ты думал. Десятый ранг.

Ранги, они же уровни, заслуживались в игре с изрядным трудом. И ценились намного выше, чем в какой-нибудь стандартной стрелялке. Перейти на второй десяток удавалось лишь очень опытным игрокам. А самый крутой персонаж, с которым сталкивался Снегирь, имел семнадцатый ранг — тёмный маг-отщепенец, личный враг четырёх клан-лидеров побережья (задрот из Бутово, сын директора торгового центра).

Какой уровень был у владельца конюшни, Снегирь навскидку не помнил. Заинтересовавшись, усталился ему в переносицу, сосредоточился и коротко шепнул:

— Справка.

Над головой у собеседника замерцали зеленовато-синие искры — они сложились в слова: «Никнейм: Айболит-с-Района. Раса: человек. Класс: торговец. Специализация: фауна. Ранг: 8». Дальше шли служебные пометки, которые обычный игрок не смог бы увидеть.

— Чего вылупился, Снегирь?

— Да так, любопытствую. Кстати, раз уж речь зашла... Индивидуальный кокон эр-эм триста двадцать дробь сорок шесть. Бонус-пауза.

Автоматические сигналы, о которых шеф вчера толковал инвесторам, посылались игрокам каждые два часа. На несколько минут человек отчётливо и ясно осознавал, что вокруг — игра. Чтобы это не становилось шоком, мозг аккуратно сглаживал информационные перепады. Играющему казалось, что он просто отвлёкся от очередного квеста и задумался о жизни вообще, о собственной роли в мире. А затем воспоминания из реала снова отступали на второй план, становились подспудными.

Но ещё можно было дать внеплановый импульс, что и сделал сейчас Снегирь, назвав номер кокона. Собеседник застыл на миг, прислушиваясь к себе, потом усмехнулся и подлил ещё вина в кружки. Спросил:

— Как там в Москве погода? А то я уже сутки не вылезал.

— Мороз. Как и на всей европейской части.

— Вот блин. Возвращаться реально влом. Будь моя воля — вообще сюда бы переселился. Если б ещё бабло разрешили в реал выводить без ограничений, по нормальному курсу...

— Ага, раскатал губу.

— Помечтать нельзя? И, кстати, у меня чувство, что ты не просто так со мной квашишь. Спросить чего-то хотел?

Снегирь кивнул:

— Ты тут — на бойком месте, в курсе местной движухи. Может, подскажешь — чувак с ником Бакенщик мимо не проезжал?

— Нет, — сказал Айболит, подумав. — Хотя сам ник доводилось слышать. Мутный какой-то тип. И слухи невнятные — вроде рейд сорвал Черепам недавно. Но без подробностей почему-то...

Снегирь, продолжая слушать, зашёл к Янтарным Черепам на клановый форум. Там и правда с пеной у рта обсуждали несостоявшийся рейд, но Бакенщик не упоминался ни разу. То ли рядовые бойцы про него не знали, то ли имя попадало под блок.

— Слушай, — продолжал Айболит, — а чего ты сам не пробьёшь его через поиск? Ты ж из Птичьего Ордена, у вас вся инфа...

— Долго объяснять. Свои заморочки, — буркнул Снегирь. — Но ты мне помог, спасибо. Держи плюс двадцать пять к репутации. А вообще, мне уже ехать пора. Пошли посмотрим твоих коняшек.

Выражение лица у хозяина неуловимо переменялось. Теперь он снова ощущал себя дельцом, а не лузером из реала. Сделав приглашающий жест, он повёл гостя к стойлам.

Снегирь вообще-то не очень любил животных.

В реальной жизни у него не было ни кота, ни собаки, ни даже плохонькой аквариумной рыбёшки. Он совершенно не понимал, как можно просыпаться в несуетную рань, чтобы выгулять какого-нибудь блохастого дармоеда. А потом помыть ему лапы, накормить, поменять лоток — и что там ещё положено...

Нелюбовь эта, будучи составной частью его природы, перенеслась и в игру. Так что обзаведение личным питомцем

было ему противопоказано. При необходимости он брал напрокат коня — и без всякого сожаления бросал его, завершая очередную миссию. Благо лошадки были смышлённые и возвращались в стойла самостоятельно, если дать им соответствующую команду.

Зато для тех пользователей, которые в зверушках души не чаяли, игра была настоящим раздольем.

В конюшне у Айболита, вопреки названию, содержались не только кони. Имелись тут и тягловые волю (массивные, угрюмо сопящие), и охотничьи псы (поджарые, зубастые, резкие), и почтовые голуби (сизые, суетливые, лупоглазые), и даже саблезубый медведь для полного счастья. Если бы дело происходило в реале, вонь стояла бы до небес. Но разработчики смилостивились — фауна хотя бы не гадила. Только мычала, лаяла, порывивала и дальше по списку.

— Тебе какой вариант? — спросил Айболит. — Чтобы побыстрее доехать? Или подрастья тоже?

— Без драки, пожалуй, не обойдётся. Но совместимость у меня, сам знаешь, фиговая, так что боевое зверьё — в пролёте. Стандартный резвый скакун — и хватит.

— Форсаж-галоп нужен?

— Да, обязательно.

— Тогда бери вон того.

Хозяин указал на рыжего жеребца — тот маялся в дальнем стойле, а при виде клиента фыркнул с долей презрения. Снегирь пожал плечами:

— Ладно, сойдёт.

— Надолго арендуешь?

— Не знаю. Ориентировочно — пара дней. Да, кстати, ещё карту Тень-города дай, пожалуйста.

Выехав за околицу, он сразу послал скакуна в галоп. Для рядовых игроков форсированный режим был недешёвой дополнительной опцией, но Снегирь привычно воспользовался преимуществами своего положения. Конь рванул во всю прыть, ветер хлестнул навстречу, пейзаж по обеим сторонам дороги чуть смазался. Вёрсты дробились под копытами, пыль поднималась шлейфом, минуты свистели мимо.

Скачка заняла полчаса. Лишь однажды за это время Снегирь ненадолго притормозил, чтобы присмотреться к картине, открывшейся по левую руку. В распадке между холмами чернело выжженное пятно радиусом в сотню шагов, и там, в самом центре этой угольной черноты, лежал скелет гигантского ящера. Зияли пустые глазницы, торчали обломки рёбер. Хребет был перебит в двух местах. Тварюгу, похоже, колошматили долго, целенаправленно и с размахом. Причём происходило это совсем недавно — земля под скелетом до сих пор немного дымилась. Судя по сиреневому оттенку, это был не обычный дым, а остаточные токсичные испарения какой-то алхимической дряни.

Обитатели Тень-города развлекались в своей манере.

Снегирь погнал коня дальше.

Город надвинулся вдруг и разом — стены из тёмно-серого замшелого камня, громоздкая надвратная башня. Дальше, за стенами, были мрачные, болезненно-высокие терема. А над их вершинами, словно туча, выдоенная до полной прозрачности, колыхалось зыбкое марево. То самое, что Снегирь увидел ещё с развилки.

Вход украшала магически вытравленная надпись: «Путник! Здесь могут убить. Ты предупреждён». Снегирь вздохнул и постучал в ворота.

Несколько секунд ничего не происходило, потом послышались невнятные голоса. С мучительной неохотой заскрежетал замок. Стражники явно не торопились. Вся эта возня, впрочем, была не багом, а фичей — за то время, пока она продолжалась, перед глазами у Снегиря всплыло системное сообщение: «Уважаемый пользователь! Данная локация является зоной повышенной опасности. Вы рискуете получить урон, несовместимый с дальнейшим осуществлением индивидуального игрового сценария. Помните! Возможная гибель вашего персонажа необратима. Администрация игры не несёт за неё ответственности. Вступая в локацию, вы автоматически подтверждаете, что ознакомлены с соответствующим параграфом правил и понимаете его смысл».

В общем, если отбросить канцелярскую шелуху, сообщение дублировало страшилку, вытравленную на створках. Для тупых, надо полагать. Или, наоборот, для особо ушных.

Ворота наконец отворились. Двое стражников-неписей с мастерски запрограммированными похмельными рожами воззрились на Снегиря враждебно и недоверчиво. Один из них буркнул:

— Ну?

— Подковы гну, — вежливо ответил Снегирь. — Плату за вход прими и свали с дороги. Некогда мне.

— А ты мне, ядрёна хна, не дерзи. Я сюда господином сотником лично определён — в целях радения и недопущения. Мне заезжий хрен с горы — не указ.

Сказав это, стражник вытер нос рукавом и поудобнее перехватил алебарду. Снегирь понимал, что подобное незамутнённое хамство — тоже часть алгоритма. Очередной барьер, чтобы отпугнуть тех, кто не очень-то уверен в себе. Но тратить время на сценарные выкрутасы сейчас было не с руки.

Он взмахнул плетью — и алебарда, вырванная у стражника, отлетела к стене. Обезоруженный хам зашипел, схватившись за отбитые пальцы. Его напарник угрожающе хрюкнул и дёрнулся к Снегирию, но тот предостерёг:

— Хватит! Будете рыпаться — отметелю, как последних холопов. И сотнику Яромиру пожалуюсь, что его подчинённые вконец оборзели.

— Так это, сударь... — На лице пострадавшего отразилась работа мысли. — Вы, стало быть, сотника-то нашего знаете? И в город по делу прибыли?

— А ты думал? Короче, вот. — Снегирь достал золотой целковый и швырнул его привратникам под ноги. — Плату я внёс, воспитательную беседу провёл. Живите и радуйтесь.

Миновав караулку, он выехал на неширокую мощёную улицу. Слева обнаружился дешёвый кабак, справа — оружейная лавка. Их владельцы, очевидно, рассчитывали на то, что странник, прорвавшись-таки в Тень-город, первым делом накатит сотку для храбрости, затем пополнит свой арсенал и лишь после этого погрузится в клоаку... то есть, тьфу, в бодрящую атмосферу приключений и авантюр.

Дверь кабака распахнулась, и на крыльцо вылетел взъерошенный тип в натальной рубахе. Судя по характеру бега, он получил сапогом под зад. Сверзился со ступенек, тут же вскочил, развернулся и кинулся обратно к двери — но из проёма ему навстречу прилетела массивная табуретка. Она с деревянным стуком ударила его между глаз. Тип с размаху опрокинулся навзничь и остался лежать в таком положении.

Снегирь неторопливо проехал мимо.

Если бы он был в городе впервые, то, пожалуй, заглянул бы в кабак, послушал бы сплетни, чтобы вычленив полезную информацию. Но он тут уже бывал и удостоверился — завсегда и заведения озабочены только тем, чтобы обуевать заезжего лоха. Подсунуть, к примеру, фальшивый квест. В Тень-городе такая возможность вполне предусматривалась сценарием...

Навстречу прогрохотала телега. Возница, держа ладонь на рукояти меча, покосился на Снегиря. Под дерюгой, которая прикрывала повозку, угадывались мощная туша, с борта свешивалась когтистая лапа.

Из слухового окна на крыше вылез чёрный котяра. Вряд ли бродячий — скорее, пет. Провожая взглядом телегу, он выгнул спину и зашипел; шерсть встопорщилась у него на загривке. Выждав, пока повозка с тушей отъедет ещё на пару десятков метров, кошка двинулась в ту же сторону по карнизу.

Город жил своей жизнью.

Переулок, где Снегирь через четверть часа остановил коня, был безлюден и тих. Ступеньки вели в полуподвальную лавку с вывеской: «Зелья. Эликсиры. Экстракты». Стоило только перешагнуть порог, как в глазах зарябило от стеклянного блеска. Колбы, колбочки, пузырьки, пробирки, мензурки шеренгами стояли на полках и на столах. Имелась тара и покрупнее — баллоны, жбаны, а также мутноватая ёмкость, до боли напоминавшая четверть из-под деревенского самогона.

Толстяк за прилавком машинально изобразил улыбку при виде нового посетителя, но, узнав Снегиря, поморщился и страдальчески произнёс:

— Опять ты?

— В этом городе, — пожаловался Снегирь, — мне, похоже, никто не рад. Тенденция настораживает.

— Ой, я тебя умоляю. Твой вертухайский юмор у меня вот где, — пробурчал торговец, приложив к шее ребро ладони. — Говори, что хотел, и вали отсюда.

— А тебе, смотрю, даже номер кокона напоминать не надо. Память при виде меня сама просыпается? Это радует. Условный рефлекс — полезная штука. Ну, раз так, вопрос к тебе будет следующий, Варя...

Толстяка буквально перекосило. Он рявкнул:

— Я не Варя! Я Варёный-из-Тени, понял? А твои провокации мне — вообще до одного места! Я на них не ведусь!

— Как скажешь, — кротко согласился Снегирь. — Мне нужно знать, что ты слышал о персонаже, которого зовут Бакенщик. Правда ли, что именно он сорвал Черепушкам рейд? Зачем он это сделал и каким образом? Да, и предвосхищая встречный вопрос, сразу уточню — не надо мне советовать воспользоваться поисковой системой. Делись своей информацией.

Торговец побарабанил пальцами по столу и опасливо огляделся, словно хотел проверить, не притаился ли в жбане соглядатай. Сказал, понизив голос:

— Этот Бакенщик — сволочь та ещё. Двум нашим недавно обломал бизнес — Бздыку и Мародёру Тридцать Восьмому...

— А, это те, что игроков кидали?

— Не суть. Они с ним, короче, из-за чего-то поцапались, предъяву кинули. А он к ним пришёл и обнулil ранги...

— Стоп. Как это — обнулil?

— Каком кверху! У Бздыка четвёртый был, у Мародёра — седьмой, а теперь — нулевые оба! И близко к ним никто не подходит, потому что слушок пополз — кто с ними корешится, на того тоже перекинется...

— Народный фольклор? Ну-ну. И к администрации с жалобами они, я так понял, не обращались?

— Он их предупредил, что в случае чего в реале найдёт... И хрена ль ты лыбишься? Он, по ходу, и не такое может...

— Ясно, — хмыкнул Снегирь, отметив про себя, что система по какой-то причине не сочла багом этот казус с обнулёнными рангами. — Где Бакенщик тусуется? Как с ним связаться?

— Я без понятия. Он сам приходит, когда ему что-то надо.

— Ладно, а что насчёт Черепов?

На улице что-то лязгнуло, коротко заржал конь. Торговец вздрогнул и замолчал, напряжённо вслушиваясь. Снегирь не чувствовал прямой и близкой угрозы — татуировка-оберег на предплечье никаких сигналов не подавала. Тем не менее он быстро шагнул к двери, выглянул наружу. Его конь послушно дожидался у входа, а переулочек был по-прежнему пуст.

— Всё окей, Варёный, не дёргайся. Никого там нет.

— Ага, ну да... Слушай, шёл бы ты уже, а? Мне реально стрёмно... Он на нас, по ходу, наводится — копчиком чую...

— Не зли меня. Если хочешь, чтобы я побыстрее свалил, рассказывай, что там с Черепами. Коротко, внятно. Они, я так понял, собирались в Каньон Клыкков?

— Типа того. Дескать, мобов гасить, ага...

— Почему «дескать»? Там и правда мобов полно, причём довольно опасных. В одиночку туда соваться бессмысленно, а слаженной группой — самое то.

— Лут с этим мобов — так себе. Ну, то есть, неплохой, но без уникав. Развлечение для народа. Клан-лидам такое не интересно.

— Ну, может, просто хотели рядовых бойцов прокачать?

Варёный огляделся ещё раз, перегнулся через прилавок, и прошептал:

— Там, говорят, скрытый данж. Реально эпический.

— Ерунда. Очередные байки из склепа.

— Тебе виднее, начальник, — сказал торговец с лёгкой издёвкой. — Сам, значит, разберёшься, из-за чего там кипеш. А при чём тут Бакенщик, я не в курсах, реально. Можешь хоть наизнанку вывернуть. И вообще, мне работать уже пора. Зелья прокиснут, пока я с тобой базарю.

Снегирь хотел ещё раз напомнить толстому, какую тот дал подписку и почему не надо наглеть, но поленился. Молча вышел из лавки, сел на коня, доехал до конца переулочка и, остановившись там, достал карту. Развернул её и связался через чат с дежурным админом Птичьего Ордена.

«Нужно уточнение по Каньону Клыкков. Там действительно есть (или готовится) скрытый данж? — поинтересовался Снегирь. — Если да, то дай мне координаты, я на карте отмечу».

«Нету там ничего такого. С чего ты взял вообще?» — отозвался админ после секундной паузы.

«Да так. Приобщаюсь к игровому фольклору. Отбой, спасибо».

Снегирь почесал в затылке, перебирая в уме накопившиеся странности.

Это ведь, если вдуматься, анекдот, образчик абсурдистского юмора. Компания-разработчик вынуждена устраивать шпионскую беготню в игровом пространстве, которое сама же и создала. Хотя у неё на руках все коды, логи и прочее.

Такова специфика, что поделаться.

Если игровой социум похож на реальный, то в нём будут и неприглядные тайны, и личностные конфликты, и проходимцы. А тому, кто осуществляет контроль, придётся обзавестись стукачами вроде Варёного. Админов мало, и они физически неспособны мониторить всю виртуальность в полном объёме.

Но дело не только в этом.

Виртуальный мир, достигнув определённой степени сложности, начинает защищать свою логику от попыток регулировки извне. И в последнее время защита эта, похоже, переходит на новый уровень, который откровенно отдаёт мистикой. Может, именно этим пользуется долбаный Бакенщик, когда обходит систему...

От раздумий отвлёк негромкий, но отчётливый металлический лязг.

Снегирь вскинулся, завертел головой — и краем глаза успел увидеть на крыше дома, в котором располагалась лавка Варёного, какую-то подвижную тварь. Она была похожа на спрута — или, точнее, на механическое подобие спрута, сплетённое из велосипедных цепей. Едва Снегирь заметил её, тварь перекатилась через конёк крыши и пропала из виду.

Он тихо выругался.

Таких созданий ему прежде видеть не доводилось. Тварь явно была магической, но магия эта выглядела до крайности нестандартной. Доморощенные сумасшедшие ведьмы вроде мадам Глузьякиной тяготели к другой стилистике. Да и вообще, Снегирь сомневался, что игровая механика допускает подобные кунштюки с металлом.

Но сейчас важнее было другое.

Точно такой же лязг он слышал две минуты назад, во время разговора с Варёным. А значит, тот не зря опасался слезки.

Снегирь развернул коня, чтобы ещё раз заглянуть в лавку. Подумал — вдруг толстяка там уже прибили? Или, к примеру, ранг обнулили, если уж впадать в мистику по полной программе...

В этот момент, однако, дверь в полуподвал приоткрылась, и Варёный — целый и невредимый — выглянул в переулок. Заметив, что Снегирь ещё тут, сплюнул с досады и снова захлопнул дверь. Помощь ему явно не требовалась.

Снегирь несколько расслабился. Подумал — да, ситуация непонятная, но если себя накручивать, то получится только хуже. Тратить нервы на каждом шагу — неумно и, как выражаются чиновники на ТВ, контрапродуктивно...

Татуировка-оберег на руке полыхнула мгновенной болью.

Он уклонился в сторону — рефлекторно, не успев ещё ничего понять. Длинная стрела с чёрным оперением просвистела над ухом. Лучника он увидел в следующую секунду. Тот был шагах в двадцати от входа в переулок — стрелял, не слезая с лошади. Новая стрела уже лежала на тетиве. «Хрен тебе», — подумал Снегирь. Его плетё восторженно взвизгнула, сшибая стрелу в полёте.

Лучник прищорил лошадь и ринулся на сближение. В третий раз тетиву он спустил уже на скаку. Снегирь, отбиваясь плетью, успел увидеть его глаза — беловато-мутные, словно пропитанные туманом. Прикинул — ещё секунда, и можно будет выбить оружие из рук нападавшего.

Оберег снова ожёг предплечье.

Снегирь слишком поздно понял свою ошибку.

Лучник своей атакой лишь отвлекал внимание.

Второй ассасин прыгнул сверху-сзади — то ли с карниза, то ли с балкона. Снегирь, извернувшись, успел перехватить его руку с длинным кинжалом, но не удержался в седле. Выронил плетё и рухнул на камни вместе с противником.

Сцепившись, они покатались по мостовой. Ассасин был силён и ловок, в глазах — та же мусть, что и у напарника. Кинжал он не выпустил. Лезвие казалось живым, буквально вибрировало, чувствуя близость крови. Снегирь ощутил, как оно царапнуло ему шею. Захрипел от ярости и, выплеснув последние силы, приложил ассасина затылком о щербатый бордюр. Выдохнул, поднял взгляд...

...и увидел наконечник стрелы, готовой сорваться с натянутой тетивы.

Лучник стоял в двух шагах.

Увернуться — никаких шансов.

«Больно будет», — мелькнула мысль.

В рамках сценария лучнику полагалось бы издевательски ухмыльнуться. Ещё было бы неплохо, если бы он

выдал реплику на прощание, по возможности содержательную. Что-нибудь из серии: «Знай же, гад! Заказал тебя тот-то по следующим причинам...» Но лицо его осталось бесстрастным, а во взгляде, кроме тумана, не было ничего.

Сверху раздался лязг.

Лучник машинально поднял голову.

Железный спрут упал ему на лицо, сбил с ног. Тренькнула тетива, стрела ушла в сторону. Убийца, выронив лук, елозил спиной по бульжникам, сучил ногами, отчаянно вырывался, но цепи-щупальца стягивались всё туже. Они захлестнули плечи и горло, не позволяя двигаться и дышать. Сдавленный стон едва прорывался сквозь лязг и скрежет. Лучник разинул рот, выпучил глаза и обмяк.

Спрут на мгновение замер, потом соскользнул с поверженного противника и, звеня, юркнул в подворотню.

Снегирь опомнился и едва не хлопнул себя по лбу от досады — сообразил, что надо было сделать скриншот. Мысленно поблагодарил неведомого хозяина спрута и снова попытался понять — что за хрень тут вообще творится? Но внятных теорий так и не появилось.

Он, покряхтывая, поднялся, подобрал плётку. Ушибы на теле ощущались неприятно и явственно, хотя боль, как и положено, приглушалась программой. В реале после такого падения с лошади он мог бы вообще не встать.

Снегирь сфокусировал взгляд и присмотрелся к недругам.

Их ники ничего ему не сказали. Класс — воины, что логично. У лучника — восьмой ранг, а у прыгуна с кинжалом — аж двенадцатый. Оба дышат, должны очнуться через какое-то время. И, кстати, глаза уже проясняются. Муть уходит — она была, вероятно, побочным эффектом магического внушения. Их наниматель подстраховался, чтобы было труднее на него выйти...

Но побеседовать с ними всё-таки надо.

Снегирь достал из футляра, который носил на поясе, булавку с красной головкой и воткнул её в шею лучнику. Тот вздрогнул, неестественно выгнулся. Зрачки дёрнулись, наёмник заморгал.

— Ты попал, — сообщил Снегирь. — Да, вот именно ты, который сейчас в индивидуальном коконе эр-эм сто девятнадцать дробь девяносто пять, тарифный класс «эконом-стандарт». Теперь посмотри сюда.

Он вынул из кармана стальную бляху с гравировкой. Лучник всмотрелся и, различив птичий силуэт, испуганно мотнул головой. Просипел:

— Подстава... Я не хотел...

— Мне пофигу. Ты наехал на Птичий Орден.

— Слышь, я серьёзно ни сном ни духом... Какой-то хмырь подошёл, сказал — заказ, типа, срочный... Прошли с ним в нишу, сели за стол... Дальше — как в тумане всё... Сейчас только оклемался...

— Что за тип? Как выглядит, как зовут? Не Бакенщик, случайно?

— Имя не помню, морду тоже... Как отрезало, блин... Хотя погоду, я его заскриншотил... — Наёмник сосредоточился, но тут же удивлённо скривился. — Не записалось ни хрена... Баг какой-то, по ходу дела...

— Где вы с ним встречались?

— В «Синьке»...

— Это в «Синей корове»? Ладно, гуляй пока. Но больше не попадайся.

Снегирь залез на коня. Теперь он знал, куда ехать.

Трактир «Синяя корова» считался опасным местом даже по стандартам Тень-города. Здесь обсуждались и заключались сделки, которые прямо и однозначно подпадали под «Уложение о наказаниях уголовных» — игровой аналог УК. «Уложение» появилось в игре не сразу — разработчики сначала хотели обойтись без него, но потом изменили мнение. Логика пресловутой реалистичности настойчиво требовала подобного документа.

Раз уж в игру пришёл уголовный кодекс, сформировалась и исправительная система. В качестве наказания чаще всего использовалось понижение в ранге, а в особо тяжёлых случаях — бан. Альтернативой были каторжные работы на свинцово-серебряных рудниках или в гиблых топях. Как ни странно, многие проштрафившиеся выбирали именно каторгу, где их ждал жёсткий и до крайности нудный фарм.

Нарушения кодекса поначалу фиксировались сугубо автоматически, но ради эксперимента был введён игровой подкласс «сыщик». И нашлись-таки игроки, неплохо освоившие соответствующую профессию. Хотя, конечно, и лажи было более чем достаточно. Эксперимент продолжался — разработчики нащупывали ту грань, где саморегуляция превращается в хаос и требуется вмешательство из-за пределов игрового пространства.

Самое же печальное, на взгляд Снегиря, состояло в том, что некоторые личности на полном серьёзе спрашивали, почему надсмотрщиками на рудниках служат исключительно неписи и не пора ли брать игроков на эту работу...

«Синяя корова» располагалась недалеко от центра Тень-города. Художник, нарисовавший вывеску для трактира, был явно талантлив, но не вполне адекватен. Изображённая им бурёнка таращилась на посетителей диким взглядом, а морда у неё оплыла и перекосилась. В общем, было понятно, почему она называлась синей, несмотря на бурый цвет шкуры.

Подъезжая к трактиру, Снегирь опять связался с админами. Попросил поднять логи и посмотреть, с кем контактировали наёмники, которые на него только что напали. И уже не особенно удивился, узнав, что в логах были лакуны.

Посетителей в трактире оказалось не очень много — обеденный час ещё не настал. Недалеко от стойки сидели четверо парней (по виду — ватажников) и что-то горячо обсуждали. Возле окна пил чай хмурый тип в плаще с нашитыми рунами — маг девятого ранга. И, наконец, в дальнем углу расположилась девица с короткой красновато-лиловой стрижкой. Она, ссутулившись, сидела спиной ко входу, а перед ней стоял пузатый кофейник.

Снегирь выбрал стол у стенки, слегка на отшибе от остальных. К нему, покачивая бёдрами, приблизилась подавальщица — блондинка-непись в белом передничке. Спросила игриво:

— Чего изволите, сударь?

— Взгляни.

Он положил на стол свою бляху. На её блестящей поверхности, затмив неброскую гравировку, проступили портреты двух ассасинов.

— Видела этих гавриков?

— Сегодня были, — подтвердила блондинка; программа не позволяла ей врать в общении с Птичьим Орденом. — Ох, сударь, и наглые же молодчики! Руки распускают, а взгляды липкие, спасу нет. А у нас тут, между прочим, солидное заведение...

— Давай без лирики. Они говорили с кем-нибудь?

— Так со мной же. Неприличности всякие, даже повторять стыдно...

— С кем-нибудь помимо тебя, — терпеливо уточнил он.

— Ой, не сообразила. — Она хихикнула. — Вы уж простите, я девка глупая, с Малых Пеньков приехала... А так-то да, подсаживался к ним один хлыщ. Имени, правда, его не знаю, но видела пару раз...

Снегирь удовлетворённо кивнул. Да, противник круг, ничего не скажешь — умудрился обмануть записывающую технику, затуманил мозги наёмникам. Но подчистить память всем встречным и поперечным даже он, похоже, не в состоянии.

— Как выглядел хлыщ?

— Высокий такой, кареглазый, статный, а в ухе — серьга из золота, тоже красивенькая, хоть и страшноватая малость.

— Страшноватая? Почему?

— На клык похожа, на волчий.

— А ты глазастая, это радует... Где найти этого хлыща? Есть идеи? Может, он ещё с кем-то говорил?

— Сегодня-то вроде нет, а вот в прошлый раз, кажись, было дело. С МихНихом, который десятник из Черепов. А больше ничего не припомню, сударь, вы уж не обессудьте.

— Спасибо и на том. Вот, держи. — Он дал ей серебряную монету. — Про наш разговор — никому ни слова.

— Как пожелаете. А покушать-то ничего не хотите?

— Кружку вина принеси. И сыра свежего.

Она убежала, а он задумался. Тип, подославший наёмников, — это Бакенщик или кто-то другой. Судить пока трудно. Но снова был упомянут клан Черепов, у которых сорвался рейд. Наверняка всё это — звенья одной цепи. Осталось придумать, как бы за эту цепь поудобнее ухватиться и потянуть...

В трактире между тем становилось шумно. Ватажники, несмотря на ранний час, успели уже основательно нагружаться и теперь поминутно ржали, поглядывая на девицу в дальнем углу. Наконец один из них встал, пересёк трактир преувеличенно твёрдым шагом и светски осведомился:

— Скучаете?

Она смерила его взглядом и буркнула:

— Отвали.

— Ну зачем наглеть? — с укором спросил он. — Воспитанные девушки так себя не ведут. Правильно, парни?

— Да, — остроумно поддержал кто-то из собутыльников.

— Вот, красавица, видишь? Но мы — люди необидчивые. Посиди с нами, прояви уважение...

Закончить он не успел.

Девица оскалилась, словно кошка, взмахнула рукой — и медный, надраенный до блеска кофейник впечатался ватажнику в лоб. Стук получился смачный, слышный на весь трактир. Ухажёр покачулся, сделал пару шагов назад и грохнулся на пол, споткнувшись о ближайшую лавку. Сидя на полу, ошалело повертел головой. Во взгляде читалось искреннее недоумение.

Снегирь тем временем рассмотрел девчонку получше. Она была невысокая и очень худая — даже, пожалуй, тощая. Глаза огромные (ну естественно, а как же иначе), с фиолетовой радужкой. Кожаные штаны, такая же курточка, сапоги. Общее впечатление — ничего так, разве что грудь желательнее чуть побольше...

Друзья пострадавшего дружно вскочили с мест. Один из них рывкнул:

— Ты чё, овца, с дуба рухнула?

С точки зрения биологии версия выглядела сомнительно, но барышня придирается не стала. Ответила коротко:

— Да пошёл ты...

Она уточнила адрес. Парни, переглянувшись, двинулись к ней.

За оружие они не схватились, поэтому трактирщик, наблюдавший из-за стойки, пока не вмешивался. Здесь, в виртуальности, расклад «четверо жлобов против хрупкой женщины» не выглядел однозначным.

Снегирь это тоже знал, но всё равно был от происходящего не в восторге. Он взялся за плетень, привстал — однако девица, заметив это, посмотрела ему в глаза и качнула головой предостерегающе. Не лезь, мол, в помощи не нуждаюсь.

«Да чтоб вас всех», — подумал Снегирь.

А стороны конфликта уже приступили к драке.

У тощей девчонки был шестой ранг, у её оппонентов — четвёртый-пятый. Она явно превосходила их в ловкости (и в безбашенности, кажется, тоже) — металась между столами, совершая немислимые кульбиты, отмахивалась кофейником, лупила парней ногами. Ватажники, пытаясь её схватить, матерились во всю ивановскую. Лавки с грохотом опрокидывались. Один из дерущихся, получив удар каблуком в грудь, отлетел к окну и чуть не сшиб мага, но тот небрежно шевельнул пальцами — и волна упругого воздуха вернула парня в гущу событий.

В общем, девица сражалась лихо. И, судя по всему, смогла бы отбиться от каждого из парней по отдельности.

Но она не учла, что они привыкли действовать в группе. Да и сила с выносливостью у них была прокачана лучше. Ватажники надвигались, тесня обидчицу в угол. Её удары слабели, она тяжело дышала, хотя глаза горели всё так же бешено.

— Ну, хватит, — сказал трактирщик.

Драчуны его не услышали. Или, скорее, сделали вид.

— Парни, — произнёс он, не повышая голоса, — стоп. Я десять раз повторять не буду.

— Не по-честному, Дед, — угрюмо заметил тот, кто первым получил в лоб. — Сам же видел, эта шаболда сама нарвалась.

— Угу, а вы вчетвером — невинные зайчики. Поставьте лавки на место, столы поправьте — и до свиданья. А то шуму от вас в последнее время много.

Ватажники переглянулись мрачно, но перечить не стали. Знали, видимо, что ссориться с хозяином заведения — себе дороже. Их предводитель двинулся к выходу, бросив противнице на прощание:

— Встретимся ещё, овца.

— Буду ждать, зайчонок.

Когда парни выйдут наружу, трактирщик сказал:

— А с вас, сударыня, за кофейник теперь полтора целковых. Сами видите — его на стол уже не поставишь.

Кофейник и вправду выглядел не ахти — помялся и покорёжился. Барышня повертела его в руках, вздохнула:

— Могли бы посуду вообще-то зачаровать, чтобы была противоударная. А то непрактично как-то. И дороговато для честных девушек.

Она выгребла горсть монет из кошелька на поясе, отсчитала нужную сумму. Пару оставшихся медяков сунула обратно, после чего направилась к Снегирию. Села напротив и заявила:

— Что ж, незнакомец, я оценила ваш недавний порыв. Вы собирались встать на мою защиту, пусть даже я в такой защите и не нуждалась.

— Не нуждалась? Ладно, тебе виднее.

— Думаешь, эти хамы базарные могли меня испугать?

— Да, не смогли, а зря.

— Твои лаконично-веские замечания я как-нибудь обдумаю на досуге. А пока, может, выручишь-таки даму? Угостишь, например, обедом? А то у меня, как видишь, возникли непредвиденные издержки.

Снегирь позвал подавальщицу. Драчунья заказала жареных карасей в сметане и белое вино, после чего сказала с ленцой:

— Меня зовут Мау-Рина. А вот твоё имя, незнакомец, я почему-то разобрать не могу. И ранг, между прочим, тоже. Это какой-то фокус?

— Типа того.

— То есть представиться не желаешь?

Поколебавшись, он всё же сказал:

— Снегирь.

— Ого! Птичий Орден? Странствующие рыцари с таинственной миссией, которую простым смертным знать не положено? Это я удачно зашла. Теперь просто сгораю от любопытства — зачем ты приехал в город? Тут что-то назревает? Хотя ты, конечно, загадочно промолчишь...

— Ищу кое-кого. Бакенщик — слышала про такого?

Она вздёрнула бровь, взглянула на него испытующе:

— Не опасаясь вот так о нём говорить? Прямо во всеуслышание? Здесь уши — в каждом углу.

— Во-первых, у меня с собой артефакт, который защитит от прослушки. А во-вторых, я как раз и пытаюсь выяснить, что в этих страшилках про Бакенщика — правда, а что — брехня. Вот ты, к примеру, что-нибудь конкретное знаешь?

Тут подали карасей, и барышня сосредоточилась на еде. Она жевала быстро и жадно, а Снегирь тем временем изучал её игровые характеристики: раса — человек, класс — воровка, специализация — клады, тайные двери...

— В общем, так, — сказала она, опустошив наконец тарелку. — Я тут подумала и вынуждена признать — про Бакенщика мне известно не больше, чем остальным. Слухи ходят зловещие, но не очень конкретные, тут ты прав. Но мы всё равно с тобой можем наладить взаимовыгодное сотрудничество...

— Я не занимаюсь коммерцией.

— Не груби. С дамой беседуешь, между прочим. И почему вдруг сразу — коммерция? Мне больше нравится слово «взаимопомощь». Ты явно хочешь вмешаться в опасную и запутанную интригу. Думаю, компаньонка тебе пригодилась бы.

— Ты плохо себе представляешь мой род занятий. Он далёк от романтики, поверь на слово. Так что извини, но...

— Ой, да не ломайся ты так. Или я, по-твоему, дура? Очень хорошо понимаю — если мы идём против Бакенщика, то можем легко остаться без головы. Зато, если повезёт, и выиграть можно столько, что все от зависти сдохнут.

— Ключевые слова — «если повезёт».

— Люблю рисковать.

— В твоём случае я бы это назвал — переть на рожон.

— Давай не будем придирается к формулировкам.

Они замолчали, выдохнувшись, и отпили из кружек. Мау-Рина стащила кусочек сыра с тарелки у Снегирия, вдумчиво прожевала и заговорила снова:

— Ваш орден имеет кучу своих секретов — и в чужих копается тоже. Я и сама секреты люблю — это моё ремесло, по сути. В Тень-городе я давно, многие ходы-выходы знаю. Связи имею в разных кругах...

— Извини, конечно, мою бестактность, — сказал Снегирь, — но почему у крутой воровки с разнообразными связями денег нет даже на обед? Почему она, крутая воровка, вынуждена подсаживаться к заезжему незнакомцу в

поисках вариантов? Меня это наводит на мысли насчёт её профессионального уровня. Без обид.

Она вспыхнула и, кажется, с трудом удержалась, чтобы не выплеснуть остатки вина ему на рубаху. Вскочила, отпихнув стул, и прошипела:

— Да подавись ты своим обедом! И секретами заодно! Строит из себе невесть что, а на самом деле — такой же чмошник, как остальные! Козёл пернатый!

Тряхнув чёлкой, она прошествовала к двери и выскочила наружу. Маг у окна задумчиво проводил её взглядом, покосился на Снегиря и снова принялся прихлёбывать чай. Трактирщик проворчал что-то неодобрительно.

Вот и хорошо, подумал Снегирь. Пусть эта любительница секретов обижается, сколько душе угодно. Теперь она к нему и на километр не подойдёт, зато будет цела и не вылетит из игры. Она же просто не понимает, куда пытается влезть и чем всё это чревато...

Он поморщился и тоже поднялся.

Заговорил с трактирщиком, но и тот не сказал о Бакенщике ничего принципиально нового. Да и вообще, был не очень-то расположен к беседе. Пожалел, похоже, девчонку и проникся к Снегирию антипатией. А допросить трактирщика так же, как подавальщицу, не получилось бы — он, в отличие от неё, был игроком из реала и имел право не отвечать.

Значит, настал черёд поговорить с МихНихом — десятником Черепов, о котором вспомнила подавальщица. Снегирь сделал поисковый запрос. Десятник, как выяснилось, ехал сейчас с окраины в центр города — в свой клановый терем, видимо. И маршрут его, что удачно, пролегал недалеко от трактира.

Сев на коня, Снегирь поехал наперерез.

МихНих был кряжистым мужиком с густой бородищей. Он возглавлял отряд в полдюжины всадников. У каждого из них на тыльной стороне кисти отчётливо выделялся клановый знак — стилизованный оранжево-чёрный череп.

— Прошу прощения, десятник, — окликнул Снегирь. — Не уделите пару минут? Есть тема, которая вас заинтересует.

Придержав лошадь, МихНих сощурился — пытался прочесть имя собеседника, но не мог. Потёр подбородок и коротко бросил спутникам:

— Догоню.

Когда те удалились, Снегирь продемонстрировал свою бляху и пояснил:

— У вас есть один знакомый, которого я ищу. Буду благодарен за помощь.

— Орден, значит, — сказал десятник задумчиво. — Благодарен, значит. Ну, поглядим. Кто нужен?

— Высокий кареглазый мужчина. В ухе — серьга в виде золотого клыка.

— Ну, положим, Ушкуйник. Знаю. Тебе зачем?

«Ага!» — подумал Снегирь. Вот и выяснилось имя урода, подославшего киллеров. И это отнюдь не Бакенщик. Любопытно...

— У меня к нему дело. Где он сейчас?

— Темнишь, пернатый, — флегматично сказал десятник. — Конкретней бы. И про благодарность тоже.

Он выразительно потёр пальцами друг о друга. Снегирь задумался на секунду. Да, у Птичьего Ордена имеются полномочия, чтобы дать этому жучаре на лапу. Надо назвать код авторизации — и на игровой счёт десятника поступит нужная сумма. Засада в том, что финансовый отдел затребует подробный отчёт сразу по завершении миссии, а шеф просил отчётов не оформлять...

— Давай так, МихНих. Ранг у тебя, я вижу, восьмой, а до девятого ещё далеко. Могу поспособствовать. Взамен ты мне говоришь, как связаться с Ушкуйником и откуда ты его вообще знаешь. Интересует?

— Ну.

— Стой спокойно, не дёргайся.

Вызвав меню, он прошептал свой персональный код. Сконцентрировался, поднял правую руку. Воздух стал упругим и вязким. Преодолевая сопротивление, Снегирь ткнул десятника костяшками пальцев в грудь, назвал номер его кокона и добавил:

— Ранг плюс.

В ушах зазвенело. Порыв холодного ветра пронёсся над мостовой. Лицо десятника на миг исказилось, как от помех на телеэкране, но сразу же пришло в норму. МихНих прислушался к себе, удивлённо крикнул. Снегирь, чувствуя слабость и тошноту, глубоко вздохнул.

— А теперь рассказывай.

Разноголосый гомон плескался между домами, скрипели телеги, шныряли петы. Снегирь, небрежно держа поводья, ехал вдоль тротуара и размышлял о том, что ему поведал меркантильный десятник.

Информация была интересная. С неделю назад к десятнику подошёл тот самый Ушкуйник. Сказал — знаю, мол, МихНих, что клан-лидер ждёт тебя на доклад. Ну так сделай одолжение, передай ему письмо. А за труд тебе капнет денежка малая...

Мзду десятник принял охотно. И письмо добросовестно передал. А на следующий день началась большая движуха — подготовка к рейду в Каньон Клыков. Причём, если судить по некоторым обмолвкам, идею рейда кланлид почерпнул как раз-таки из письма.

Что-то, однако, пошло не так.

Поход неожиданно отменили. Рядовые бойцы негодовали и возмущались. Фекальные массы бурлили в клановом чате. Да ещё и поползли слухи, что к срыву рейда имеет какое-то отношение колдун по имени Бакенщик.

Этот момент особенно заинтересовал Снегиря.

Значит, что получается? В городе объявились сразу два загадочных персонажа — Бакенщик и Ушкуйник. В системе они не зарегистрированы (мистика, да), зато оба, насколько можно судить, владеют мощной и нестандартной магией. При этом они враждуют между собой. Или, по крайней мере, преследуют противоположные цели. Одному был зачем-то нужен поход в каньон, другой же этот поход сорвал...

Дальше — ещё интереснее.

Именно Ушкуйник, похоже, натравил на Снегиря киллеров.

А Бакенщик, если продолжить логическую цепочку, должен был этим киллерам помешать. То есть, выходит, он и послал железного спрута, который помог Снегирию отбиться...

Вот это новость.

Бакенщик, наводящий ужас на город, — союзник Птичьего Ордена?

С такими союзниками, блин, и врагов не надо...

Снегирь глотнул прохладной воды из фляги. Самочувствие было — так себе. Трюк с повышением десятника в ранге отнял много сил. Он, Снегирь, сделал то, что противоречило естественному ходу игры. Совершил, по сути, запретное колдовство, если оперировать терминами, принятыми здесь, в виртуальном фэнтези-мире. А за такое надо платить, даже если знаешь, что всё вокруг — не более чем иллюзия, мельтешение программных кодов...

«Всё, хватит», — приказал он себе.

Пора было возвращаться к работе. На повестке дня была беседа с Ушкуйником — теперь он знал, как её организовать. Десятник МихНих дал-таки подсказку.

Заехав на постоянный двор, Снегирь снял комнату на втором этаже. Заперся изнутри, достал из кармана чёрный и гладкий камешек размером с горошину. Несколько таких камешков колдун с серьгой оставил десятнику — как раз на тот случай, если понадобится срочная связь.

«Горошину» Снегирь бросил в большую кружку с водой. Взял нож, надрезал кожу на ладони — и уронил в ту же кружку три капли крови. Ритуал смотрелся несколько диковато и в то же время по-деревенски наивно, но именно такие инструкции получил десятник от колдуна.

Вода покраснела и забурлила. От неё пошёл сильный запах — незнакомый, обжигающе-пряный. Снегирь взял кружку и разом выплеснул жидкость на овальное зеркало, висевшее на стене.

Кровь-вода моментально вьелась в поверхность. Комната в отражении наполнилась багровым туманом, который клубился и наливался мраком. Так продолжалось несколько секунд, а затем по зазеркалью пронёсся мгновенный смерч. Туман развеялся без остатка — и вместе с ним исчезла отражённая комната. Теперь в зеркале виднелся какой-то двор, освещённый солнцем: куст цветущей сирени, кованая ограда.

А во дворе стоял высокий шатен с золотой серьгой. На вид ему было лет сорок пять — породистое лицо, уверенный взгляд. Причём сразу чувствовалось, что уверенность эта — реальная, почерпнутая из жизни, а не мультяшно-компьютерная.

Снегирь тихо прошептал: «Запись». Он помнил, конечно, что предшествующие попытки сфотографировать колдуна окончились неудачей, но попробовать стоило всё равно.

— Любопытно, — сказал Ушкуйник; он смотрел спокойно и не прерывал контакт. — Со мной изъявил желание познакомиться один из пернатых?

— Вообще-то, — сказал Снегирь, — мы уже знакомы заочно. Через ваших, так сказать, представителей, которые пытались меня убить.

— Понятия не имею, о чём вы.

— Жаль. Было бы интересно узнать, чем же я вам так насолил. Но ещё больше меня интересует другое — как

вы оказались в игре, не имея даже аккаунта? Прямо кибер-фантом.

Ушкуйник пожал плечами:

— Не вижу смысла жонглировать пустыми словами. Магия — универсальное средство для тех, кто ею владеет.

— Ладно, — кивнул Снегирь. — Тогда, если позволите, перейду к конкретным вопросам. Зачем вы подталкивали Черепов к походу в каньон? Что там такого ценного?

— Вы любопытны, юноша. Похвальное качество, но в данном конкретном случае — бесполезное. Я не намерен откровенничать с вами или вести пространные диспуты.

Обращение «юноша» Снегиря несколько озадачило. В реале ему было тридцать семь, и внешность в игре соответствовала этому возрасту. Можно, конечно, было предположить, что колдун его троллит, но эта версия выглядела сомнительно. Ушкуйник не походил на дешёвого провокатора.

— Ладно, — сказал Снегирь. — Тогда просто ответьте — кто вы?

— Я тот, с кем вам придётся считаться. Тот, кто установит новые правила. И это — главное, что вам следует помнить. А теперь прошу извинить, я вынужден закончить беседу. У меня имеются другие дела, гораздо более важные.

— Погодите, ещё вопрос...

Но колдун уже отвернулся. Багровая мгла поглотила двор, чтобы тут же сгинуть — на этот раз окончательно. В отражении снова появился Снегирь, стоящий с кружкой посреди комнаты. По зеркалу уныло стекали красные капли.

Убедившись, что сеанс завершён, он первым делом проверил запись. На успех особенно не надеялся — и тем приятнее оказался сюрприз. Всё записалось и сохранилось! Снегирь даже несколько растерялся, пытаясь понять, в чём дело.

Версия, впрочем, созрела быстро.

Колдуна нельзя было заснять непосредственно, напрямую. Но сейчас-то Снегирь, строго говоря, снимал не его, а зеркало! У магии своя логика — почти как в древнегреческом мифе, где Персей следил за горгоной через отражение на щите, чтобы нейтрализовать её чары...

Всё это лишний раз подтверждает, что могущество колдуна имеет пределы. И самое время этим воспользоваться. Если прижать Ушкуйника, то наверняка удастся узнать что-нибудь новое и о Бакенщике, который интересуется начальство в первую очередь.

Ушкуйник уверен, что спрятался надёжно? Он ошибается.

Да, система его не распознаёт, и поиск через фотопортрет не даст результатов.

Но!

На скриншоте, сделанном сейчас Снегирём, есть не только физиономия колдуна. Есть ещё и фон — двор с сиренью. Двор этот вполне типичен, и на глазок его не отличить от тысяч других. Зачем, однако, оценивать на глазок, если есть цифровая техника?

Используя служебный пароль, Снегирь запустил расширенный поиск.

Перед глазами в воздухе появилось окошко, в котором с немыслимой быстротой замелькали кусты и прутья решётки, а на заднем плане — фрагменты улицы. Компьютер сравнивал данные. Коль скоро игра создавалась по стандартам реалистичности, двух полностью идентичных пейзажей в ней существовать не могло.

Мельтешение прекратилось.

В окошке осталась одна картинка с пояснительной подписью: «Восточное побережье, город Аквамарин, 3-я Купеческая улица, дом 15».

Вот оно, логово Ушкуйника.

Пора было нанести визит.

Выйдя из портала на побережье, Снегирь моргнул и прищурился. Контраст с Тень-городом, наполненным серостью, был разительным и приятным. Ярко светило солнце, небо распахивалось в лазурную высь; густо синело море, усеянное жёлтыми блёстками. Портальный павильон напоминал большую беседку. Ведущая к нему каменная дорожка была обсажена кипарисами; солоноватый бриз теребил их кроны.

Дорожка вливалась в широкую прогулочную аллею. Фланировали дамы в воздушных платьях и кавалеры в белых рубашках. Не хватало разве что фотографа с обезьянкой.

Снегирь поймал извозчика и назвал адрес, вычисленный компьютером. Поездка заняла минут пять. Он вылез из экипажа шагов за сто до нужного дома; оставшийся путь проделал пешком. Дом выглядел стандартно для этих мест — белые стены, пышная садовая зелень. Ставни были закрыты — то ли хозяин уже уехал, то ли просто отгородился от солнца.

У крыльца возилась служанка-непись, молодая и симпатичная. Снегирь негромко сказал ей:

— Здравствуй. Хозяин дома?

— Да, сударь. Только он сейчас занят, просил его не тревожить.

— Я зайду. Молчи, ни во что не вмешивайся.

Служанка медлила. Моргнула растерянно и проговорила:

— Так ведь хозяин же...

— Посмотри мне в глаза. Код авторизации дельта-восемь-штрих-пять. Отмена текущего приоритета. Возврат к базовым настройкам.

Зрачки у неё неприятно дёрнулись, взгляд на мгновение расфокусировался. Потом она сказала деревянным голосом:

— Подтверждаю.

— Посторонись. И вообще уйди со двора, не путайся под ногами. Вон туда шагай, к перекрёстку.

Двигаясь как кукла, она вышла через калитку. Заторможенно огляделась, будто не узнавала улицу. Или не могла до конца осмыслить приказ. Похоже, имел место серьёзный программный сбой. Снегирь нахмурился — дурное предчувствие усиливалось с каждой секундой.

Он шепнул: «Доспех».

Гибкая броня облекла его с тихим шорохом — серебристо-чёрная, тонкая, не стесняющая движений. Он пересёк прихожую. Остановился у входа в комнату и, поколебавшись, коротко постучал.

— Что? — недовольно спросили из-за двери.

Он повернул ручку и переступил порог.

В комнате с закрытыми ставнями было сумрачно. На столе горела свеча. Колдун, вооружившись пинцетом, держал над ней металлический кругляш, похожий на большую монету. Кругляш этот был покрыт чем-то вроде плесени, которая зеленовато светилась.

Рассмотрев гостя, Ушкуйник хмыкнул:

— Я недооценил вас, юноша. Не думал, что ваша магия позволит меня найти.

— Магию бьют информационные технологии.

— В следующий раз учту.

— Я всё же надеюсь, что все вопросы мы проясним сейчас.

— Поэтому вы явились в доспехах?

— Они подчёркивают официальность визита.

Ушкуйник усмехнулся:

— Мне льстит такое внимание. И ваша озабоченность мне понятна. Могу обещать — когда придёт время, я исчерпывающе проясню ситуацию. Ну а пока...

— Простите, господин маг, — перебил Снегирь. — Вынужден напомнить, что я — представитель администрации. Здесь — наша юрисдикция, так что время для разговора выбираем именно мы. Я требую предоставить сведения о вашей точке доступа в игровое пространство, включая номер кокона и ай-пи.

— Видите ли, юноша, — спокойно сказал Ушкуйник, — я категорически не приемлю, когда со мной общаются в подобном ключе. Я живу на свете давно, множество людей встречалось мне на пути — и лишь единицы имели право что-то от меня требовать. Вы в их число не входите.

— То есть вы отказываетесь сотрудничать? Это официальный ответ?

Колдун несколько секунд помолчал, разглядывая гостя со снисходительным любопытством, как говорящего попугая на птичьем рынке. Покосился задумчиво на монету, которую всё так же держал над пламенем. А потом вдруг сделал резкое движение кистью — и светящиеся брызги с монеты полетели на Снегиря.

Действуя на рефлексах, Снегирь отмахнулся плетью. Несколько брызг удалось сшибить в воздухе. Плеть, поглотив их, вспыхнула плесневелым зелёным светом — и моментально потяжелела, будто налилась чугуном. Деревянный пол, по которому она грохнула, загудел; Снегирь едва удержал в руках кнутовище.

Но остальные брызги долетели-таки до цели. Ощущение было, будто он получил в упор заряд охотничьей дроби. Броня защитила тело, но удар был настолько сильным, что Снегиря приложило спиной о дверной косяк. Из лёгких вышибло воздух. Мерцающая зелёная плесень уже въедалась в броню — и та, как и плеть, наливалась чугунной тяжестью. Двигаться стало трудно, соображать тоже. Перед глазами возникла шкала урона — она тревожно меняла цвет, словно раскаляясь.

Колдун приблизился, держа монету перед собой. Сказал бесстрастно:

— Я не искал конфликта. Но вы меня вынуждаете принять меры.

Снегирь прохрипел:

— Разгон.

В реале, где его тело лежало в коконе, включился дополнительный гаджет — нейростимулятор последнего поколения. Мозгу отвесили электромагнитный пинок. Мысли встали на место, восприятие скорректировалось. Шкала урона поблёлкла. Снегирь ощутил, что снова может двигать конечностями, хотя тяжесть не ушла

окончательно.

Он крепче сжал рукоятку плети.

Но изменения, происходящие с ним, заметил и Ушкуйник — замер на миг, прислушиваясь, и резко отпрянул. То есть не отпрянул даже, а совершил невероятный прыжок — метра на три назад и на метр вверх. Смотрелось это не хуже, чем в супергеройском фильме. Плеть, которой взмахнул Снегирь, просвистела под подошвами колдуна. Тот приземлился на край стола, сбив подсвечник.

Свеча, очевидно, была волшебной, усиленной — столешница с готовностью вспыхнула, едва пламя её коснулось.

Снегирь размахнулся снова. Колдун отскочил к окну, а плеть разрубила горящий стол пополам. Огонь метнулся по половицам, перескочил на стены. Комната наполнилась жаром и едким дымом. Воздух задрожал и потёк, силуэт Ушкуйника исказился.

Снегирь в защитной броне пошёл сквозь огонь. Его противник, развернувшись, махнул рукой в сторону окна. Лопнули стёкла, ставни вылетели наружу, как пробки. Колдун сиганул в проём. Плеть и на этот раз его не достала — хлестнула по подоконнику, вспорола стенную кладку.

Матюкаясь, Снегирь подскочил к пролому. Выглянул — и увидел, что Ушкуйник опять повернулся к нему лицом. Колдун достал из кармана тонкую деревяшку, похожую на линейку, и с хрустом разломил её надвое.

Этот хруст, стократно усилившись, отозвался над головой Снегиря — потолочные перекрытия и стропила затрещали надсадно, жутко. Колдун сжал пальцы, словно давил что-то в кулаке, — и циклопическая невидимая рука точно так же сдавила крышу. На Снегиря посыпались черепица. Он рванулся вперёд и вывалился во двор — оглушённый, побитый, но всё ещё в сознании.

Колдун сделал шаг к нему.

— Разгон! — заорал Снегирь, привстав на одно колено.

Перед глазами вспыхнул запрещающий знак — косой ярко-красный крест. Безликий машинный голос забубнил: «Запрос отклонён в связи с угрозой критической перегрузки. Рекомендуется прервать сеанс погружения...»

Колдун, однако, этого услышать не мог, а потому приостановился — из опасения, что Снегирь ещё раз ускорится. Задумался на секунду и, приняв решение, пронзительно свистнул. Послышался стук копыт, из-за дома выскочил здоровенный вороной конь. Ушкуйник взлетел в седло.

— Стой, гнида! — крикнул Снегирь.

— Ещё увидимся, юноша.

Колдун погнал коня прочь по улице. Снегирь, доковыляв до калитки, проводил его взглядом. Понимая, что противника не догнать, выругался в очередной раз и оглянулся на дом. Пламя рвалось из окон, пожирало остатки крыши. Обугленные стропила подламывались, как спички, рушились внутрь. Стены, не выдержав колдовского жара, трескались и крошились.

Снегирь чувствовал себя плохо. Эффект от нейростимуляции иссякал. Магическая плесень по-прежнему разъедала доспехи, ощущение тяжести возвращалось. Он попытался снять броню, но система не восприняла команду. С плёткой тоже было что-то не так — она мерцала и нездорово подёргивалась. Машинный голос в ухе нудил: «Срочно требуется перезагрузка, срочно...»

Вообще-то выходить из игры рекомендовалось через портал — в противном случае ощущался физический дискомфорт. Но Снегирию сейчас терять уже было нечего. Хотелось сделать всё побыстрее. Он сплюнул на брусчатку и буркнул: «Экстренный выход».

Темнота опутывала его, навязчиво пеленала, затягивала в беспамятный омут, но он не поддался ей — захрипел и рванулся в свету, который мерцал вдали серебристо-белой звездой. Тьма отступила с разочарованным вздохом, выпустила добычу, и мир опять проступил вокруг, проявился, будто на фотоплёнке.

Зрение, правда, восстановилось не сразу — картинка не фокусировалась, расплывалась цветными пятнами. Одно из этих пятен маячило совсем близко, прямо перед глазами. От него исходили звуки — тревожно-резкие, каркающие. Снегирь поморщился и, сделав усилие, перевёл их для себя в членораздельную речь.

— Артём! Артём, блин, слышишь меня?

Снегирь понял, что обратились к нему, но не смог взять в толк, почему его называют каким-то полужнакомым именем. Ответил, лишь бы карканье прекратилось и перестало царапать слух:

— Да, я слышу.

— Ты охренел вообще? Мозги себе решил вскипятить? Дебил! Дитё малолетнее! Или думаешь — ты железный? Неубиваемый? Терминатор, мля, в перьях...

Пятно приобрело наконец более или менее чёткие очертания. Снегирь разглядел перед собой всклокоченного детину, у которого рыха была в веснушках, а футболка — с дурацким пёстрым рисунком.

— Как себя чувствуешь? — осведомился детина хмуро.

Из памяти всплыло его имя, такое же дурацкое — Сёма. За эту подробность начали цепляться другие. Воспоминания возвращались и постепенно складывались в осмысленную картину, но в ней по-прежнему не хватало самого главного — ощущения, что Снегирь вернулся домой. Он будто смотрел кино.

— Не молчи, Артём. Как самочувствие, спрашиваю?

— Не очень.

— Голова болит?

— Нет, но соображаю плохо. И слабость.

— А ты как думал? Два нарушения техники безопасности за минуту — сначала разгон, потом кривой выход. Спасибо скажи, что второй разгон заблокировали. Иначе мог бы вообще не встать.

— Не бухти.

Снегирь выкарабкался из кокона, сделал несколько осторожных шагов. Ноги держали его с трудом; подташнивало, градом катился пот.

— Так, — сказал Сёма, наблюдая за ним, — сейчас в медблок, мухой. Понял меня? Не хватало ещё, чтоб ты скопытился прямо здесь, в мою смену...

Снегирь до этой минуты старательно сдерживал раздражение, однако теперь оно прорвалось, выплеснулось наружу, как пена. Он развернулся, шагнул к Сёме и прошипел негромко, но яростно:

— За базаром следи. Ты мне не начальник. Я — из Птичьего Ордена, ты — техническая служба. Понадобится — будешь делать, что я скажу, а не наоборот. Недоволен — вали, замену найдём. Вкурил?

Сёма изменился в лице и отступил на шаг. Спросил с опаской:

— Кулагин, ты чё — больной? С цепи сорвался? Моя обязанность — контролировать твоё состояние...

— Детишек своих будешь контролировать, когда настругаешь. Меня — не надо. Я тут работал, когда ты ещё на горшке сидел.

С последним утверждением Сёма мог бы поспорить — он был моложе всего на десяток лет. Но, встретив взгляд Снегира, предпочёл не вступать в дискуссию, пробурчал только:

— Да пошёл ты...

Снегирь так и сделал — дотащился до душа и долго стоял под струями прохладной воды. Стало легче, тошнота отступила. Мысли, однако, ворочались по-прежнему медленно и натужно.

Одевшись, он спустился в фойе. Купил в автомате плитку шоколада с орехами, чипсы и газировку. Добрёл до автостоянки, отыскал там свой корейский хэтчбек цвета подгнившей тыквы и плюхнулся на сиденье.

Мороз за день так и не отступил — лужи у сетчатого забора покрывала ледяная короста. Редкие снежинки ложились на асфальт, тихо и неуверенно. Сумерки подкрадывались, заполняя стоянку лиловой мутью.

Снегирь дожеввал свой эрзац-обед, бросил хрустящие упаковки на соседнее кресло и долго сидел, таращась перед собой. Память подсказывала, что вот так тянуть время — глупо. Чем дольше он просидит, тем меньше вероятность доехать в нужный район без пробок; вечерний час пик уже начинался, другие водители, торопясь, выруливали с парковки.

Но в том-то и дело — он не хотел возвращаться к себе в квартиру. Знал, что ему там будет не намного комфортнее, чем в любом другом уголке этого нелепого города.

Умом Снегирь понимал, что такие мысли — не более чем побочный эффект сегодняшней перегрузки. Мозг

просто ещё не отошёл от игры. В каком-то смысле он, Снегирь, сегодня слегка *залип*, как это ни смешно.

От этого понимания, однако, не становилось легче. И автостоянка, и обындевелые клёны вокруг неё, и улицы, на которых звенел трамвай, — всё это выглядело искусственным, нарисованным на скорую руку. Даже машина, в которой он сидел, верная хранительница частных кубометров пространства, сейчас казалась чужой. Она принадлежала Артёму, не Снегирию.

Смотреть на всё это не хотелось.

Он смежил веки. Нужна была передышка.

Открыв глаза, он неловко пошевелился и выругался сквозь зубы — сильно затекла шея. Судя по часам, проспал он довольно долго, хотя собирался подремать пять-десять минут. Парковка уже почти опустела, народ разъехался. Офисная многоэтажка, где работал Артём, высилась неподалёку тёмным угёсом — лишь редкие окна ещё светились.

Он выбрался из машины, вдыхая морозный воздух и прислушиваясь к себе. А потом поставил хэтчбек на сигнализацию и быстро зашагал к зданию.

За время его отсутствия, к счастью, дежурный техник сменился. Вместо Сёмы на посту был флегматичный Кирилл — аккуратно одетый и похожий больше на офис-менеджера. Он совершенно не удивился, услышав просьбу подготовить кокон к работе.

Снегирь нырнул в темноту.

Путеводная звезда засветилась.

Ещё несколько секунд — и он вышел из порталного зала в центре Тень-города.

Ночной воздух был прохладен (плюс тринадцать по Цельсию — мелькнуло системное сообщение), но по контрасту с морозом, из которого Снегирь только что удрал, казался почти парным. Ветерок донёс аромат цветущей черёмухи; к нему примешивался лёгкий запах помоев.

Снегирь вспомнил, что временно остался без транспорта и надо вернуть коня, брошенного в городишке у моря. Порывшись в карманах, вытащил амулет-манок, похожий на чечевицу, и сжал его в кулаке. В обычной онлайн-игре конь материализовался бы сразу, встал бы перед хозяином, как сивка-бурка из сказки, но здесь были другие правила. Скакун доберётся до Тень-города своим ходом за несколько часов — форсаж-галоп ему в помощь.

Ну а пока Снегирь не имел совершенно ничего против пешей прогулки. Постоялый двор, где днём была снята комната, располагался недалеко, и он лениво пошёл в ту сторону. Из подворотен на него пару раз зыркнули бомжеватые личности с бандитскими рожами, но предпочли не связываться. Не заинтересовал он и конных стражников, патрулировавших квартал; для них он был слишком трезвым.

Добравшись, он подозвал пацана-слугу и дал ему несколько монет:

— Ближе к рассвету сюда прибежит мой конь. Довольно крупный, рыжий с подпалинами. У него тавро — один треугольник внутри другого. Дашь ему корма досыта, с магической добавкой. Ну и вообще, позаботишься о нём, чтобы он как можно быстрее восстановился. Усёк?

— Так чего ж не усечь, — с достоинством ответил пацан. — Сделаю в лучшем виде. Может, ещё чего надо, сударь?

— Ужин мне в комнату. И кружку пива, большую.

Поев, Снегирь завалился спать.

На первый взгляд, такое решение отдавало идиотизмом. Дрыхнуть в игровом мире — какой вообще в этом смысл? Но имелись нюансы.

Было давно подмечено — сон в виртуальности, как правило, получался глубже, спокойнее, чем в настоящей жизни. Этаким сон в квадрате, одной грёза внутри другой. Тревоги окончательно забывались, мозг отдыхал. Такой отдых заказывали порой даже те, кого игра не интересовала, — страдающие в реале бессонницей, например.

Сам Снегирь, правда, раньше так никогда не делал. Он-то погружался в игру не ради того, чтобы расслабляться, а исключительно по работе. Вряд ли начальство отнеслось бы с восторгом, если бы он дрых в рабочее время. А после окончания миссии он всегда спешил вернуться в реал.

Но сейчас всё было иначе.

Ему хотелось забыться, растворить во сне глюки восприятия. Чтобы утром проснуться прежним, без закидонов.

Он закрыл глаза, выровнял дыхание.

Сон, однако, не шёл. Что-то не давало покоя, царапало перегруженный разум. Ощущение было, будто рядом гудит назойливая крупная муха. Хотя мухи по ночам не летают. Да и вообще отсутствуют в виртуальных домах — гейм-дизайнеры сжалились, не стали доводить реалистичность до крайности...

Нет, точно не муха. Но какой-то звук определённо слышался на самом краю сознания.

Снегирь напряг слух.

Звук шёл из-за дальней спинки кровати (да, здесь были кровати, а не какие-нибудь русские народные лавки). А ещё там, за спинкой, что-то мерцало.

Он нашарил плетё. Очень осторожно поднялся и заглянул туда.

В закутке стояла жаровня, потрескивали уголья.

Или нет, не жаровня даже, а самодельный кузнечный горн.

Откуда он взялся?

Что за фигня?

В следующий миг Снегирь осознал, что наяву такого не может быть. Просто никак не может. А значит, дело происходит во сне.

Да, совершенно точно.

Он уже спит, понимает это, но почему-то не просыпается.

Ладно...

Снегирь присмотрелся к горну. Пламя, похоже, только что погасили. Среди углей поблёскивали металлические шары, раскалённые докрасна, — каждый размером с мяч для пинг-понга.

Откуда-то снизу дохнуло морозным холодом. Горн стремительно остывал, угли покрылись инеем. Шары всё так же светились красным, но уже не могли обжечь — Снегирь откуда-то знал об этом. Повинуясь наитью, он взял один из них.

И понял, что они были не из металла.

Шар лопнул в его руке, как перезрелый плод.

Сок, похожий на кровь, потёк на ладонь. Снегирь инстинктивно дёрнулся, тряхнул кистью, и брызги полетели на стену, расплескались алыми кляксами. Кляксы эти, мерцая, начали растекаться — не только вниз, но и вверх, и в стороны. Потёки складывались в узор, который вдруг показался очень знакомым.

Снегирь попытался вспомнить.

Ведь видел, видел что-то такое совсем недавно...

— Скриншот, — по привычке произнёс он.

Пол под ногами вздрогнул.

Дом обиженно застонал, будто не смог стерпеть от жильца такого откровенного читерства. Брёвна закричали, что-то хрустнуло прямо над головой. Снегирь посмотрел наверх и увидел, как падает потолочная балка. Он не успел даже закричать — удар чудовищной силы сбил его с ног...

...и выбросил в явь.

Он подскочил на кровати, едва не сверзившись на пол, и с полминуты бессмысленно озирался. Сердце бешено колотилось, воздуха не хватало. Но он сумел-таки отдышаться. Встал, налил себе воды из графина, бросил взгляд за окно. На улице было светло и шумно, день давно наступил.

Снегирь усмехнулся

Отдохнул, называется. Поспал спокойно, ага.

Или, может, всё дело в том, что он из Птичьего Ордена? Сохраняет память в игре, даже если спит? Только этого не хватало...

Хотя вообще-то, если подумать, фокус даже полезен.

Считается ведь, что мозг во сне обрабатывает полученную днём информацию. Упорядочивает её, сортирует, анализирует. Вот и сейчас — сновидение сложилось из кусочков того, что Снегирь наблюдал в течение дня.

Наяву он выплеснул кровь на зеркало, а во сне — на стену.

Наяву Ушкуйник колдовал со свечой, а во сне был горн — и то, и другое подразумевает укрощённый огонь.

Наяву обрушился дом, в сновидении — тоже.

А ещё Снегирь вчера днём разглядывал карту.

Ну-ка...

Он достал из сумки карту Тень-города и окрестных земель, расстелил её на столе. Взгляд тут же упёрся в скальный массив, который лежал коричневато-жёлтым пятном посреди зелёных полей. Между скал протянулся Каньон Клык — русло пересохшей реки. К нему примыкали извилистые ущелья, складываясь в замысловатый узор.

В узор, который во сне повторили потёки крови.

Но это было ещё не всё.

Снегирь сконцентрировался и вызвал ту же самую карту через игровой интерфейс. Это был, по сути, скриншот, сделанный с высоты птичьего полёта. Нечто вроде аэрофотосъёмки.

Он быстро сравнил бумажную и интерфейсную карту.

Они были почти идентичны.

Почти.

За исключением одного-единственного штриха.

К скальному массиву Снегирь подъехал во второй половине дня.

Массив этот занимал в общей сложности около сотни квадратных миль. Утёсы, обрывы, тайные тропы среди каменных глыб, пещеры и, конечно, пресловутый каньон — всё это служило убежищем для зверья разной степени монструозности. И, соответственно, привлекало тех игроков, которым был нужен разухабистый экшн.

А для эстетствующей публики на равнине вокруг имелось несколько мегалитов с высеченными рунами. Они, по легенде, хранили страшные тайны некой вымершей расы. Но один из нарративных дизайнеров как-то проболтался Артёму на корпоративной пьянке, что рунные письма делались от балды, для пушей декоративности. Тайнственную же расу, которая построила мегалиты, действительно собирались ввести в сценарий, но пока не придумали, почему она таки вымерла. И самое главное — как бы это подать максимально зловещим образом. Народ в сценарном отделе гавкался и усиленно чесал репу.

Короче говоря, скалы были центром движухи.

Но сейчас на подступах к ним царило подозрительное затишье. По дороге Снегирь не встретил ни единой рейдерской группы. Игроки-одиночки тоже не попадались. Грифы-падальщики кружили в растерянности и поглядывали на Снегиря с застенчивым ожиданием.

Конь под ним всхрапнул и попятился.

— Тихо, — сказал Снегирь. — Чего ты? Птичек боишься?

Рыжий скакун презрительно мотнул головой — не птичек, мол, а вообще. И не боюсь, а проявляю разумную осторожность.

Снегирь, впрочем, его вполне понимал. Чем ближе к скалам, тем сильнее ощущалась неприятная аура. Воздух казался плотным и вязким, звуки залипали в нём, искажались. Невидимая тяжесть давила, отзывалась ноющим эхом в груди, у сердца. Зной стоял, как в июле, причём исходил он из центра каменного скопления, будто там работала циклопическая плавильная печь.

И Снегирь очень сомневался, что все эти спецэффекты были частью сценария. Прежде он никогда не сталкивался с подобным. Да и какой смысл отпугивать игроков, нагоняя жути? Их надо, наоборот, привлекать, заманивать...

К счастью, ему не требовалось сейчас углубляться в скалы. Объект, который его интересовал, находился левее, у западного края каменного ландшафта.

Снегирь пустил коня рысью и начал огибать массив по периметру. Копыта глухо стучали по сухой, растрескавшейся земле. Пыль взмётывалась, повисала в воздухе шлейфом. Падальщики отстали, но дурное предчувствие только крепло.

Конь беспокойно фыркал, прядал ушами. Да и сам Снегирь был на взводе — вглядывался в скалы, сжимал рукоятку плети. Вообще-то монстры не нападают на людей из Птичьего Ордена, но это — в нормальном случае. А здесь и сейчас вызревало что-то очень далёкое от нормальности...

Тишину взорвал женский крик.

Снегирь резко обернулся. Позади него — там, где он проезжал минуту назад, — клубилось облако пыли. И в этом облаке кто-то, кажется, дрался. Метались тёмные силуэты, сверкали вспышки.

Крик повторился. Спустя секунду дико заржала лошадь.

Снегирь развернул своего коня и бросил в галоп.

Сто метров до дерущихся...

Восемьдесят...

Полсотни...

Ему навстречу из пылевого облака вылетела оторванная конская голова — кувыркнулась по земле, оставляя кровавый след. Скакун Снегиря перепрыгнул через неё.

Подробности схватки были уже видны.

Худенькая девчонка пятилась, отмахиваясь магическим факелом.

А над ней нависала тварь величиной с экскаватор.

Тварь выглядела как похмельный кошмар генетика — великанский гибрид кузнечика с крокодилом. Членистые задние ноги изгибались под жутковатым углом («коленками назад», как пелось в дворовой советской песенке), передние же, снабжённые когтистыми пальцами, готовы были схватить добычу. На вытянутой морде у твари щёлкали не то жвала, не то выпирающие клыки. Блистали чёрные глаза-полушария.

Снегирь замахнулся плетью.

Его конь пронёсся мимо девчонки слева, поравнялся с «кузнечиком». Тот повернул бабку, и на зелёной роже Снегирию почудилось удивление.

Плеть взметнулась, вытянулась, сверкнула колдовским светом — и наискосок хлестнула тварь по спине. Хитиновый панцирь лопнул с оглушительным хрустом, под ним что-то смачно чавкнуло. Монстр на миг застыл, будто силясь понять, что произошло, а потом развалился надвое. Гнойно-жёлтые внутренности задымились под солнцем, распространяя невыносимую вонь.

При виде этой картины глаза у барышни едва не вылезли из орбит. Она уронила факел, отскочила на несколько шагов, отвернулась, и её стошнило трижды подряд. Сам Снегирь тоже с трудом преодолел рвотный спазм — никогда прежде в этой игре он не сталкивался с таким отвратным натурализмом.

Брезгливо передёрнулась даже плеть. Синий очищающий огонёк метнулся по ней от рукоятки к кончику. После чего плеть снова укоротилась и утратила смертоносную жёсткость. Снегирь свернул её и сунул в петлю на поясе.

Затем он подошёл к девчонке.

Разумеется, он узнал её. Та самая, что под села к нему недавно в трактире и набивалась в попугачики. Майрина, кажется. Воровка и охотница за секретами, умеющая при необходимости засветить кофейником в репу.

— Ты как? — спросил он.

— Жить буду, — буркнула она, добавив короткое непечатное слово.

— На вот, выпей воды.

Он протянул её флягу. Она взяла, поблагодарила кивком, но не стала присасываться к горлышку. Вместо этого подставила ладонь ковшиком, плеснула в неё и прополоскала рот. Ещё раз полила на руку, вытерла её о штанину.

— Спасибо.

— Не за что. Давай отойдём.

Снегирь взял её под локоть, отвёл подальше. Девчонку слегка пошатывало.

— Присядем.

Он указал на большой округлый валун. Тот нагрелся под солнцем, но сидеть было можно. Они устроились так, чтобы не видеть место побоища, где пыль нехотя опускалась на разрубленного «кузнечика» и обезглавленную лошадь воровки.

— Какого х...? — спросила девчонка хрипло. — Что это такое было?

— Монстр из местного бестиария. Редкий, но в каталоге есть.

— Да уж понятно, что не котёнок с бантиком! Выскочил из-за скал, набросился... Но я имею в виду — почему такой...

Она передёрнулась. Он только развёл руками:

— Почему такой реалистичный — не знаю. Здесь, по ходу, какая-то аномалия, условия игры нарушаются.

Ей не требовалась сейчас специально напоминать, что они пребывают в виртуальном пространстве. Она уже явно вспомнила и сама — может, стресс повлиял, а может, в районе скал вообще всё сбило, включая игровую легенду.

— Что значит — «какая-то аномалия»? — возмутилась она. — Ты же сам админ! Вы должны любой плевком контролировать!

— Во-первых, я не совсем админ, у меня специфические обязанности. А во-вторых, говорю же — сбой. Я приношу тебе извинения от имени разработчиков...

— Засунь их знаешь куда, свои извинения? Хотя погоди...

Она повернулась к нему, уставилась фиолетовыми глазищами. Усмехнулась с мрачной решимостью:

— Предлагаю честную сделку. Я молчу про всю эту хрень, не подаю жалобу и не требую компенсацию. А ты меня за это берёшь с собой и рассказываешь, зачем ты сюда припёрся.

— Прости, но я не могу разглашать служебную информацию.

— Да не нужны мне ваши гнилые корпоративные тайны! Я не за этим в игру пришла. Но раз уж ты тут тусуешься на коняшке и с плёткой, а не сидишь за компом снаружи — значит, твоя миссия встроена в общий сюжет, сценарий. Вот на этом уровне и ответь. Из легенды можешь не выбиваться, фиг с тобой, только не ври хотя

бы. Неужели так сложно?

Снегирь хотел возразить, но махнул рукой. Подумал — в игре и так на каждом шагу вылезает полная дичь, сценарий идёт вразнос. По крайней мере, в этой локации. Так чего ради он, в самом деле, будет цепляться за каждую запятую в инструкции? Тем более что специфика его деятельности предусматривает некоторую гибкость.

— Ладно, — сказал он, — слушай. В Тень-городе появились странные персонажи. Один из них — Бакенщик, про которого мы с тобой говорили. Другой — Ушкуйник, сильный колдун. Оба они старательно что-то мутят вокруг Каньона Клыков. Но цели у них, судя по всему, противоположные. Ушкуйник хочет организовать сюда рейд, а Бакенщик пытается ему помешать. Это если вкратце.

— А что здесь, в каньоне, такого ценного? Зачем они сюда лезут?

— Вот я и пытаюсь выяснить. Поэтому и приехал.

— Угу. Значит, говоришь, эти двое — между собой враги? И кто же из них — хороший, а кто — злодей?

— Это тоже вопрос. Непонятно, какие у них цели в глобальном, стратегическом плане. И, соответственно, кого из них надо прищучить в первую очередь.

— А лично ты что думаешь?

— Гм. Ну, если учесть, что Ушкуйник пытался меня убить...

— Ого. Убить чувака из Птичьего Ордена? Вот прям так? Серьёзный дядя...

Она взяла паузу, обдумывая услышанное. Потом сказала:

— Окей, понятно. Значит, едем той же дорогой, теперь уже с тобой вместе. Выясняем, что тут творится. И отвертеться даже не пробуй, иначе я в реале устрою кипеш.

— Поехали, так и быть. Но честно предупреждаю — если станет опасно, я тебя сразу выключу из игры. Экстренно отправлю в реал. Иначе — никак.

Девчонка собиралась ещё поспорить, но, видимо, поняла, что ничего больше выторговать не сможет. И так уже получила максимум в нынешней ситуации. Поэтому ограничилась тем, что независимо пожала плечами.

Снегирь, правда, пока не признался, что у него тоже созрели кое-какие небескорыстные мысли насчёт её роли в нынешнем предприятии.

Он подозвал своего коня, снова взял плетёнку и прикоснулся рукояткой к седельной луке — там, где блестела металлическая нашлёпка величиной с монету. Седло на миг подёрнулось тёмной пиксельной рябью, а затем изменило форму — чуть вытянулось в длину. Теперь на нём можно было сидеть вдвоём. Ну и оплата за аренду копытного средства передвижения пошла, соответственно, по удвоенному тарифу.

Далеко ли конь утащил бы двоих седоков в реале, Снегирь понятия не имел. Но здесь, в игре, такая опция предусматривалась. Хребет у лошадки выдержит. Всё-таки виртуальный — да к тому же ещё магический — мир имел свои приятные бонусы.

Он запрыгнул в седло, подал руку новоприобретённой спутнице. Она села перед ним, худая и тонкая, привалилась к нему, как к спинке автомобильного кресла. Одной рукой он подобрал поводья, а другой стал её придерживать, чтобы она не сверзилась.

— Слушай, — начал он, — Мау-Рина...

— Ой, да ладно тебе, — сказала она, — Марина меня зовут, если по-настоящему. Можно подумать, ты в своей базе данных не подсмотрел. А тебя, кстати, как? Или опять разведёшь секретность?

— Артём.

Он сказал это — и вдруг понял, что не совсем уверен в ответе. Нет, он, естественно, не забыл, откуда пришёл в игру и где его настоящий дом. Но то имя из реала сейчас казалось скорее прозвищем, псевдонимом, который нужен разве что для общения с коллегами по работе, а не для жизни как таковой.

— Так вот, — продолжил он, — объясни теперь, будь добра, что ты сама здесь делаешь, возле скал? Меня выслеживала?

— А что? Или скажешь — запрещено? Разве в гайдах написано, что нельзя вот так взять и поехать за кем-нибудь? Даже если он — весь из себя пернатый?

— Вот именно в таких выражениях, может, и не написано. Но в общем виде — предупреждение есть. Поэтому о последствиях ты могла бы подумать. Или в реале тоже попёрлась бы за каким-нибудь опером, например, из полиции, который при исполнении?

— С опером себя сравниваешь? А чё сразу не с чекистом? Очень удобно было бы. Идеологически верно. По этой логике, читеры — контрреволюционная шваль, которую надо срочно поставить к стенке...

— Я восхищён твоей эрудицией и твоим искромётным юмором. Но я не страдаю мегаломанией. Всего-то помогаю народу играть в игрушку. И ты поняла прекрасно, что я имел в виду. Я тебе ещё в прошлый раз сказал — ты слишком любишь лезть на рожон. Дело твоё, конечно, я ведь тебе не папа. Просто не забывай — так можно и доиграться. Влепят, например, бан...

Она обернулась, глянула через плечо иронически:

— Ну, так чего же ты меня не берёшь за шкуру и не везёшь в какую-нибудь допросную? Пренебрегаешь обязанностями?

— Помолчи уже, наконец. И не крутись, а то навернёшься с лошади.

— А ты держи меня крепче, тогда и не навернусь. Это зона твоей ответственности.

— Ты в реале тоже такая красноречивая?

— С какой целью интересуешься? Незаконный сбор личной информации — это, между прочим, наказуемое деяние.

Он вздохнул, пожалев, что не владеет чарами, которые лишили бы собеседницу дара речи. Какое-нибудь «силенцио», как в книжке про Гарри Поттера, пришлось бы очень и очень к месту.

Попутчица, видимо, догадалась, о чём он думает, и глумливо хихикнула. Он, впрочем, не обратил внимания, потому что как раз появился более важный повод для размышлений.

Перед ними была высохшая река.

Русло — шириной метров тридцать. Оно тянулось от скального массива на запад, через равнину. Земля между берегами потрескалась и выглядела безжизненной, над ней дрожал раскалённый воздух.

И висела давящая тишина.

Снегирь осторожно слез с лошади.

— Чего ты напрягся вдруг? — вполголоса спросила Марина. — Нет, я согласна, жутковато и неудобно. Но это — не только здесь, а вообще вдоль скал...

Он, не отвечая, вытащил из подсумка заострённый цилиндрок, похожий на толстый гвоздь. Вдавил его в землю остриём вниз. В полутора метрах над землёй засветилась плоская голограмма — красный восьмиугольник с белыми буквами латиницей: STOP.

— Марина, — сказал Снегирь, — сейчас я пойду вперёд, а ты останешься здесь. За этот знак ты зайти не сможешь. И не вылезай из седла. Если со мной начнёт происходить что-то странное — разворачивайся и скачи отсюда галопом. Или сразу задействуй экстренный выход.

— Да что случилось-то? Речка высохла — ну и что? Монстров нет...

— Может, я просто перестраховываюсь. Будешь ржать надо мной потом, но пока что — пообещай сделать так, как я говорю. Или эвакуирую принудительно — домой, в кокон. Вот прямо сию минуту. Я не шучу.

Несколько секунд она сверлила его недовольным взглядом, потом всё-таки пробурчала:

— Хорошо, я всё поняла. Но ты ведь...

— Со мной будет всё в порядке. У меня кокон — навороченный, специальный. А у тебя — обычный...

— У меня, между прочим, тоже не какая-нибудь дешёвка! Класс «платинум»!

— Но всё равно он пользовательский, домашний. А мой — служебный, примочек больше. И даже если сгорит — не жалко. Платить всё равно не мне.

Он подмигнул ей и, не вступая в дальнейшие пререкания, двинулся к иссохшему руслу — медленно, шаг за шагом.

Ощущение нависшей угрозы становилось всё явственнее. Он держал наготове плеть и усиленно вертел головой, но ничего не происходило. Никто не выпрыгивал из-за скал с кровожадным рёвом, и земля под ногами не разверзалась. Лишь пыльная взвесь поднималась из-под сапог, и стучало сердце.

На полпути между берегами он приостановился, огляделся ещё раз и вытер вспотевший лоб. Реалистичность тут и правда зашкаливала — пот заливал глаза, солёный и едкий, пыль неприятно липла к лицу. С востока дышали доменным жаром скалы, а с запада жгло, клонясь к горизонту, предвечернее солнце.

Выждав ещё с минуту, Снегирь вернулся на берег.

— Ну как? — спросила Марина.

Он молча выключил голографический стоп-сигнал, спрятал «гвоздь» обратно в подсумок. Кивнул девчонке, разрешая слезть с лошади.

— Артём, объясни мне, что происходит? А то я чувствую себя дурой. Привезти — привёз, но ничего не понятно.

Он пристально посмотрел на неё:

— Хочешь помочь?

— Само собой. Говори, что делать.

— Твоя воровская специализация — клады, тайные двери. Так ведь?

— Ну да. Думаешь, тут клад спрятан?

— Не торопись. Как именно действуют твои навыки? Знаю, что есть разные вариации. Один чувак, помню, золото мог буквально унюхать шагов за сто.

— Нет, запах тут ни при чём, — сказала Марина. — Не знаю даже, как правильно объяснить... Бывает

смотрю на карту, и вдруг в голове — как будто щекотка... А взгляд притягивается к какой-нибудь улице, к закоулку... Ну, или к пустырю...

— И ты понимаешь, что там должен быть тайник?

Она поморщилась:

— Да, только я не вижу вот прям конкретную точку. Ну, чтобы подойти и выкопать сундук с бриллиантами.

Эта наводка — только начало, потом надо за людьми следить незаметно, которые этот клад могли спрятать... Высматриваю дополнительные подсказки...

— За людьми следишь через стелс? — уточнил Снегирь.

— Да, у меня прокачан. Сегодня, кстати, даже ты меня не засёк.

— Это вообще-то странно. На меня такие уловки действовать не должны. Хотя, наверно, всё из-за этой долбаной аномалии... Впрочем, ладно, не суть. Главное, что начинаются твои поиски всё-таки через карту...

— Угу. Но, честно говоря, зацепиться получается редко. Иногда, представь, сижу чуть ли не полдня, тарашусь на эти улицы нарисованные, глаза уже слезятся, а толку — ноль. Обида-печаль.

— Ну а как ты хотела? Сама подумай — если каждый воришка будет с первого раза хапать кучу бабла, то игровая экономика рухнет.

— Да я-то понимаю, но всё равно...

— Так, ладно, теперь погоди секунду.

Снегирь посмотрел на русло и произнёс:

— Скриншот.

Перед глазами мелькнуло красное сообщение об ошибке. Он хмыкнул, достал бумажную карту и развернул её так, чтобы на виду оказался Каньон Клыкков. Показал Марине:

— Смотри. Сначала — обычным взглядом, без магии. Ничего не смущает?

— В смысле? Вроде всё правильно. Вот — каньон нарисован...

— Ага. — Снегирь провёл пальцем по бумаге. — Каньон идёт между скал — сначала с севера, потом загибается на юго-восток. Когда-то он был рекой. Причём, заметь, без всяких притоков. Ответвлений у него нет. Но если так, то вот это что?

Он ткнул пальцем в сторону русла, перед которым они стояли. Марина удивлённо моргнула и несколько раз перевела взгляд с бумаги на пейзаж и обратно. Пробормотала:

— Не поняла...

— Вот и я не понял. На карте эта речушка тупо отсутствует. И на служебных скриншотах тоже. Если с большой высоты снимать, то видно голую равнину без русла. А если крупный план с близкого расстояния, то фотка просто не получается. Я только что проверил.

— Но как это может быть?

— Говорю же — не знаю.

Она тоже попыталась сделать скриншот — ничего не вышло, судя по её виду. Марина вытаращилась на Снегирия в совершеннейшем обалдении. Глаза округлились так, что позавидовала бы любая аниме-тян. Затем к ней, однако, вернулся скепсис:

— Слушай, Артём, а ты меня не разыгрываешь? Может, вы сами это подстроили? Какой-нибудь бета-тест хитровыдуманный?

— Марина, — сказал Снегирь, — ты можешь думать, что хочешь. Считаю это бета-тестом, мне пофиг. Но если сейчас ты сделаешь так, как я попрошу, то каждый из нас может получить некоторые плюшки. Шанс есть, по крайней мере. Именно поэтому я тебя не отправил сразу домой.

— Ладно, на секунду допустим, что я тебе поверила. Но вряд ли моя магия тут поможет. Никаких скрытых знаков я на карте не вижу. Да и с чего бы? Если уж даже ваша техника не срабатывает...

Он усмехнулся:

— Тут нестандартная ситуация. Значит, и мы будем колдовать нестандартно.

Оставив лошадь на берегу, они ступили на иссохшее дно. Выбрали самое глубокое место. Если бы в речке была вода, то Снегирь погрузился бы, пожалуй, по шею, а Марину накрыло бы с головой.

— Ну и жуть, — поёжилась Марина. — На берегу такого не было. Чувствуешь?

— Да. Тревога, угроза. Но на меня, я думаю, всё-таки меньше давит. У меня, грубо говоря, мозги иначе работают. Я не так сильно втягиваюсь в игру. Профессиональная деформация.

— Везёт дуракам. А меня пробрало конкретно. Была бы я здесь одна, уже сбежала бы, наверное, с визгом.

— Можем вернуться.

— Нет, я себе не прощу потом. Такое приключение нельзя упускать... Но давай всё сделаем побыстрее. Что ты там придумал такого?

Он достал нож, сделал неглубокий надрез у себя на левой ладони — как накануне, когда связывался с Ушкуйником через черкало. Марина удивлённо выгнула бровь:

— Это что за дарк-фэнтези? Ритуалы с кровью запрещены вообще-то.

— Вот именно. Но Ушкуйник этот запрет обходит, у него есть специальные артефакты. А если так...

Несколько красных капель упали на бумагу — туда, где должно было быть обозначено русло. Чуть левее жёлто-коричневого пятна, которое изображало скальный массив.

— Ну, — сказала Марина, — и что теперь?

— Теперь — ещё раз попробуй включить свои шпионские навыки. Сосредоточься, смотри на карту.

Она послушалась, уставилась на рисунок. Задержала дыхание, замерла на несколько мгновений:

— Не получается... Ну, я же предупреждала, у меня это вообще редко...

— Не отвлекайся, — сказал Снегирь, стоявший у неё за плечом. — И не ной. Ты сама со мной напросилась — значит, давай, вноси вклад.

Марина обернулась к нему — собиралась, судя по мимике, выдать что-то малоцензурное. Но сдержалась и снова перевела взгляд на карту. Нахмурилась, сжала губы. Даже зубами, кажется, скрипнула. Снегирь, глядевший на неё сзади-сбоку, почти физически ощутил исходившее от неё напряжение.

Да, теперь она старалась вовсю.

Секунды таяли, испарялись в знойном безмолвии.

Заметив, как по её губе пробежала струйка крови из носа, он буркнул:

— Ладно, заканчивай.

Но тут её кровь капнула на рисунок — и смешалась с той, что принадлежала ему.

Речное дно под ногами вздрогнуло.

Снегирию почудился звук лопнувшей струны.

У Марины закатилась глаза, подкосились ноги.

Он подхватил её — и рефлекторно даже успел поймать карту, которую она уронила. Быстро глянул по сторонам.

Солнце уже садилось, хотя ещё минуту назад висело вроде бы высоко — время как будто сдвинулось, скакнуло вперёд, к закату. И солнечный диск тоже изменился. Сейчас он казался не золотым, а ржаво-железным, чужим, тяжёлым. Это было похоже на заклёпку над горизонтом — там, куда уходило русло.

И само оно, русло, тоже стало другим.

Трещины уже не зияли — теперь их заполняла тёмная жидкость. Цвет её трудно было определить в закатных лучах — не то нефть, не то... Снегирь вздрогнул, когда ему пришло в голову сравнение с кровью.

Нефть-кровь сочилась из ран в земле.

Он взвалил на плечо Марину и побежал к берегу.

Выскочить успел в последний момент. Когда обернулся, на дне уже не осталось сухого места. И уровень воды (точнее, жуткой подземной жидкости) поднимался.

— Артём... — Марина пошевелилась.

— Сейчас увезу тебя, потерпи.

— Не надо... Пусти, не бойся, не упаду...

Снегирь аккуратно поставил её на землю. Она действительно не упала, лишь вцепилась в его плечо. Пробормотала, глядя на русло:

— Чернильная река... Быть не может...

— Чернильная?

Сначала он удивился, но потом подумал — а ведь и правда, её сравнение здесь подходит больше всего. Кровь ему померещилась с перепугу, да и нефть по цвету всё-таки отличается... Хотя нефть из-под земли — это было бы,

по крайней мере, логично... Чернила же — вообще бред...

Впрочем, жидкость в реке, прибывая, становилась прозрачнее. Странный цвет уже не казался столь концентрированным. Через пару минут, когда ржавое солнце окончательно закатилось, вполне можно было решить, что между берегами — просто вода, пусть и довольно тёмная.

Тут он вспомнил про карту, которую так и сжимал в руке.

Да, река проявилась и на бумаге. От скального пятна влево, чуть загибаясь вниз, теперь уходила толстая чернильная линия.

— Как думаешь, — спросила Марина, — она уже на всех картах?

— Давай проверим.

Он через интерфейс попытался вызвать «аэрофотоснимок», но вместо этого получил лишь приступ головной боли. Даже в глазах на миг потемнело. Помехи шли колоссальные. Снегирь потёр висок, сплюнул и предупредил Марину:

— Интерфейс не работает.

Но он опоздал — она уже и сама попыталась удовлетворить любопытство, за что и поплатилась немедленно. Её лицо перекошилось, она вскрикнула — видимо, ей досталось сейчас сильнее, чем Снегирию.

Он испугался, что она снова потеряет сознание. К счастью, этого не случилось, но на ногах Марина удержалась с трудом. Снегирь усадил её на землю, торопливо достал флакон с целебной настойкой, приказал:

— Выпей.

Она послушно глотнула, но ей так и не стало лучше. Скорее, наоборот. Взгляд расфокусировался, по лицу разливалась бледность. Снегирь понял, что довести её до портала он не успеет.

— Марина, слушай меня! Тебе сейчас полегчает, надо только выйти в реал.

— Всё-таки выгоняешь...

— Ага, вот такой я гад. Но без интерфейса я не могу назвать твой персональный номер. Поэтому выйди сейчас сама. Тебе номер называть не придётся, просто дай голосовую команду.

— Ладно... Но я вернусь...

— Да-да, you'll be back. Всё, не тяни. Давай!

— Экстренный выход, — просипела Марина.

Ничего не случилось.

— Ещё раз, — попросил он. — Свою квартиру представь, будет проще...

Но силы покидали её, она уже не могла сказать даже простую фразу — лишь часто, судорожно дышала. И вот это было уже по-настоящему плохо. Придерживая девочку за плечи, Снегирь прикидывал шансы.

Хрен знает, как далеко зашло влияние аномалии. А вдруг Марина не только здесь пострадала, но и в реале получила болевой шок, удар по мозгам? Она, правда, говорила, что у неё тарифный класс «платинум», а там есть диагностический блок и встроенная аптечка. В крайнем случае техника автоматически выдернет её из игры...

А если здешнее колдовство блокирует даже такую эвакуацию — медицинскую, затребованную извне? Тогда девочка просто умрёт — сначала здесь, а потом и там, прямо в коконе...

Стоп! Не паниковать!

Раз уж аппаратура не действует...

И раз уж любая рациональность — коту под хвост...

Да, это безумие, но...

Вообще-то он, Снегирь, в этом фэнтезийном мирке — тоже маг не из слабых. Пусть даже сам он всю эту магию до сих пор всерьёз не воспринимал — сейчас не до высоколобого скепсиса...

Жаль, палочки нет, как у порядочного волшебника. Здесь у него другие рабочие инструменты...

Ладно, как говорится, за неимением гербовой...

Он сдёрнул с пояса плетень, повертел в руках. Повинуясь наитию, намотал её себе на предплечье. В голове вдруг промелькнул термин из давно забытой школьной программы — катушка индуктивности. Может, это было вообще не в тему и любой технарь от души поржал бы, но Снегирию было всё равно. Он мысленно уцепился за это сочетание слов, как за мощное заклинание.

Рукоять плети он зажал в кулаке, всмотрелся в лицо Марины. Та уже ничего не воспринимала — глаза бессмысленно таранились в небо, дыхание слабело. Счёт, видимо, пошёл на секунды.

Навершием кнутовища он прикоснулся к её груди, чуть ниже горла. Сконцентрировался и приказал:

— Домой!

Плеть стала холодной, будто заледенела; по ней метнулись синеватые искры, впитались в тёмную рукоять. Теперь морозом ожгло ладонь. Снегирь стиснул зубы, но не убрал руку. А миг спустя он вместе с девочкой дёрнулся, как от электрического разряда. Лицо её исказилось в жутком оскале, из горла исторгся хрип, она конвульсивно выгнулась — и исчезла в ослепительно-синей вспышке.

Конь, заржав, шарахнулся в сторону. Снегирь же, откинувшись назад, лёг на землю и облегчённо перевёл дух.

Можно было порадоваться — Марина вернулась-таки к себе, он успел. Но радость смешивалась с растерянностью и страхом. Снегирь ведь помнил, каким путём была решена проблема.

Магия оказалась сильнее техники.

Причём сильнее не только в сказке как таковой, но и на стыке с реальным миром. Она, магия, выполнила сейчас функцию интерфейса, чтобы выбросить девчонку туда, в реал.

Как такое возможно?

А главное — что теперь с этим делать?

Пока что ответ напрашивается только один — надо снова найти Ушкуйника и вытрясти из него всю правду. И неуловимого Бакенщика тоже неплохо бы взять за жабры. Тот пока, правда, действует как союзник, но какую плетёт интригу на самом деле — фиг знает. По факту этот Бакенщик, может, ничем не лучше своего оппонента...

Кстати!

И бакенщик, и ушкуйник — это ведь речные профессии. И теперь, в свете вновь открывшихся обстоятельств, оба прозвища выглядят до крайности подозрительно...

Подумав об этом, Снегирь нахмурился и поднялся.

Реку необходимо было исследовать, причём как можно скорее. Исток её, как подсказывало течение, находился на западе. Насколько далеко — непонятно. Карта в данном случае помочь не могла — слишком крупный масштаб, показана только близлежащая территория.

Загадкой оставалось и то, что происходит с речкой в скальном массиве. По идее, она впадала в Каньон Клыкков, но на карте в том месте, как назло, образовалась клякса. Может, это была случайность, а может, концентрация чар там зашкаливала настолько, что магический рисунок растёкся...

Да, пожалуй, в первую очередь надо проверить скалы, раз уж они тут рядом.

Снегирь вскочил на коня.

Было ещё довольно светло — закатное зарево полыхало над горизонтом, подсвечивая куцые облака. Темноты он, впрочем, тоже не опасался, у него имелось ночное зрение. Такой же способностью обладал и конь — породистый, арендованный за круглую сумму.

Гораздо больше Снегирия волновали монстры, живущие среди скал. Программа, конечно, запрещала им нападать на людей из Птичьего Ордена, но вдруг этот запрет слетел из-за переизбытка магии? Хотя гадать бесполезно — придётся ехать и проверять на месте.

Он направил коня вдоль русла.

Скалы надвинулись, и через полминуты он был уже среди них. Каменные глыбы громоздились справа и слева — каждая размером с многоквартирный дом этажей в пять-шесть, а порой и в десять. Расселины чернели, как шербопасты.

Сумерки сгущались, и он перешёл на ночное зрение.

Картинка перед глазами стала другой, почти монохромной, как в телевизоре из прошлого века. Но ориентированию это не помешало. Оттенков серого было много, почти как в том заморском бестселлере, и они складывались в детальный пейзаж. Река выглядела теперь антрацитовою, запылённый берег — седым, редкие кусты — тёмно-сизыми. Скалы были оторочены пепельными тенями.

Снегирь внимательно озирался, а потому вовремя заметил шевеление в расщелине справа. Из темноты выбралась тварюга, похожая на волка с медвежьими габаритами и неестественно удлинёнными пальцами. Она оскалилась, зарычала; шерсть на загривке вздыбилась. Донёсся короткий скрежет когтей о камни.

Тварь не напала сразу, и это было уже неплохо — значит, программный код ещё не совсем размылся, стоп-рефлекс не исчез. Но злая чужая магия, заполнившая окрестности, конфликтовала с кодом, подталкивала монстра к атаке. И Снегирь не собирался покорно сидеть и ждать, чем всё это закончится.

Выхватив плетень, он сделал вращательное движение кистью. В воздухе перед ним возник предупреждающий знак — спираль, которая в дневном зрении была бы ультрамариновой, а сейчас мерцала как тусклый кобальт.

Тварь приостановилась. Похоже, в её башке, лишённой даже зачатков разума, всё-таки что-то щёлкнуло нужным образом — не подходи, мол, к этому типу с плёткой, сожрать его не получится, зато можно огрести по всей морде. Волк-медведь разочарованно рыкнул, потоптался на месте и свалил обратно в расщелину между скал.

Снегирь хмуро подумал — да уж, если зверюга чуть не набросилась на человека из Ордена, то рядовым игрокам здесь вообще каюк. Монстров даже агрить не надо, они сами будут кидаться на всех подряд. Что и произошло, кстати, сегодня с Мариной, которая просто ехала мимо и не совалась в скалы. Стелс ей не помог тоже...

Месяц выглянул из-за облака — неправдоподобно огромный, яркий, как и положено в приличном фэнтези-мире. Тёмная гладь реки покрылась серебристыми бликами. А ещё, к удивлению Снегирия, что-то крупное

заблестело впереди, прямо над водой.

При виде этого блеска конь вдруг всхрапнул испуганно, заартачился. Но Снегирь пихнул его каблуками в откормленные бока и сунул плётку под нос, напоминая, кто здесь хозяин. Конь обиженно фыркнул, но поплёлся-таки вперёд.

Снегирь нетерпеливо всматривался. Сначала подумал — над рекой перекинут мостик или просто декоративная полукруглая арка. Но, подъехав поближе, понял, что ошибается, и с трудом подавил желание протереть от удивления глаза.

Это оказалась не арка, а рама исполинского зеркала, установленного поперёк русла. И река втекала прямо туда, в стекло. А с обратной стороны так и не вытекала, речное дно там было сухим — Снегирь, заглянув за зеркало, убедился в этом. И нет, об иллюзии здесь речи не шло. Это он тоже проверил сразу, постучав по стеклу костяшками пальцев.

Спешившись, он обалдело переглянулся с конём и уселся на пыльный берег, в паре шагов от арки. Несколько минут бездумно (если не сказать — тупо) следил, как река исчезает в зеркале и больше не появляется. Потом наконец встряхнулся, поскрёб в затылке и попытался связать воедино факты.

Итак.

Есть скальный массив, где игра выходит из-под контроля: интерфейс перестал работать, монстры взбесились, реалистичность достигла запредельных значений. Появилась река, которой здесь раньше не было. И вишенка на торте — циклопический артефакт, который эту реку глотает, нарушая законы физики.

И вот сюда-то, в этот магический концентрат, зачем-то рвётся Ушкуйник. Причём рвётся не в одиночку, а хочет привести с собой толпу игроков. Для этого Ушкуйник пытался организовать рейд, но влез Бакенщик и всё обломал.

Причём оба этих кренделя почему-то не зарегистрированы в системе. Как будто входят в игру без коконов, напрямую...

Интересно, про зеркало они в курсе? Почти наверняка — да. Может, сами же его и установили, вопрос только — с какой целью.

Гм. А не поступить ли в таком случае по-простому? С пролетарской прямоотой и незамутнёностью? То есть взять сейчас каменику и расколошматить эту стекляшку к едрене фене. А потом сесть спокойно на бережку и дожидаться, пока Ушкуйник прибежит на разборки, желательно вместе с Бакенщиком...

Некоторое время Снегирь всерьёз обдумывал такую возможность, но в итоге решил не пороть горячку. Зеркало наполнено магией под завязку, и если его разбить, то может бабахнуть так, что он, Снегирь, ошмётками разлетится по всей округе. Или, к примеру, рухнет игровой сервер. И кто в итоге окажется виноват? Вот то-то и оно...

Не без сожаления он поднялся, снова влез на коня и поехал дальше вдоль русла (теперь уже — вдоль сухого). Удостоверился, что оно метров через двести и правда впадает в Каньон Клыкков. По каньону проехал тоже — на юго-восток, к дальней границе каменного массива. По пути пришлось ещё дважды помахать плетью, чтобы отогнать обнаглевших монстров.

Но вот скалы остались наконец за спиной. Снегирь двинулся по наезженной дороге через равнину, к Тень-городу. Мареву наш крышами, которое днём казалось невзрачной тучей, сейчас серебрилось в свете луны, неярко и живописно.

Когда он проехал два километра с лишним, восстановилась связь. Снегирь принял входящий вызов — и тот сумел его удивить даже на фоне предыдущих событий.

Вызов шёл из реала. Интерфейс соответствовал — строгий экран, повисший перед глазами, без всяких фэнтези-финтифлюшек. В кадре маячил пухлощёкий лысеющий господин в деловом костюме, при галстуке и в очках.

— Доброй ночи, — сказал он вежливо. — Артём Алексеевич?

Снегирь непроизвольно поморщился. Его всегда раздражали люди, которые демонстративно плюют на игровые условности и с упорством, достойным лучшего применения, ломаются сквозь «четвёртую стену». А теперь это раздражение стало ещё сильнее.

— Здравствуйте, — буркнул Снегирь в ответ. — Кто вы? Откуда у вас мой служебный номер? Ну, в смысле, этот канал для связи?

— Приношу свои извинения. Понимаю — вмешательство в ваш рабочий процесс может показаться бесцеремонностью. Но поверьте, в данный момент это оптимальный способ общения. Я говорю от лица людей, у которых к вам серьёзное предложение.

— Позвоните мне на мобильник, когда я вернусь в реал.

— Именно так я и поступил бы, но, насколько я понимаю, рабочий день у вас — ненормированный. То есть нельзя заранее предсказать, когда вы вернётесь из ваших виртуальных... гм... странствий. А дело, к сожалению, не терпит отлагательств.

— Кого конкретно вы представляете?

— Людей, имеющих определённые интересы в той сфере, где вы работаете. Предвосхищая вопрос, добавлю — да, по ряду причин нам сейчас важнее связаться именно с вами, а не с вашими шефами. И нет, речь не идёт о попытке корпоративного шпионажа. Не тревожьтесь на этот счёт.

Снегирию захотелось выудить из архива старинный мемчик — прямоугольник с надписью: «Я ни х... не понял!» И отослать его собеседнику. Но он сдержался и терпеливо сказал:

— Мне жаль, но вы обращаетесь не по адресу. Вряд ли я...

— Артём Алексеевич, — с нажимом произнёс пухлощёкий, — я уполномочен вам передать, что мы в курсе аномальной активности в Каньоне Клыкков. И готовы к взаимовыгодному сотрудничеству.

Такой заход Снегирию не понравился совершенно. О том, что происходит в каньоне, не знают даже админы, а тут вдруг какой-то хрен с заманчивым предложением. Явно мутная тема, но...

— Хорошо, продолжайте.

— С подробностями вас познакомит наш человек. Он ждёт сегодня с полуночи до двух ночи в заведении «Червонный валет», комната двадцать три.

— Спасибо хоть, не в борделе.

— Насколько я информирован, в виртуальном сегменте, относящемся к юрисдикции Российской Конфедерации, официально запрещены коммерческие услуги сексуальной направленности.

— Вам виднее, — сказал Снегирь. — Считайте, что это я так неудачно шучу.

Собеседник посмотрел с подозрением, но предпочёл не развивать тему. Проговорил внушительно:

— Артём Алексеевич, я не вправе требовать от вас обещаний, но буду крайне признателен, если вы не станете разглашать содержание нашего разговора. Хотя бы до встречи с нашим связным. Дальше — решайте сами. Мы не давим на вас — лишь обещаем выгоду. Могу также гарантировать, что на игровом сервере не сохранится записей, которые скомпрометировали бы вас каким-либо образом.

— Верю на слово.

И действительно — если уж в игре спряталась целая аномальная зона, то подчистить логи тем более не проблема. Сервер в последние дни, похоже, превратился в проходной двор. Может, хакнули конкуренты, а может, кто-то из программистов слил данные на сторону — Снегирь, будучи твердолобым гуманитарием, не знал, какая из этих версий более реальна технически.

— Ладно, — сказал он, — поговорю с вашим человеком.

— Отлично. Он предупреждён, что вы — из Птичьего Ордена. Кроме того, прошу вас при встрече использовать фразу-ключ: «Старое русло, новый коннект». И позвольте заверить — вы сделали чрезвычайно разумный выбор.

«Да пошёл ты», — мысленно ответил Снегирь, разрывая связь.

Настроение испортилось окончательно. Следовало признать — расклад усложняется с каждым днём. В ситуацию вмешиваются всё новые и новые силы. Причём не только мистические, но и вполне земные — вроде тех, что стоят за дядей в костюмчике.

А в эпицентре всей этой свистопляски — компания, в которой Артём потихоньку трудится уже четырнадцать

лет. Первый и до сих пор единственный работодатель, пожелавший отметить в его унылой трудовой книжке.

И пять лет из этих четырнадцати существует сверхреалистичное фэнтези, где действует Птичий Орден...

До позавчерашнего дня всё шло по наезженной колее. Жизнь была простая, понятная. Пришёл утром на работу, лёг в кокон. Вечером вылез, выпил пивка. А теперь — фиг знает. Есть ощущение, что назревают необратимые перемены и лафа подходит к концу.

Он вынырнул из раздумий.

Тень-город был уже рядом.

Снегирь миновал ворота. И если в прошлую ночь он ехал по сравнительно тихим улицам, то сегодня свернул на Пьяную Ось. Она пёрла через город наискосок, на манер Бродвея, а здешняя публика готова была гудеть до утра. Бродвейских мюзиклов тут, правда, не водилось, зато наличествовало некое подобие варьете, выглядевшее особенно дико в старинном сеттинге. Ну и, само собой, имелись разнообразные кабаки, а также игорные заведения.

«Валет» помещался в каменном двухэтажном доме с неожиданно стильной вывеской. На ней изображался парнишка со щегольскими усиками, который лихо подмигивал посетителям и салатовал огромным кубком вина. Сердце, обозначавшее его червонную масть, едва заметно пульсировало — очередной магический спецэффект.

На первом этаже — зал с рулеткой и столами для игры в кости, на втором — отдельные кабинеты, где публика посерьёзнее. Там, наверху, играли обычно в карты, причём отсутствие шулерства гарантировалось магически. Так, во всяком случае, утверждали владельцы.

В маленьком вестибюле было полутемно. Привратник в красной рубахе, окинув Снегиря взглядом, кивнул с почтительной сдержанностью. Один глаз у него светился багрянцем, как у средневекового Терминатора.

Снегирь поднялся на этаж выше.

Коридор заполняла ватная тишина, из-за дверей не доносилось ни звука — изолирующие чары действовали исправно. Двадцать третья комната находилась недалеко от лестницы. Он коротко постучал и вошёл.

За карточным столом сидел жилистый мужичок с неприметной физиономией. Правую руку он отвёл на спину — удобная позиция, чтобы метнуть в вошедшего, к примеру, кинжал, если разговор не задастся. Ещё у него, похоже, был с собой амулет, ослабляющий чужое внимание. Снегирию пришлось приложить усилие, чтобы проявился игровой ник связника: BROдяга. Ранг — двенадцатый.

— Я присяду? — спросил Снегирь.

— Стой, не дёргайся. Кто таков?

— Из Птичьего Ордена. Сам же видишь.

— Чё надо?

— Хочу побеседовать про старое русло. И про новый коннект.

Собеседник моргнул, выражение лица изменилось. Он повёл головой, привыкая к новому ощущению; оглядел комнату, будто видел её впервые. Аккуратно убрал метательный кинжал в ножны, положил руки на столешницу и пригласил:

— Садись.

— Любопытно, — сказал Снегирь, устроившись напротив него. — Ты слишком переменялся, когда услышал пароль. Как будто не только про реал вспомнил, но и ещё про что-то. Глубинная закладка в памяти активировалась? Ну надо же...

— Не отвлекайся, — ровно сказал связник. — Поговорим о деле.

— Да я не спешу особо. А ты, значит, спящий агент, как в шпионских триллерах? Я прямо польщён. Думал, это всё байки, городские легенды... Даже не представляю, у кого сейчас есть такие технические ресурсы. У Джей-Кью-Эйт разве что...

Собеседник не повёл даже бровью. Молча смотрел и ждал продолжения.

— Так, — сказал Снегирь, — дай подумать. Если всё-таки Джей-Кью-Эйт, транснациональное чудовище... Ужас, летящий на крыльях ночи...

— Я ничего такого не говорил.

— Но и не отрицаешь... Ладно, перейдём к сути. Кто бы вы ни были, играете вы по-крупному. А я — не то чтобы рядовой сотрудник, но и далеко не топ-менеджер. Что вам от меня надо?

— Не прибедряйся. Ты обладаешь определёнными навыками, которые могут нам пригодиться здесь и сейчас.

— То есть внутри игры? Не в реале?

— Всё верно. Твоя помощь будет оценена должным образом.

— А конкретнее?

— Пятьдесят тысяч долларов, из них десять — авансом. Хоть в российском, хоть в зарубежном банке — выберешь сам.

Снегирь лихорадочно размышлял. Пятьдесят шпук баксов за некую услугу в игре... Если рублями, то почти десять лямов... От этих, которые за лишнюю копейку удавятся? Либо тут заведомая подстава, либо он чего-то не понимает...

— Деньги — это, конечно, круто... — осторожно произнёс он.

— Дополнительным бонусом — вид на жительство в любой из стран, где есть наши филиалы.

— Нехило. И что хотите взамен?

— Ты найдёшь человека, который здесь известен как Бакенщик, и передашь ему письмо от нас — лично в руки. Рассматривай это как подработку. Задача как раз по твоему профилю.

— Вам-то он зачем? И почему вы сами до сих пор его не нашли? Ресурсов у вас хватает, насколько я понимаю.

— По ряду причин прямые переговоры с ним невозможны. Нужен посредник вроде тебя. Письмо — вот оно, забирай.

Связник извлёк из кармана куртки свиток пергамента, положил его на середину стола. Свиток этот, перевязанный тонким витым шнуром с сургучной печатью, выглядел вполне заурядно. Но параметры его были скрыты — Снегирь не смог рассмотреть их даже через дополнительный интерфейс, хотя старательно фокусировал взгляд.

— Какие-то проблемы? — спросил связник.

— Да вот думаю. — Снегирь тянул время. Брать послание в руки почему-то категорически не хотелось. — Вы мне вид на жительство предлагаете за границей, а я как-то здесь привык. Ну, знаешь, берёзки-медведи-водка...

— Ценю твои высокие чувства к родному краю. Но это всё — лирика, а мы заключаем сделку.

— Сначала хочу понять подоплёку. Не люблю, когда меня используют втёмную. Зачем вам Бакенщик? Кто он вообще такой?

— Это человек с большими возможностями. Однажды мы с ним уже контактировали. Но в тот раз возникло некоторое недопонимание, скажем так. Хотим исправить ошибку. А аномалия с пересохшей рекой — однозначное подтверждение, что Бакенщик где-то рядом. С твоей помощью мы, надеюсь, опять с ним свяжемся.

— Поэтому и «старое русло, новый коннект»?

Собеседник усмехнулся:

— Ага. Пароль дебильный, согласен. Испанский стыд. Но наши спецы сказали, что вербальная формула здесь важна. Законы жанра и всё такое... Вот тебе обстановка в общих чертах. Теперь слово за тобой. Если готов работать, аванс переведём через полминуты... Да, и вот ещё что — письмо нужно доставить до новолуния, это принципиальный момент. В противном случае гонорар не выплачивается. Так что не теряй времени. Бери письмо — и вперёд.

Снегирь вдруг почувствовал сквозняк в комнате. Даже обернулся, подумав, что открылась дверь в коридор. Но нет — дверь была затворена плотно. И тем не менее ощущался ветерок в спину, прохладно-влажный, как перед осенним дождём.

— Последний вопрос, — сказал Снегирь связнику. — Открой мне доступ к свойствам пергамента. Я хочу убедиться, что это не какой-нибудь вирус.

— Это просто письмо...

Связник запнулся на полуслове. Замер на миг, вцепившись в крышку стола. С усилием подался вперёд, пригибая голову, будто пытался преодолеть сопротивление ветра. А тот и правда крепчал. Теперь это был уже не просто сквозняк, а плотный, тугий поток. Снегирия он обтекал со спины, почти не тревожа, но человеку напротив явно доставлял неудобства.

Волосы у связного странно зашевелились — не как от ветра, а словно под водой, при сильном течении. Он плотно сжал губы, задерживая дыхание; так делают ныряльщики, чтобы не захлебнуться.

— Слышь, мужик, — осторожно позвал Снегирь, — ты чего?

И тут ветер перешёл в шквал.

Или, может, невидимая вода прорвала плотину (в памяти мелькнуло словечко — «гидроудар») и обрушилась всей мощью на связника.

Тот успел среагировать в последний момент — выхватил кинжал (зачарованный, очевидно) и с размаху вогнал в столешницу. Кинжал сработал как якорь — его владельца, по крайней мере, не снесло со стула волной.

Причём, что удивительно, стол не опрокинулся тоже. И даже свиток с него не смыло. Шторм был чисто магическим, и мишень у него имелась только одна — связник.

Магия размывала его лицо.

Исчезали пиксельные слои — один за другим. Кожа истончилась, стала прозрачной. Из-под неё проступил цифровой каркас — узловые точки, соединённые линиями. Каркас этот искажался, бледнел. И да, умом Снегирь понимал, что разрушается лишь графическая модель, но всё равно ему чудилось — с черепа сдирается плоть.

Почувствовав тошноту, Снегирь отвёл взгляд — и заметил, что письмо тоже всё-таки пострадало. С места оно, правда, так и не сдвинулось, но невидимый поток вымывал из него чернила. А может, и не чернила вовсе — жидкость была багровой, как венозная кровь. Мало того, она задымилась, разъедаая столешницу.

Связник тем временем стёрся из виртуальности окончательно — и цифровой скелет, и одежда. Последними исчезли пястные кости на рукоятке кинжала. Сам кинжал остался торчать в столешнице.

Ветер стих.

Течение остановилось.

Снегирь поднялся из-за стола, попятился и нашарил дверную ручку.

Вышел в коридор, аккуратно затворил дверь. Спустился по лестнице, мимоходом кивнул привратнику. Оказавшись на улице, оглянулся. Дом выглядел по-прежнему — магический шторм не оставил внешних следов.

Снегирь направился к коновязи, отвязал жеребца, запрыгнул в седло. Доехав до ближайшего перекрёстка, свернул, чтобы убраться с Пьяной Оси и не отвечивать лишний раз. Миновал несколько кварталов, когда поступил входящий звонок.

— Артём Алексеевич, — сказал давешний пухлощёкий дядя, строго нахмурившись, — ваши действия нас разочаровали. Вы казались нам разумным, вменяемым человеком. Но убийство переговорщика...

— Одну секунду, — сказал Снегирь. — Давайте проясним сразу — никого я не убивал. Даже пальцем не тронул. Вы это и сами видели, если он вёл трансляцию.

— И вам, и нам хорошо известно, что в магическом мире не обязательно «трогать пальцем», чтобы причинить вред. Тем более — с вашими расширенными возможностями. Наши специалисты, с которыми я только что консультировался, назвали произошедшее, цитирую, читерским беспределом. Формулировка, несмотря на некоторую вульгарность, вполне отвечает сути.

Артём в реале ответил бы предельно корректно.

Но Снегирь в игре не сдержался:

— Послушайте, уважаемый. Раз уж вы переключились на просторечие, сформулирую в том же стиле — ваши специалисты гонят. Или, точнее, валят с большой головы на здоровую. Потому что вашего связника вы прикончили сами.

Пухлощёкий слегка опешил:

— Артём Алексеевич, такие инсинуации совершенно недопустимы...

— В свитке была магическая отравка. Она даже стол прожгла. А предназначалась она, насколько я понимаю, Бакенщику. Но ваш человек соврал — это, дескать, просто письмо. И сдох, как только выдал это враньё.

— Не понимаю, к чему вы клоните.

— С Бакенщиком вы уже как-то пересекались. Не знаю, что там случилось, но он больше не желает с вами общаться. Ждёт, похоже, подянки. И очень правильно делает, между прочим. Спорю на ящик пива — он от вас... хм... предохранился. Если кто-то из ваших попытается его грохнуть, пусть даже чужими руками, то сам откинёт копыта. Охранно-превентивная магия. Вот её мы сейчас и видели.

— Во-первых, у наших специалистов нет сведений, что подобная магия существует. Во-вторых...

— Ага, я тоже не знал, что она бывает. Но теперь буду знать.

— Это ваши домыслы Артём Алексеевич. Факты же таковы — игровой персонаж нашего сотрудника необратимо стёрт. Сам сотрудник впал в кому. Мы не намерены закрывать на это глаза. И оставляем за собой право на ответные меры.

Пухлощёкий оборвал связь.

Снегирь сразу же проверил, но нет — запись разговора не сохранилась. То ли магия, то ли техника — хрен редьки не слаще...

Если эти ребята — из Джей-Кью-Эйт, то он реально попал.

Но зато получил от них неожиданную подсказку.

Как там сказал связник? Письмо нужно доставить до новолуния, это принципиально важно. А ну-ка...

Снегирь вышел в интернет, открыл лунный календарь.

Так, смотрим текущий год — две тысячи двадцать третий. Ближайшее новолуние будет двадцать первого марта. В девятом часу вечера по московскому времени.

Не так уж плохо вообще-то. В запасе ещё несколько дней. Есть неплохие шансы, что он успеет за это время выйти на Бакенщика с Ушкуйником.

Ну, во всяком случае, ясно, с чего начать.

Снегирь подъехал к особняку, который не очень вписывался в общегородскую стилистику. В Тень-городе гейм-дизайнеры старательно давили на мрачность — повсюду камень, тёмные переулки и подворотни, кованые ограды и железные фонари. Деревьев нет, а кусты — разрозненные и чахлые.

Но с этим особняком всё было иначе.

Вокруг него цвела белая сирень — неудержимо и буйно. Ночью она была подсвечена магией и окутана лёгкой дымкой. Издалека это выглядело как космическая туманность, в которой прятались гроздьё звёздных скоплений. И эта картина полностью соответствовала тому ремеслу, которым зарабатывала на жизнь владелица дома.

Сирень пахла одуряюще. У ворот стояла карета, рядом топтался парень в сюртуке и при шпаге. Опираясь на его руку, в карету садилась дама в шляпке с вуалью. Видимо, предыдущие посетители.

Ночные визиты были в этом доме обычным делом.

Снегирь пропустил отъезжающий экипаж, спешился и подошёл к крыльцу. Колокольчик над дверью звякнул тихо и мелодично. Мажордом с бакенбардами поклонился и пригласил в гостиную.

Там не горели лампы — лишь рисунки на стенах слабо флуоресцировали. Рисунки эти представляли собой созвездия, стилизованные под людей и животных. Гарцевал Пегас, натягивал лук Стрелец, а Водолей выплёскивал содержимое из кувшина. На столике в центре комнаты помещалась армиллярная сфера, коперниковская модель мироздания — вокруг Солнца тихо вращались металлические кольца-орбиты.

Хозяйка вышла навстречу гостю — элегантная женщина средних лет. На ней было тёмное закрытое платье. Бледное лицо обрамляли прямые чёрные волосы.

— Здравствуй, птенчик, — сказала она с улыбкой. — Решил навестить старую ворчунью? Только не сочиняй, что приехал вот просто так, по зову души. Опять дела — сверхсекретные и сверхсрочные? Впрочем, я всегда тебе рада.

— Здравствуй, Звезда, — ответил он, коснувшись губами её руки. — Тебя не обманешь, дело и правда важное. Нужна твоя консультация.

— Ну что ж, проходи. Садись.

Они устроились в креслах.

Звезда_A0Va — так звучал её полный ник. Увидев его когда-то впервые, Снегирь подумал, что тётке не хватило фантазии и она добавила случайную комбинацию символов. Но потом до него дошло, что эти цифры и буквы обозначают спектральный класс. А самая известная звезда с такими параметрами — Альфа Лиры, она же Вега. Одна из ярчайших точек на ночном небосводе.

Науку о небесных светилах Артём всегда уважал. В детстве у него даже был «Энциклопедический словарь юного астронома», научпоп с лёгким слогом и красивыми цветными картинками, изданный ещё при СССР. Потом, правда, эта книжка затерялась бесследно. Как будто не захотела переползть во взрослую жизнь, где и Союза-то не осталось.

Дама с космическим псевдонимом заинтриговала Артёма. В реале она, как выяснилось, была доктором наук. Более полувека проработала в Пулковской обсерватории (там же, кстати, познакомилась в своё время с младшим Стругацким). А выйдя на пенсию, решила похулиганить и переключилась на фэнтези.

— Кокон эр-эм семьсот девятнадцать дробь тридцать девять, — сказал Снегирь. — Пауза. Извини, пожалуйста, что отрываю от игрового процесса, но...

— Ничего, — кивнула Звезда, замерев на миг. — Я ещё не настолько ударилась в эскапизм, чтобы обижаться на подобные вещи.

— Между прочем, я всегда удивлялся, как быстро ты поднялась в игре. К тебе даже клан-лидеры шастают за советом. Все эти твои гороскопы — они и правда работают? Вроде же астрология — лженаука...

Она опять улыбнулась:

— Ты хороший мальчик, Артём. Мне нравится твоя тяга к рациональности. Но у меня, во-первых, не гороскопы, а шёпот звёзд. Почувствуй, что называется, разницу. Во-вторых же, есть принцип, который я всегда соблюдала: соразмерность и адекватность. То есть, приходя в сказку, я принимаю законы сказки. Было бы глупо,

да и просто невежливо размахивать здесь докторской диссертацией про сверхмассивные чёрные дыры в ядрах галактик.

— Согласен, — сказал Снегирь. — Ржать над магией — это не вариант, особенно в последнее время. Происходят странные вещи, и я запутался. Ищу дорогу в потёмках, образно говоря. Ну и вот, с вопросом к тебе. Поможешь?

— Я постараюсь. Спрашивай.

— Предстоящее новолуние — что в нём особенного? Оно чем-нибудь отличается от других?

— Ну, вообще-то да. В этом году оно приходится на весеннее равноденствие. Редкий случай.

— Да, точно — двадцать первое марта же. Мог бы и сам сообразить... Интересно... Для науки это, насколько я понимаю, не так уж важно, а вот для магии... Двойное символическое значение... Как бы ты сформулировала? В роли колдуньи, я имею в виду, а не в роли астронома из Пулково?

— Равновесие — как исходная точка для перемен. Открывается новый путь.

— Эпично звучит. Особо упоротые товарищи наверняка поучаствуют... Ритуалы, обряды и вот это вот всё... Звезда, скажи, к тебе кто-нибудь обращался по этой теме? Кроме меня?

Она не сразу ответила — несколько секунд размышляла, глядя на него испытующе. Он не торопил её.

— Я доверяю тебе, Артём, поэтому расскажу. Надеюсь, ты сумеешь распорядиться этой информацией правильно. Эпизод был короткий, но и вправду загадочный. Я пока не могу его объяснить — ни с точки зрения науки, ни в рамках здешней, сказочной логики.

— От тебя такое услышишь не каждый день.

— Ко мне обратился парень... ну, точнее, мужчина примерно твоего возраста. Имени своего не назвал, но в остальном был предельно вежлив. Спросил — что сулит новая луна конкретно ему? Я ответила — мне неизвестно будущее, а если он рассчитывал на гадание, то пришёл не по адресу. Ответ ему, кажется, понравился. Он сказал — нет, гадание ему не нужно. Но он вскоре должен принять сложное решение. А шёпот звёзд, по его словам, поможет ему настроиться нужным образом. С этим я согласилась и начала сеанс.

Она прикоснулась к серебряному кулону у себя на груди. Тот коротко блеснул — и гостиная тотчас преобразилась. Настенные рисунки погасли. Вместо них засветился сводчатый потолок, будто там, вверху, распахнулось ночное небо — не стилизованное, а реалистичное, каким его увидел бы наблюдатель в северном полушарии. При условии, что наблюдатель этот оказался бы далеко за городом в безоблачную погоду.

Звёзды-искорки складывались в созвездия, мерцала туманная полоса Млечного пути. А ещё был шёпот — легчайший, на грани слышимости. Космический свет, казалось, пытался перевести сам себя в слова.

— Тот мужчина смотрел на звёзды, а я тем временем — на него. И чувствовала при этом какую-то... затрудняюсь даже сформулировать... нестыковку, что ли, неправильность. Или, может, тайну, которую он прячет в себе. Но я так и не смогла разобраться. После сеанса он поблагодарил меня, заплатил очень щедро. А я, когда он ушёл, ещё раз захотела взглянуть на его портрет. У меня автоматически делаются скриншоты всех посетителей, просто на память, я не использую их в игре...

— Дай угадаю — скрин отсутствует.

— Да. Казалось бы — ну и что? Технический сбой, случайное совпадение. Но, по-моему, тут что-то другое.

— Конкретные версии так и не появились?

— Нет, к сожалению. — Она развела руками, вздохнула грустно. — Хотя что с меня взять? Я старая бабка, и мозги уже не ахти. Может, я вообще занимаюсь не своим делом. Пора смотреть слезливые сериалы по телевизору. И с соседками сплетничать на лавочке у подъезда.

— Не смешно, Звезда. Скажи лучше — как выглядел тот мужик?

— Одежда неброская, а сам — крепкий такой, здоровый. Из степняков, насколько могу судить. Кожа смуглая, глаза жёлтые...

Снегирь поражённо уставился на хозяйку.

Слов не было, одни буквы.

Степняк с жёлтыми глазами? Тот самый перец, который выдавал себя за трактирщика? Вёл мутные разговоры, угощал грогом, а потом вдруг нарисовался в реале, на заснеженной улице, где ходит трамвай?

Да ладно...

И если предположить, что он — и есть Бакенщик...

Блин, с ходу даже трудно сообразить, что из этого следует...

В каньоне готовится какая-то хрень. Ритуал, условно говоря. В новолуние, на следующей неделе. Наверняка это как-то связано с зеркалом... И Бакенщик имеет к этому отношение. Какое именно — пока непонятно, но он недавно устроил встречу со Снегирём. Хотя ничего конкретного не сказал, только присмотрелся...

Ищет союзников?

Предположим. И сделаем следующий логический шаг.

Бакенщику нужен не кто-нибудь, а человек из Птичьего Ордена. Один из тех, кто полностью сохраняет память в игре и не позволяет другим утрачивать связь с реальностью.

Связь...

Коннект...

Снегирь задумчиво хмыкнул.

Впервые за эти дни он почувствовал, что уже не бредёт на ощупь, а начинает различать хоть какие-то ориентиры. Пусть даже их пока слишком мало, чтобы определить, куда заведёт дорога. Но нечто осмысленное вырисовывается-таки, это радует...

— По-моему, ты что-то понял, Артём, — сказала Звезда. — Поделишься?

— «Понял» — это чересчур громко сказано. Но я, оказывается, знаю этого типа. Ну, по крайней мере, один раз сталкивался. Теперь надо сообразить, где он прячется. И прикинуть, как дальше действовать. Ясности надо больше, короче...

Она взглянула с иронией:

— Ты, может, не замечал, но именно за этим люди ко мне и ходят. За ясностью в голове. Звёзды, между прочим, способствуют. А ты почему-то только и делаешь, что допрашиваешь старушку, хотя вроде воспитанный мальчик.

— Погоди, ты мне предлагаешь... — Снегирь покосился на мерцающий потолок. — Сеанс колдовства?

— Что тебя смущает?

— Я никогда это всерьёз не воспринимал.

— Сам же говоришь — в последнее время происходят странные вещи. Жизнь меняется. Так что не упрямясь.

Смотри наверх.

Он запрокинул голову — и ему показалось, что его кресло тоже опрокидывается назад. Но падение было долгим, невообразимо растянутым, как на каком-нибудь планетоиде с мизерной силой тяжести. А потом гравитация и вовсе исчезла — Снегирь парил в невесомости, растворяясь в звёздном сиянии.

Космический свет, превращаясь в шёпот, вплетался в мысли — исподволь, мягко, но при этом неотвратимо. Его не сдерживали человеческие условности. Свет с лёгкостью разъедал защитный панцирь цинизма, плёнку вранья, облепившую разум за минувшие годы. И тормозил, извлекал наружу детскую память.

Артём опять оказался в родном дворе — возле дряхлой пятиэтажки, где родители жили до развода и переезда. Качели, детская горка, старые яблони, металлическая фигня для выбивания ковров — без понятия, как она правильно называется...

Каникулы. Летний вечер, переходящий в ночь. Исцарапанная скамейка. Дворовые пацаны — ещё даже не старшеклассники, а подростки-мальки — распускают хвосты перед двумя соседками-сверстницами. Ржание вперемежку с хихиканьем.

Духота, зудят комары. В доме гаснут окна. Фонарь неподалёку то ли разбит, то ли перегорел. Темно.

Артём — с остальной компанией. Но вдруг ему чудится, что кто-то его окликнул. Он озирается, случайно поднимает глаза — и замирает, увидев небо над крышами. Россыпь звёзд серебрится, манит, обещает что-то невыразимое. Там, среди созвездий, таится будущее — такая мысль отчего-то приходит в голову.

И не успеваешь удивиться, как будущее приоткрывается.

Он видит себя через четверть века. Тесная кухня, бутерброд с колбасой, початая коньячная фляга. Больше в квартире нет никого — только дикторша в телевизоре бубнит что-то про указ президента. Надо дожевать бутерброд и лечь спать, а завтра с утра — опять на работу, в кокон...

Артём-подросток недоуменно хмурится. Что за бред? Никакое это не будущее. Это обманка, грубая и топорная. Потому что на самом деле всё будет совсем не так. Он станет знаменитым писателем, его романы экранизируют в Голливуде. И жена у него будет — красотка, как Алёнка из параллельного класса. Они купят виллу в Лос-Анджелесе... хотя нет, он — русский писатель, ему лучше жить в России, а продюсеры пусть приезжают сами, когда назреет очередная экранизация... Не суть, короче, главное — он уж точно не будет квасить один на убогой кухне...

А тот чувак с колбасой, бутылкой и коконом — самозванец, призрак, который сейчас развеется. Настоящий же Артём повзрослеет и выстроит себе жизнь — осмысленную, полноценную, яркую. Да, вот именно — жизнь, а не фантомную пьесу в убудочных декорациях...

Он досадливо мотнул головой, и рисунок созвездий смазался.

Вместо двора со скамейкой снова появилась гостиная.

— Что-то не так? — спросила Звезда с тревогой. — Ты ведь услышал шёпот. Но теперь ты на меня злишься.

— Не на тебя, — ответил Снегирь. — Я сам виноват. Знал ведь, что воспринимаю магию по-особому, но всё равно решил попытаться. В итоге ничего не увидел по существу, только отвлёкся от дела...

— Не торопись. Звёзды не дают нам прямых ответов, но их шёпот может кое-что подсказать. С какого ракурса, например, лучше оценить ситуацию.

— Боюсь, это не мой случай... Прости, Звезда, а можно личный вопрос? Он не по игре и вообще, может некорректный...

— Не стесняйся, Артём.

— Ну ладно... Вопрос такой — ты довольна прожитой жизнью?

Она не особенно удивилась. И, как ему показалось, могла бы ответить сразу — но не стала спешить. Помолчала некоторое время в раздумьях:

— Давай посмотрим. Я всю жизнь занималась любимым делом. Смотреть на звёзды — где ты ещё найдёшь такую работу? И даже вот на старости лет нашла себе развлечение... А в семье... Не скажу, что с мужем у нас всё было тихо и гладко. Ругались иногда самозабвенно, до хрипа. Но всё же — двое детей, четверо взрослых внуков... Так что, если в общем и целом, повезло мне с жизнью, Артём, лукавить не буду.

— А со страной? Не жалеешь, что Союз развалился?

— Ты сегодня не мелочишься, — сказала она с мягкой усмешкой. — Звёзды тебя настроили на патетический лад... Ждёшь, наверное, что и я сейчас, воздев руки к небу, запричитаю — ах, какую страну сгубили! Но всё не так однозначно. Ты, Артём, пойми меня правильно, я не претендую на истину в последней инстанции...

— Тем интереснее для меня.

— С одной стороны — страна и правда была великая, по-своему уникальная. Но те, кто её застал, скучают сейчас не столько по ней, сколько по себе же самим, тогдашним. По молодости скучают, говоря проще. Моя вот юность, к примеру, пришлось на шестидесятые. Какое время было — ты даже не представляешь... Но не хочу утомлять тебя старческой болтовнёй. И так у нас странноватая выходит беседа для магического салона...

Артём поднялся:

— Да, ты права. Спасибо, Звезда.

— Тебе спасибо. Удачи в поисках.

Уже на пороге он обернулся:

— Кстати, давно хотел уточнить. Сирень во дворе уж слишком шикарная. Выбивается из общего сеттинга. Персональная льгота от городской управы?

— Нет, — сказала она спокойно. — Я просто посадила цветы, потому что они красивые. Мне очень хотелось, чтобы они здесь принялись, несмотря ни на какой сеттинг. И вот результат. Волшебство, Артём, бывает очень и очень разное.

Он вышел и забрался в седло. Подумал, что беготни на сегодня хватит и можно ехать на постоянный двор.

Тронулся не спеша. Желая сократить путь, направил коня в проулок — и услышал взвизг летящей стрелы. Миг спустя зазубренный наконечник вошёл ему под лопатку.

Снегирь качнулся вперёд, едва не вылетев из седла. Шкала урона, раскалённо-оранжевая, сверкнула перед глазами. Стрела, похоже, была усиленная, с отравленным наконечником. Рану жгло так, будто её напичкали солью. Дышать стало невозможно, тело выше пояса перестало повиноваться.

Но убивать его не планируют — стрелу всадили в правое лёгкое, а не в сердце. Это не приговор, если в мире есть лечебная магия. Значит, попытаются взять живым...

Эти мысли пронеслись в голове за долю секунды.

Мир накрылся, как судовая палуба в шторм.

Конь завалился набок — тоже словил стрелу.

Ногу из стремени Снегирь выдернул в последний момент. Упал на брусчатку, чуть не врезавшись в стену. Боль внутри полыхнула так, что он почти отключился. Но всё-таки сохранил остатки сознания и прохрипел:

— Разгон.

В мозгах прояснилось. Боль немного утихла, руки вновь обрели подвижность. Он даже сумел вздохнуть — магия наполнила лёгкие, перераспределяя нагрузку. Это не было исцелением — лишь отсрочкой, суррогатом боеспособности.

Он встал на ноги.

Стрела по-прежнему торчала в спине — магическая заноза, из-за которой он не мог активировать свой доспех. Да и вообще, передвигаться в таком режиме можно было лишь три-четыре минуты.

Значит, его задача — отбиться за это время.

В проулке стояла темень. Снегирь перешёл на ночное зрение. Оно включилось с трудом, буквально со скрипом — в мозгу, казалось, сдвинули заржавевший рычаг рубильника.

Проулок наполнился призрачным полусветом.

Снегирь увидел врага.

Тот приближался — тёмный, обезличенный силуэт. Расплывшийся рисунок гуашью на сером фоне. При этом от него почему-то воняло тиной, болотной гнилью.

Враг развёл руки в стороны и сделал странный жест, словно хотел погнать невидимую волну. Снегирь приготовился к магическому «гидроудару» — вроде того, что получил недавно связник. Но нет, происходило что-то другое.

Каменные стены слева и справа проступили рельефнее. Можно было подумать, что кто-то забавляется с чёрно-белыми светофильтрами. Сами камни стали светлее, а зазоры между ними, наоборот, наполнились вязкой тьмой — она сочилась сквозь кладку, словно чернила. Липкие струйки отклеивались от стен и сплетались в сеть, которая стягивалась вокруг Снегирия.

Он взмахнул плетью — синий зигзаг рассёк чёрное плетение. Ошмётки сети посыпались на брусчатку. Но отдача была такой, что Снегирию едва не вырвало руку. Боль ошпарила нервы от кисти и до плеча.

А сеть уже восстанавливалась.

Зарывав, он стиснул кнутовище крепче и снова взмахнул — крест-накрест, перед собой. Светящийся росчерк прогрыз дорогу сквозь паутину. Снегирь рванулся вперёд, к противнику.

Тот был готов — не стал ткать новую сеть, а швырнул навстречу один-единственный жгут, который удлинился мгновенно, вытянулся в струну.

Если бы Снегирь не был ранен, то отбил бы эту атаку. Но сейчас реакции не хватило. Жгут обвил его шею, превратившись в удавку. Петля затянулась тотчас же, перекрыв кислород.

Снегирь упал на колени.

Сознание уплывало.

Он проиграл. Угодил в ловушку.

Птенца поймал птицелов...

Эта мысль неожиданно помогла Снегирию. Ярость вспыхнула в нём, встряхнула тело, как при дефибриляции. Плеть в руке, повинаясь этому импульсу, сверкнула ослепительной синевой. Она взметнулась, рассекла жгут и зацепила стенную кладку. С грохотом посыпались камни.

Следующим движением Снегирь выбросил вперёд руку, как заправский шпажист. Плеть метнулась к тёмному силуэту, впиалась в него.

Снегирь тут же дёрнул плетью на себя — и сорвал с врага защитный покров.

«Птицелов» перестал быть безликой тенью.

Теперь это был парень лет двадцати, смазливый и мускулистый, в доспехе из кожи морского змея. Но даже такой доспех не выдержал удар плети. На груди зияла обугленная дыра.

Враг пошатнулся. Застонал и, осев на землю, с ненавистью зыркнул на Снегиря.

Сам же Снегирь кое-как поднялся. Он чувствовал себя ненамного лучше противника — соображал с трудом, голова кружилась, боль раздирала лёгкие. А единственной эмоцией была злость.

— Ну, гадёныш, — сказал он, — я тебя закопаю. И не гони мне, что под внушением был... Внушение выглядит по-другому... А тут — преднамеренная атака на Птичий Орден...

— Серьёзно? — просипел «птицелов». — А ты докажи.

— Скриншот.

Произнося это, Снегирь уже знал, каким будет результат.

И действительно — сделать снимок не удалось. Вместо изображения получились сплошные кляксы.

Нужные логи тоже необратимо стёрлись. Как будто он минуту назад не в проулок въехал, а в чёрную дыру, за горизонт событий.

— Ну чё, облом? — спросил «птицелов». — Лошара... Стрелу в спину получил? Скажи спасибо, что хоть не в жопу... Так что вали отсюда, лечись, пока не подох. Экстренный выход — это прям для тебя... Всё равно до портала не доползёшь...

Он ухмылялся уже в открытую.

— Самый умный? — спросил Снегирь. — Самый смелый? Теперь послушай меня. Минуты две-три у меня ещё есть в запасе. К порталу не побегу, ты прав — не имеет смысла. Но вот разобраться с тобой — успею вполне.

— И чё ты сделаешь, клоун? Пёрнешь и кукарекнешь? Давай, хоть орну с тебя напоследок...

— Ты на меня напал не как геймер, а как тёмный колдун. Сам вывел себя за рамки игровых правил. Ладно. Но если так, то и мне начхать на инструкции. Разрулим по-вашему, по-колдунски.

Плеть у Снегиря в руке шевельнулась, словно змея, почуявшая добычу. «Птицелов» отодвинулся, елозя задницей по брусчатке:

— Алё, заканчивай...

— Сегодня, — сказал Снегирь, — я отправил одну девицу в реал, не используя интерфейс. Мистика, согласись? Но мне почему-то кажется, что это — только цветочки... Если постараюсь, то вот прямо отсюда дотянусь до твоего кокона. Будет тебе коннект...

Он коротко дёрнул кистью, и плеть-змея, скользя к «птицелову», впиалась в запястье под рукавом. Заострившись, словно игла, она вошла точно в вену. Снегирь тем временем продолжал:

— Есть логика фэнтези. Она подсказывает, что главный носитель личной информации — кровь. Значит, попробую подключиться через твой кровоток. Попытка номер один.

Глаза у «птицелова» едва не вылезли из орбит. Он изогнулся в судороге, захрипел, засучил ногами. А плеть подёргивалась при каждом ударе сердца; синие блики скользили по ней с негромким электрическим треском.

— С-сука... Найду в реале — убью...

— Ты начал первым! — рявкнул Снегирь. — Думал, я смолчу и утрюсь? Хрен тебе на рыло... И не зли меня, мудель, а то могу не сдержаться... Сожгу не только железо в коконе, но и мозги тебе заодно... Ну-ка, давай посмотрим, кто ты вообще таков...

Плеть встрепенулась жадно. Снегирь пошевелил рукояткой. Он чувствовал — ещё пара секунд, и откроется доступ не только к ай-пи этого ублюдка, но и к его сознанию напрямую...

И тут «птицелов» не выдержал — заскулил, глотая слёзы и сопли:

— Хватит! Хватит, пожалуйста! Я не хотел! Не знал! Он мне говорил — мы, типа, лоха нагнём! Пернатого полица! А сами замаскируемся, и нам ничего не будет! Он обманул!

— Так, стоп. Кто конкретно — он?

Но «птицелов» не слышал, вопя:

— Я больше не буду! Честно! Акк удалю! Отпустите только! И отцу не рассказывайте!

Снегирь вздрогнул, не веря своим ушам. И в ту же секунду установилась связь — информация с чужого ай-пи стала приоткрываться. Пока это не был сплошной поток, лишь отдельные вспышки, порции данных. Имя этого гада... местожительство... возраст...

— Восемнадцать? — пробормотал Снегирь. — Неделю назад исполнилось?

— Да! Мне кокон на день рождения подарили! На совершеннолетие!

— То есть ты поиграл пару дней — и уже в говне по самые брови? Пацан, ты феерический долбоящер... Кто тебя отправил против меня?

— Колдун! Мы тут с ним пересеклись, в Тень-городе! Он реально крутой, обещал меня сделать учеником... И ранг мне поднял, и силу... Но пусть подавится, я к нему больше на километр не подойду! Только не пытайте, не надо...

Снегирь, опомнившись, выдернул «иглу», убрал плеть.

Руки ошутимо подрагивали.

Он чуть не покалечил малолетнего дурачка, вчерашнего школьника. Формально взрослого, но...

А если бы и правда случайно выжег ему мозги?

От этой мысли мутило, а по спине стекал липкий, холодный пот.

Да и вообще, самочувствие ухудшалось с каждой секундой. Отсрочка подходила к концу, действие яда возобновилось.

— Вали из игры, — сказал Снегирь «птицелову». — Прямо сейчас. И больше не попадайся, иначе...

Пацан исчез, не дослушав.

Снегирю послышался чей-то разочарованный вздох.

А сквозь мутную пелену, окутавшую сознание, пробилась запоздалая мысль — у «птицелова» не было при себе ни лука, ни стрел. Да и напал он спереди, шёл навстречу...

Кто же выстрелил в спину?

Снегирь начал оборачиваться.

Новая вспышка боли погрузила его во тьму.

Ему приснился кошмар.

Снегирь раз за разом пытался вынырнуть с илистого дна на поверхность. Но что-то тянуло его обратно — острое и железное. Как рыболовный крюк, вонзённый под рёбра. Видимо, для кого-то на глубине он, Снегирь, был добычей...

Но он, собрав силы, рванулся вверх.

Крюк отцепился-таки, напоследок выдрал из спины кусок мяса.

Тёмная вода расступилась, воздух ворвался в лёгкие.

— Просыпайтесь, молодой человек.

Он разлепил глаза.

И вяло удивился, обнаружив себя не в помещении с коконами, а в незнакомой комнате с бревенчатыми стенами. За окном уже рассвело. Сам Снегирь лежал на широкой лавке — причём лежал лицом вверх, а значит, стрелу из спины уже удалили. Осталась только саднящая боль, но дышать она не мешала. Лёгкое заработало, как положено. И если латали его прямо в игре, то это — магия экстра-класса...

Рядом на табурете сидел шатен с породисто-хищной физиономией и золотой серьгой в ухе. Как говорится — и снова здравствуйте.

— Вот так встреча, — сказал Снегирь. — Господин Ушкуйник, неуловимый и легендарный...

— Оставьте этот иронический тон, — спокойно сказал колдун, — он сейчас неуместен. Нам нужно обсудить серьёзные вещи. Сожалею, что для организации этой встречи мне пришлось причинить вам определённые неудобства.

— Да, мотивировать вы умеете. Стрелу сначала всадили, потом вытащили обратно... Противоречивый вы персонаж, вот что я вам скажу. Мечта сценариста...

— Не тратьте попусту моё время. Молчите и внимательно слушайте. Вы пригодитесь мне — вопрос только, в каком качестве. Лично я предпочёл бы, чтобы вы стали моим помощником.

— И что надо делать? Пол подметать?

— Повторяю — не надо ёрничать. Мне интересны ваши навыки и умения. Помощник в данном конкретном случае — это, по сути, лоцман.

— В каком смысле?

— Чуть позже я сообщу подробности. Вы поможете мне, а я, в свою очередь, позволю вам прикоснуться к древним, запретным знаниям. И научу вас, как их использовать. Это чрезвычайно щедрое предложение.

— Научите? Гм. С одним из ваших учеников я только что пообщался. И как-то, знаете, настроен скептически...

Ушкуйник поморщился.

— Перестаньте. Вы наверняка понимаете, что этот сопляк был просто расходным материалом. Или, точнее, куклой, которую я на время наполнил силой и отправил навстречу вам. Ценных качеств у него было ровно два — молодость и глупость. Такие юнцы отлично поддаются внушению. Вот, собственно, и всё. Он сыграл свою роль. Жаль, конечно, что вы его пощадили...

Это было сказано так спокойно и буднично, что Снегирь ощутил морозную жуть. Как будто зима, вернувшись на миг, выстудила комнату. Он спросил осторожно:

— Что значит — жаль?

— Если вы будете менее щепетильны в таких вопросах, это упростит нам сотрудничество. Как в прикладном, так и в общем плане.

— Послушайте, кто вы вообще такой?

Задумчиво потерев подбородок, Ушкуйник сказал:

— Вы правы, мне следует представиться. Вам, правда, незачем пока знать моё родовое имя и полный титул. Важнее сейчас мой учёный ранг — магистр чёрного сна. Суть я разьясню тоже, если мы придём к соглашению. В быту называйте меня просто магистром, это допустимая вольность.

«Называйте меня просто Ильич», — вспомнилось Снегирю. Вслух же он спросил:

— А ваш псевдоним? Почему именно Ушкуйник?

— Это скорее должность — в символическом выражении, разумеется. А заодно — удобное рабочее прозвище, которое вряд ли о чём-то скажет непосвящённым.

— Ладно, сделаю вид, что понял. А я — Снегирь, так можете и звать. Как вы, кстати, меня нашли? Следящие чары ко мне не липнут.

— Отследить вас магически я действительно не сумел. Хотя и пытался, поскольку в нашу предыдущую встречу вы вызвали моё любопытство. Отдаю вам должное. Но сегодня со мной связались мои... ну, скажем, временные союзники. Они подсказали, где вы. У них специфические возможности, которые мне сейчас недоступны. А на вас у них, как я понимаю, зуб.

— Погодите... Зуб на меня? И отследили без магии... Джей-Кью-Эйт, что ли? Вот уроды... Но тогда я не понимаю... Они пообещали меня прибить, но если я стану с вами сотрудничать, то окажусь и их союзником тоже... Хотя бы временным, как вы выражаетесь...

Ушкуйник неожиданно рассмеялся:

— Верное замечание. Но, видите ли, они понятия не имеют, что я желаю с вами работать. По их мнению, вы нужны мне, грубо выражаясь, как жертвенное животное для предстоящего ритуала. Поэтому они с радостью отдали вас мне. Забавно, не правда ли?

— Ага... — сказал Снегирь. — Лол...

— Эти люди, при всей их власти, досадно прямолинейны и предсказуемы. Но пока что полезны.

— А ритуал — это тот, который в каньоне? В ближайшее новолуние?

— Вы хорошо осведомлены. Это говорит в вашу пользу.

— И в чём же суть ритуала?

— Он откроет чёрный фарватер. Путь через сон. А пока — давайте оформим нашу договорённость. С магическим закреплением обязательств, само собой. Вы готовы?

И опять Снегирю стало не по себе от этих формулировок. Впечатление было, что речь идёт о масштабном, сложном, но вполне рутинном проекте. О некоей отработанной процедуре. Свихнувшиеся ведьмы и колдуны, с которыми доводилось общаться прежде, вели себя совсем по-другому...

— Прежде чем принимать решение, — осторожно сказал Снегирь, — я хотел бы ещё кое-что понять. Бакенщик — ваш коллега?

— В каком-то смысле. — Ушкуйник чуть заметно скривился. — Но у нас с ним принципиальные — и, боюсь, непреодолимые — разногласия.

— В чём они заключаются?

— В наших целях и методах.

— Давайте на конкретном примере. В каньоне взбесилась магия. Зверьё нападает на встречных и поперечных. Тем не менее вы пытаетесь организовать туда рейд, а Бакенщик вам мешает...

— Верно, — кивнул Ушкуйник. — Мешает, потому что отказывается признать очевидное. То, о чём вы говорили сегодня ночью. Кровь — движущая сила, катализатор развития...

— Я говорил не совсем об этом.

— Как бы то ни было, кровь должна напитать фарватер, чтобы тот был задействован нужным образом.

— То есть, говоря прямым текстом, вы хотите устроить в каньоне бойню?

— Да, вы поняли правильно.

Снегирь приподнялся, опираясь на локти, и уставился на Ушкуйника. Тот выдержал взгляд.

— Спасибо за откровенность, — проговорил Снегирь. — Но ваш проект не соответствует моим жизненным ориентирам. Я вынужден отказаться.

— Молодой человек, — сказал колдун терпеливо, — вы невнимательно меня слушали. Я ведь с самого начала предупредил — вы пригодитесь мне так или иначе. Да, предпочтительнее была бы ваша добровольная помощь. Но если вы категорически против... Что ж, в этом случае я буду вынужден перейти к запасному плану. И он вам понравится ещё меньше, поверьте на слово.

— Ваша самоуверенность впечатляет, — сказал Снегирь, — даже завидно. Вы реально считаете, что сможете меня к чему-то принудить?

— Да, считаю, — кивнул колдун. — Однако, повторюсь, выбор у вас всё-таки есть. А пока вы его обдумываете, я вынужден ограничить вашу свободу передвижения.

Он сделал замысловатый жест, будто зачерпнул горсть крупы из воображаемого мешка. Эту «крупку» он тут же стряхнул на пленника. Снегирь сдавленно охнул и снова повалился спиной на лавку — его погребла под собой, казалось, груда камней.

— Времени у вас — до обеда, — сказал Ушкуйник. — Когда вернусь, хочу услышать ответ.

Он вышел.

Снегирь попытался выбраться из-под невидимого завала, но тщетно. Удалось лишь немного повернуть голову и пошевелить пальцами на руках. О том, чтобы встать, не было и речи.

А раз так, не имело смысла оставаться в игре.

— Экстренный выход, — сказал он.

Ничего не произошло.

Он всё так же лежал, придавленный к лавке.

Повторил голосовую команду ещё два раза — с тем же успехом. Вызвать интерфейс тоже не получилось. Чужая сила наглухо заблокировала технические возможности.

Его охватила паника.

Минут десять он отчаянно дёргался, хрипел от натуги и материл Ушкуйника. Это отняло последние силы — рана, пусть и залеченная, давала о себе знать. Он перестал трепыхаться и, тяжело дыша, устался в потолок.

Кое-как успокоился и заставил себя рассуждать логически.

Если техника бесполезна, то остаётся магия.

Плеть всё ещё при нём. Она зачарована, и ни один чужак не сумеет её забрать. Пока её не используют, она невидима для других — закреплена на боку и туго стянута в кольца. Даже сейчас до неё можно дотянуться большим пальцем левой руки...

Но вытащить её не удастся, взмахнуть — тем более. А ведь именно взмах (или хотя бы поворот кисти) необходим для совершения магических действий — колдовство имеет свои условности. Ушкуйник всё это знает, помнит про плеть, поэтому обездвигил пленника должным образом.

Есть, однако, один неучтённый фактор — в последние сутки магия, доступная Снегирию, приобрела особое качество.

Когда он отправлял Марину в реал, служебный интерфейс не работал тоже. Но это препятствие удалось обойти. Правда, в тот раз Снегирь мог свободно двигаться и манипулировать плетью, как пожелает...

Эпизод с «птицеловом» — ещё более показательный. Чтобы установить коннект через кровь, Снегирь использовал плеть, но почти без акцентированных движений — лишь немного поворачивал кисть. Плеть, казалось, улавливала намёки, «додумывала», что нужно, и выполняла...

Вот и сейчас ему требуется от неё то же самое.

Он дотянулся пальцем до кнутовища.

Сосредоточился и мысленно приказал, чтобы плеть хлестнула по сторонам, вспорола чужую магию...

Плеть не повиновалась. Разве что её витки чуть ослабли, пощекотали бок.

Ещё несколько минут Снегирь буквально орал без слов, пытаясь докричаться до плети. Безрезультатно.

Он перевёл дыхание. Чтобы отвлечься, снова оглядел комнату, хотя особо разглядывать было нечего. Кроме лавки и двух приземистых табуретов имелся только массивный ларь у стены.

В окно заглянуло солнце — утренний луч метнулся наискосок через подоконник. В хмуром Тень-городе такого быть не могло. Значит, здесь — другая локация. Впрочем, это неважно. Главное, что колдун вернётся нескоро, времени до обеда ещё полно...

Расслабившись, Снегирь снова обдумал ситуацию с плетью.

И понял свою ошибку.

Использовать плеть вместо интерфейса удавалось только на стыке виртуальности и реальности. Как в эпизодах с Мариной и «птицеловом».

В пределах же игры плеть — это просто плеть, пусть даже магическая. Ею надо размахивать по старинке — игровые условности сохраняются. Никакие мысленные команды не помогут разбить магические оковы, наложенные Ушкуйником, и выбраться из дома на улицу.

А вот связаться с реалом...

Он снова тронул рукоять пальцем.

Плеть-змея шевельнулась, пробуждаясь от спячки.

— Коннект, — сказал Снегирь. — Отсюда — в реал.

И ощутил короткий укол в бедро. Как будто игла шприца, пробив штанину и кожу, внедрилась в вену. Снегирь поморщился и подумал — ну да, всё правильно, плеть опять ищет связь через кровоток...

Потом стало очень больно.

Кровь, казалось, наполнилась острыми кристалликами-песчинками, которые царапали вену, двигаясь к сердцу. Боль пульсировала в бешеном ритме, который ускорялся с каждой секундой, превращаясь в барабанную дробь.

И под эту дробь мир начал меняться.

Распадался игровой сеттинг.

Стены комнаты, размягчаясь, утрачивали рельефность. Мебель теряла контуры, оплывала, как на картине сюрреалиста. Светлый квадрат окна деформировался, сполз вниз и растёкся лужей, в которой плавали пятна солнечного рыжего света.

Дом сминаясь и таял, как разогретый воск.

Дольше всего продержалась лавка, на которой лежал Снегирь. Ему почудилось, что она превратилась в плот, который подхватило и понесло течением — куда именно, нельзя было разобрать, потому что мир окончательно размазался в кляксы. Но впереди нарастал и ширился грозный рокот, словно река превращалась там в водопад.

Снегирь заорал и вместе с рекой полетел с обрыва.

— Артём?

Техник Сёма почему-то стоял поодаль, не приближаясь к кокону, и выглядел бледновато. Челюсть отвисла, а глаза округлились, как пара юбилейных рублей. Даже волосы встали дыбом — ну или, может, он просто взъерошил их от волнения.

Кокон, впрочем, являл собой ещё более живописное зрелище. Диагностические панели оплавилась, экраны мёртво чернели, воняло горелым пластиком. Что-то тихо потрескивало, дымилась проводка.

Снегирь неуклюже вылез из кокона. Ноги подкашивались, мышцы болели, как будто он весь день накануне ворочал мешки с цементом. Во рту пересохло, зверски хотелось пить.

Краем глаза он заметил под ложементом синеватые искры, странно знакомые. Нагнулся осторожно и медленно, чтобы не бултыхались мозги в башке, как помидоры в консервной банке.

Несколько секунд простоял, не веря своим глазам.

Протянул руку и достал плеть.

Ту самую, что была у него в игре.

Сёма сдавленно охнул.

Снегирь снова повернулся к нему, подошёл поближе. Техник испуганно вжался в стену и съёжился.

— Сёма, — сказал Снегирь, — послушай меня внимательно. И запомни, что указать в отчёте. Здесь был технический сбой. Проводку закоротило, кокон сгорел. Больше ничего необычного ты не видел. Это понятно?

— Д-да...

— Что с видеонаблюдением? Всё выводится на твой пульт?

— Нет... На мой — только с контрольных камер, которые в каждом коконе... Но твоя заранее отключилась...

— Что значит — заранее?

— За несколько секунд до того, как ты проснулся... И вообще, датчики зашкалили...

— Ладно, проблемой меньше. А вон та камера, которая снимает весь зал?

— С неё — Станиславу Борисовичу на комп...

— Хорошо. С ним я разберусь сам. А ты продолжай работать, пиши отчёт — такой, как я объяснил. Ты же не хочешь меня расстроить?

Плеть в руке шевельнулась, сверкнула коротко, и Сёма, заметив это, замотал головой. Снегирь ещё несколько секунд постоял напротив него для пущей острастки и отошёл к холодильнику. Достал банку колы, присосался к ней жадно.

Сёма продолжал на него тарашиться с таким ужасом, словно в банке была кровища. Снегирь перевёл дыхание, швырнул пустую тару в ведро и отправился в раздевалку. Там он первым делом открыл персональный шкафчик и засунул плеть во внутренний карман куртки. Постоял с полминуты, пытаясь разобраться в собственных ощущениях.

А ощущения были несколько неожиданные.

Он почему-то не испытывал шока из-за того, что магический артефакт попал из игры в реальность. Удивление, замешательство — да, но всё же не шок. Разум протестовал, не мог найти объяснение тому, что

произошло, однако подсознательно он, Снегирь, был готов к чему-то подобному. Ну или, может, фантазмагория в последние трое суток просто отучила его изумляться по-настоящему...

Подойдя к зеркалу в душевой, он долго вглядывался в своё отражение. Лицо осунулось, черты проступили резче; губы кривились, будто он с трудом сдерживался, чтобы не зарычать. В глазах таились тёмно-синие искры.

Сейчас он совершенно не походил на нормального человека. С такой рожей можно было бы сниматься без грима где-нибудь в тёмном фэнтези — в роли злодейского колдуна или свихнувшегося наёмника. Для прогулки по офису этот имидж подходил вряд ли.

«Спокойно», — приказал он себе.

Всё можно исправить. Надо сделать морду попроще и вспомнить, что он — всего лишь сотрудник фирмы, производящей компьютерные игрушки. Артём Кулагин, тридцати семи лет, гражданин Российской Конфедерации.

Да, вот именно так — Артём, а никакой не Снегирь.

Ну, во всяком случае, в общении с коллегами желательно об этом не забывать. Чтобы не угодить в психушку...

Отражение в зеркале стало приходить в норму.

Синие искры в глазах потухли, черты смягчились.

Вот так-то лучше.

Он влез под душ, сделал воду похолоднее. Долго и старательно мылился, пытаясь стереть с себя налёт виртуальности, соскоблить враждебную магию, которой опутал его Ушкуйник.

Оделся, посмотрел на часы — без четверти девять. Взял телефон:

— Станислав Борисович, здравствуйте.

— Доброе утро, Артём. Что-нибудь случилось?

— Лучше обсудить лично. Вы уже в офисе?

— Подъезжаю.

— Жду вас у кабинета.

Артём поднялся на лифте, прошёлся по коридору. Зеленовато-серый офисный ковролин приглушал шаги; неярко горели лампы. Административный этаж был тих и безлюден.

Снова накатило ощущение ирреальности.

Он зашёл в пустую переговорную за стеклянной стеной — ту самую, где всего-то три дня назад его допрашивали волки-инвесторы. Сел за стол, сложил руки перед собой и опустил на них голову. Мысли ворочались еле-еле, словно снулые рыбины в илистой придонной воде...

— Спишь, что ли, Артём?

Выпрямившись, он посмотрел на шефа:

— Нет, просто глаза прикрыл на минуту.

— Ладно, пошли ко мне.

Кабинет у Станислава Борисовича был небольшой, зато вид из окна — крутейший. Город просматривался до самых окраин. Крыши укрывал свежевыпавший, пижонистый снег. В ущельях улиц мерцали автомобильные стоп-сигналы, сплетались в рубиновые гирлянды. Солнце над горизонтом куталось в морозную дымку.

— Ого, — заметил Артём, — весну окончательно отменили?

— Не говори. Ночью было минус пятнадцать, а в ближайшие дни — очередное похолодание. Только что по радио слышал.

— Да уж. Хоть разворачивайся — и обратно в игру.

Станислав Борисович сел за стол. Рассеянно поелозил мышкой, глядя в экран, потом спохватился и включил моноблок. Хозяин кабинета не выглядел отдохнувшим — глаза покраснели от недосыпа, на лбу залегли морщины. И с расспросами он почему-то не торопился — молчал, откинувшись в кресле.

— Шеф, — окликнул Артём, — у вас тоже что-то стряслось?

— Да как тебе сказать... Сегодня с утра позвонил гендир. Минут пять телился, но потом таки выдал... В общем, Артём, вчера поздно вечером заседало правление, и подписывались бумаги. У компании — новый собственник.

— Джей-Кью-Эйт?

— А ты, значит, уже в теме...

— Логика подсказала. На меня в игре вышли чуваки и сделали предложение... Прямо не представились, правда, но... Слушайте, шеф, там такая дичь, что я тихо охреневаю. В каньоне — аномальная зона, а посреди неё...

— Подожди, Артём.

Станислав Борисович предостерегающе выставил перед собой ладонь. После чего, опять опустив её на подлокотник кресла, сообщил хмуро:

— Это нас с тобой уже не касается. Мы больше тут не работаем.

— В каком смысле?

— В прямом. Гендир — мой старый приятель, он меня, собственно, сюда и привёл... А теперь вот даёт пинка.

И я его, в общем-то, не виню. Ему намекнули толсто и недвусмысленно, что нас двоих здесь быть не должно. Вот прямо с сегодняшнего числа. Так что пишем с тобой «по собственному желанию»...

— Нехило, — буркнул Артём. — А если я не хочу?

— Тогда уйдёшь не по собственному. И с фитилём в сраке. Сам, можно подумать, не понимаешь.

Повисла пауза. Потом Артём сказал:

— Шеф, посудите сами. Если смотреть с позиции тех, которые нас купили, то я — не пешка даже, а муравей.

Они и знать не должны о том, что я существую. Но меня персонально гонят в первые же часы... Бред, абсурд! И объяснение здесь только одно — я раскопал в игре что-то, от чего у них подгорает. А я действительно раскопал! Скоро новолуние...

— Прости, Артём, — сказал Станислав Борисович. — Я и правда не хочу знать. Меньше знаешь — крепче спишь. Банальная фраза, но очень к месту, когда на тебя вдруг обращают внимание такие вот звероящеры. И тебе советую не отсвечивать. Жизнь не заканчивается, в конце-то концов. Найдёшь другую работу, не дурак ведь... Напомни, ты по диплому кто?

— Не поверите — литературный работник.

— Что, прям так и написано?

— Да. Литинститут закончил в Москве.

— Ну надо же...

Моноблок, загрузившись, тихонько квакнул — в служебный чат пришло сообщение. Шеф прочёл, вопросительно поднял бровь:

— Сгорел кокон? Твоя работа, Артём?

— Я как раз хотел об этом поговорить. У нас там произошла неведомая фигня. Рассказывать долго, проще посмотреть запись. И не хотелось бы, чтобы её увидел кто-нибудь, кроме вас.

— Когда это было?

— Только что. В девятом часу утра.

— Не вопрос, — сказал Станислав Борисович и, пробежавшись пальцами по клавиатуре, размашисто тыпнул Enter. — Запись с восьми до девяти уничтожена. Смотреть я не стал из тех же соображений, но там, надеюсь, действительно было что-нибудь важное. А то неохота просто так уходить, не сделав напоследок мелкую гадость. Хотя мой преемник может расспросить Сёму...

— Сёма будет молчать.

Шеф посмотрел внимательно, но от комментариев воздержался. Поднялся из-за стола, достал из шкафчика початую бутылку виски и два бокала с массивным дном. Глубокомысленно изрёк:

— С утра выпил — весь день свободен. Наш случай. Есть ещё водка, но она тёплая. Так что придётся на буржуйский манер.

Они чокнулись. Станислав Борисович пригубил, Артём же выдул свою порцию залпом. Шеф усмехнулся, плеснул ещё.

— Спасибо за помощь, — сказал Артём. — А можно дурацкий вопрос задать, раз уж такое дело?

— Рискни.

— Вы к фэнтези как относитесь?

— Интересный заход. И главное — своевременный.

— Ну, вы как-то обмолвились, что раньше в НИИ работали. Серьёзное дело. А у нас тут — игрушки, сказки...

— Во-первых, того НИИ давно уже нет, расформировали. А во-вторых... Уж лучше сказки, чем новости пс ящику...

— Это да.

— Поэтому я, кстати, не удивлён, что наша игра в последние годы так раскрутилась. Люди внутри неё забывают про реальную жизнь. По-настоящему забывают, как будто прячутся в сон...

Артём вздрогнул. Ему вспомнилось, как Ушкуйник назвал себя «магистром чёрного сна». Хрен знает, что это значит, но теперь, в контексте рассуждений Станислава Борисовича, выглядит особенно угрожающе...

— И с точки зрения биофизики, — продолжал тем временем шеф, — было бы очень интересно узнать, почему именно эта игрушка дала вдруг такой эффект.

— Ну, — сказал Артём, — мы с самого начала хотели, чтобы игра была похожа на сказку, а не просто на квест... Чтобы уйти от тупого кача, от бессмысленного мочилова... Но это пытались сделать чисто за счёт сценария. Я сам тогда был в сценарной группе, хорошо помню... И мы, конечно, не ожидали, что народ в игре начнёт забывать реал, а некоторые и вовсе *залипнут*... Тут явно вмешался какой-то дополнительный фактор. Но какой именно — без понятия...

— Меня просили заняться этим вопросом, когда на работу брали. Хотели, чтобы я научно это исследовал. Но я объяснил, что понадобится лаборатория с соответствующей аппаратурой. В итоге денег не дали, тема заглохла, а я просто курировал группу, которая вытаскивала *залитших*. То есть, получается, рулил Птичьим Орденом...

— Жаль, в трудовой книжке так не напишут.

— Да, было бы красиво... Ладно, Артём, давай заканчивать посиделки. Скоро мой сменщик явится дела принимать. Удачи тебе.

Они обменялись рукопожатием. Уже на пороге Артём обернулся:

— Шеф, последняя просьба. А то мне, наверно, уже отрубили доступ. Можно узнать телефон одной барышни из игры? Никнейм — Мау-Рина.

Он вышел из здания. В голове немного шумело от выпивки натошак, и он решил прогуляться. Мороз пощипывал лицо, стылый воздух врывается в лёгкие. Снег, который уже сгребли к краям тротуара, был похож на миниатюрные крепостные валы. Офисный люд семенил навстречу, бормоча на ходу в смартфоны.

Машины взрыкивали от нетерпения, выстраиваясь в колонны на перекрёстках. Красноглазые светофоры перемигивались злорадно. Сизый выхлопной дым поднимался к небу.

На торцевой стене ближайшей многоэтажки вспыхнул экран — начинался рекламный ролик. Стилизованный земной шар провернулся вокруг оси, а рядом засветились белые буквы на чёрном фоне: «JQ_8. Нет границ. Есть мы».

«Скромненько», — подумал Артём. Впрочем, следовало признать, что рекламщики недалеко от истины. За последний десяток лет транснациональный кракен разъелся до такой степени, что при желании задушил бы в объятиях почти любое правительство. Ну, может, кроме китайского или штатовского. Хотя и там ситуация, по слухам, неоднозначная.

Теперь бы ещё понять, какого лешего Джей-Кью-Эйт так рьяно лезет в игру, где появился аномальный каньон, и обхаживает Ушкуйника...

Впрочем, стоп. Его, Артёма, это уже никак не касается.

Он уволен. Ему закрыли доступ в систему. Персонажа с ником Снегирь больше не существует, а в Птичьем Ордене — одним клювом меньше.

Да, но при этом он сохранил колдовскую плеть.

Она — тут, в реале.

Подумав об этом, он ощутил, как засосало под ложечкой.

Только теперь, когда рефлекс Снегирия потускнели, а мороз прочистил мозги, Артём по-настоящему осознал всю невероятность произошедшего.

Блин! Ведь этого просто не может быть...

Потому, что не может быть никогда...

Магия здесь, среди панельных домов? В царстве сотовых вышек, офисных центров и супермаркетов с гибкой системой скидкой? Да ладно...

Может, он спит?

Галлюцинирует в глючном коконе?

Валяется в коме после короткого замыкания?

Он остановился посреди тротуара, ошарашенно потряс головой. С подозрением оглядел окрестности — проезжую часть с сигналящими машинами, фасады, вывески, зев подземного перехода. Словно опасался, что всё это сейчас дрогнет, исказится помехами, развеется в цифровую пыль...

Взгляд у него при этом был, видимо, как у психа. Тётка в мешковатом пальто, шедшая навстречу, шарахнулась и чуть не кувыркнулась в сугроб. Это зрелище несколько отрезвило Артёма. Он зашагал дальше, а через десять минут его нагнал автобус-гармошка, идущий в нужный микрорайон.

В продуктовом он взял пачку пельменей, бутылку водки и пакет томатного сока. Поднялся к себе, засунул всё в холодильник, после чего вернулся в прихожую — и с внутренним содроганием достал из кармана плеть.

Сжал рукоятку, осторожно подвигал кистью.

Плеть не отреагировала.

Он сделал ещё несколько попыток, но толку не было. Магические эффекты не проявлялись, и не мерцали синие искры. Плеть, похоже, больше не признавала в нём Снегирия. Ну, или аура типового микрорайона подавила-таки всю магию...

Артём испытал обиду пополам с облегчением.

Вздыхнул и затолкал плеть обратно во внутренний карман куртки.

Вернулся на кухню и, взяв смартфон, набрал номер.

Ответа не было долго; тоскливо повторялись гудки. Он хотел уже дать отбой, но вдруг услышал:

— Алло.

— Марина? Это Артём, привет. Мы вчера пересекались в игре.

— Ой, — сказала она после секундной заминки, — здравствуй... А откуда ты номер знаешь? Хотя да, вопрос глупый...

— Я не вовремя? Отвлекаю?

— Нет-нет, всё в порядке! Просто не ожидала...

Её голос в реале трудно было узнать. Он стал интеллигентнее, мягче; исчезли хулиганские интонации.

— Как ты? — спросил Артём. — Самочувствие в норме? Сразу я позвонить не мог, сама понимаешь. А потом, когда из каньона выехал, была уже ночь. Не стал тебя беспокоить. Решил отложить до возвращения из игры.

— Самочувствие — сегодня уже нормально... А вчера, если честно, было не очень — голова буквально раскалывалась... И слабость... Еле доползла до кровати...

— Прости. Надо было сразу тебя отправить домой, а не тащить в эту речку.

— Ну, перестань. Я сама полезла. А ты выяснил, в чём там дело? Что это за магия там такая?

— Не то чтобы выяснил, но увидел кое-что новое — это да... Марина, послушай, можно я тебя попрошу? Не ездь больше в каньон. Пожалуйста. И подробности не выпытывай тоже.

Она вздохнула:

— Не поеду, не беспокойся. Да и вообще в игру — теперь вряд ли. По крайней мере, в ближайшее время.

— А что такое? Кокон сгорел?

— Почему сгорел? Работает вроде. Просто боюсь... Понимаю, смешно звучит, но в жизни я не такая, как там, в игре...

— Тоже мне, открыла Америку. Мы в жизни все не такие. А в игрушку я, кстати, и сам уже не зайду теперь.

— То есть как?

— Уволен. Сегодня утром обрадовали.

— Уволен? — испуганно переспросила Марина. — Из-за меня?

— Нет, конечно. Ты вообще ни при чём. У нас тут собственники сменились, пошла кадровая чистка. Не парься, короче, дело житейское...

— Значит, не увидимся больше?

— В реале разве что, хотя тоже не факт. Мы с тобой в разных городах. Ты в Москве, а я — за четыреста километров. А то бы я тебя пригласил на кофе.

— Ой, жаль, что в разных. Но если вдруг в Москве будешь, то звони, не стесняйся, ладно? Честно, Артём, я это говорю не просто из вежливости. Рада буду тебя увидеть.

— Да, — сказал он, — спасибо за приглашение. Если вдруг, то обязательно позвоню. А пока — отдыхай, набирайся сил.

Отложив телефон, он долго ещё сидел, бездумно глядя в окно, в морозную синь над крышами. Потом поставил на плиту кастрюлю с водой, включил газ и взял телепульт.

— Предвыборная гонка, — сказала дикторша на центральном ТВ, — выходит на финишную прямую. Сегодня ВЦИОМ презентовал опрос по итогам вчерашних теледебатов. На них, по мнению телезрителей, наиболее весомые аргументы представил Ярослав Громов, кандидат от Партии сильных и лидер так называемой патриотической оппозиции. Восемьдесят три процента опрошенных отдают ему предпочтение. Аналитики говорят, что аудиторию он привлекает своей харизмой, а также яркими лозунгами.

Кандидат появился в кадре — рослый и ясноглазый, со светло-русой окладистой бородой. Строгий костюм сидел на нём безупречно. Крепкий кулак пристукивал по трибуне в такт произносимым словам.

— Нынешнее руководство страны, — неторопливо чеканил Громов, — пробивает дно раз за разом. Хотя казалось бы — куда уже дальше? Свежий пример — переговоры с главами корпораций. Наш президент выплясывал перед ними, как цирковой мишка. Или, лучше сказать, как дрессированная болонка. Разве что в ногах не валялся, выпрашивая очередную подачку. Такого позора Россия ещё не знала. Пора положить этому конец. Президент Кирьянов должен уйти, чтобы страна смогла подняться с колен.

Рыхлый и невысокий Кирьянов — соперник Громова на дебатах — слушал, раздражённо сопя. Но сдержался-таки, не перебив ни разу. Заговорил лишь после того, как ведущий дал ему слово:

— Очень жаль, что мой оппонент сделал ставку на демагогию, оскорбления и откровенную клевету. Но я не буду опускаться до его уровня! Любой вменяемый человек, следивший за ходом переговоров в Кремле, подтвердит — я ни перед кем не выплясывал! Я прагматик и реалист. А историческая реальность состоит в том, что транснациональный бизнес сейчас — самый сильный игрок на мировой арене. И нам приходится с ним считаться... Да, господин Громов, именно так! Есть вещи, которые от нас не зависят! Ослабление национальных правительств — это общемировая тенденция...

— Отговорка для слабаков, — увесисто сказал Громов. — Для слабаков и предателей. Такие, как вы, превратили страну в недоразумение, в жалкий обрубок. Четверть века назад вы развалили СССР, а всего три года спустя — Россию...

— Империи распадаются не по чьей-то злой воле! И не по прихоти отдельных людей! Они распадаются по объективным причинам! Неэффективная экономика, закостенелая идеология — вот что играет роль!

— Нас уже больше двадцати лет кормят этими баснями. Что ж, осталось недолго. Наш народ терпелив, но даже его терпению есть предел. Мой вам бесплатный совет — пакуйте чемоданы, мистер Кирьянов. Уезжайте,

пока имеете такую возможность. Потому что в новой стране, которую мы построим, вам не найдётся места.

— Это угроза? Господин Громов, вы отдаёте себе отчёт, что угрожаете действующему главе государства в прямом эфире?

— Вы невнимательно слушали. Я всего лишь дал вам совет. А быть главой государства вам осталось недолго. Через несколько дней народ выскажет свою волю.

Что на это возразил президент, Артём уже не услышал. На экране вновь появилась дикторша:

— Похоже, кандидат Громов имеет все основания для таких заявлений. Аналитики прочат ему победу в первом же туре. Напомню — президентские выборы состоятся в ближайшее воскресенье, девятнадцатого марта. За ходом голосования будут следить наблюдатели из ближнего и дальнего зарубежья, в том числе из Уральской республики, Вольного союза Сибири, Прикаспийской нефтяной лиги...

Артём выключил телевизор и поставил на стол пельмени. Залил сметаной, набулькал полную рюмку водки. Подумал мельком — ну вот, его биография пополнилась очередным ублюдочным достижением. Теперь он квасит прямо с утра, один. А что делать? Приятели — на работе, их-то не увольняют...

Водка крошечным фаерболом ухнула в пищевод. Артём зажевал и сразу налил ещё. Голова приятно туманилась. Солнце деликатно заглянуло в окно, трамвай на улице тихо звякнул.

Артём подумал — давай-давай, звени, сколько влезет. Мне никуда не надо. Отдохну пару дней от всей этой хренотени. Отосплюсь, почитаю книжку в кои-то веки. Бумажную, настоящую...

Помыв посуду, он перешёл в комнату. Побродил вдоль книжного шкафа, длинного и массивного, купленного когда-то родителями. Взвесил на ладони килограммовую глыбу «Угрюм-реки», поставил обратно. Мощная штука, но не сейчас... Достал с верхней полки «Русскую впадину» — последний роман Аксёнова. Полистал, выхватывая отдельные строчки, хмыкнул. Да уж, Василий Палыч на закате жизни отжёл по полной, выдал ещё одну забористую альт-хистори. В романе у него Союз развалился уже в девяносто первом — и Россию нагнули не забугорные корпорации, а доморощенные бандиты и нувориши. Колорит соответствующий — авторитеты, киллеры, предьявы, разборки...

Но читать не хотелось.

Мысли упорно возвращались к последним часам в игре, перескакивали на увольнение. Роль безработного была Артёму в новинку — и пока не столько пугала, сколько интриговала.

Он включил ноутбук.

Сайт с вакансиями открылся с готовностью, поманил солидной заставкой. Плавно сменялись слайды — ухоженная тётенька в офисе за компом, мужики в пластмассовых касках перед недостроенным небоскрёбом, дородная продавщица в колбасной лавке. Надо полагать, успешные соискатели.

Артём задумался — а сам-то он в какой сфере может себе что-нибудь найти? Компьютерные игрушки? Любая из них, однако, покажется примитивом по сравнению с той, откуда его попёрли. Да, технология погружения через кокон — уже не редкость по нынешним временам. Но сверхреалистичная сказочность, полное растворение есть только в одной игре.

Конкуренты делают ставку на более традиционные вещи — прокачка, уровни. Лут, фарм, гринд. И, конечно, респаун, чтобы в случае неудачи просто переиграть неудачный квест. Публика это ценит. Вот только ему, Артёму, совершенно не улыбается тестировать какую-нибудь стрелялку или писать для неё сценарий.

Короче говоря, хватит игр. Свет на них не сошёл клином.

А диплом Литературного института — это вам не хухры-мухры...

Он выбрал рубрику «тексты», пока не уточняя подпункты. Ввёл название города. И почесал в затылке, пройдя по списку вакансий.

Корректор в областную газету, сто тридцать баксов в рублёвом эквиваленте. Редактор корпоративного сайта на подшипниковый завод, двести вечнозелёных. Преподаватель литературы в среднюю школу — зарплату указать постеснялись.

И прочее в том же духе. Негусто...

Хотя секунду, что-то он тормозит.

Работа ведь бывает и удалённая. И в этом случае можно искать вакансии в любых регионах. Ну-ка...

Теперь объявления посыпались как картошка из прохудившегося мешка. Замелькали названия должностей — копирайтер, технический писатель, менеджер-таргетолог... Специалист по SEO и SMM... Прототипировщик лендингов... Креативный сотрудник в отдел развития человеческого потенциала... Эксперт-редактор по управлению вдохновляющими проектами...

Описание рабочих обязанностей впечатляло ещё сильнее.

Согласование с мерчантом драфтов офферов... Написание брендбука для франшизы... Составление карты смыслов продукта... Поддерживание туннелей продаж и продающих воронок...

Попытавшись визуализировать для себя последнее сочетание слов, Артём содрогнулся и налил ещё рюмку.

Он чувствовал себя дикарём, зачуханным Маугли, который всю жизнь колбасился где-то в джунглях, а теперь вдруг выбрался к людям. Или звездолётчиком, который смотался к Альфе Центавра и, вернувшись, никак не может сообразить, о чём говорят потомки.

Самое обидное, что в этих сравнениях была изрядная доля правды.

Четырнадцать лет назад он, Артём, по окончании института нашёл себе уютную нишу, личную сказочку, в которой можно было сидеть, почти не выглядывая в реальность. Сначала писал сценарии для игрушек, а потом и вовсе лёг в кокон, погрузился в цифровой сон.

Но сегодня сон кончился.

И от реала уже подташнивает. Хотя всего-то посмотрел новости и почитал объявления о работе...

Артём закрыл сайт вакансий и заглянул на литературный форум «С красной строки». Там шёл эпический срач — обсуждался новый онлайн-поджанр «холоп-манга». Выкладывались скриншоты обложек, на которых томно взмахивали ресничками грудастые тьян в кокошниках. Цитировались аннотации и логлайны: «Крутой наёмник из будущего перерождается в теле дворовой девки. Но он найдёт путь наверх».

Гвоздём программы стал скрин, который показывал, сколько кликов собирает один из авторов, работающий в поджанре. Число было семизначным. Увидев эту статистику, завсегдагаи форума впадали в боевой транс. Экран сочился слюной вперемешку с ядом.

Артём прочёл свежий комментарий: «Грустно, коллеги. Грустно и очень больно. Наша литература когда-то пережила свой золотой век. Потом серебряный, бронзовый. А теперь вступает в картонный. Или, если без экивоков, в туалетно-бумажный. Больше не ценится высокая проза с многоуровневой иерархией смыслов — та, которой я посвятил себя без остатка. Мы, настоящие писатели, бьёмся лбом о стену чужой бездарности. Но знаете что? Я всё равно не сдамся. Да, для понимания моих текстов нужен ай-кью далеко за сотню. А таких читателей можно пересчитать по пальцам. И тем не менее — я продолжу писать. Так надо».

Имелся также постскрипtum: «Для тех, кому интересно. Сегодня я обновил вторую главу философского романа «ПостРомка». Добавил четыре полновесных абзаца. Переходите по ссылке. Но предупреждаю — читайте вдумчиво! В моей прозе всё иначе, чем кажется. Чтобы снять верхний смысловый слой, нужно перечитать как минимум дважды. А лучше — трижды. И не стесняемся ставить лайки!»

Артём взглянул на ник комментатора — Sad_White_Shark. Хмыкнул, залогинился и написал в личку: «Доброго дня! Вдумчиво прочитал два полновесных абзаца философского романа «ПостРомка». Сейчас приступаю к третьему. Очень впечатлён, много думал. Но моего ай-кью не хватает для понимания всей палитры имплицированного смысла и подспудных интенций автора. Буду благодарен за пояснения».

Ответ пришёл сразу: «Тёмыч? Откуда взялся? Сто лет тебя уже не было».

«Привет, Кеша. Да вот, увидел твой крик души — и прямо ностальгией повеяло. Не смог промолчать», — написал Артём.

«Остроумно, аж до усрачки. Ты где вообще? В своём Зажопинске?»

«Да».

«В Москву не собираешься? Бухнём слегонца, вспомним молодость. У меня сейчас, правда, с баблом голяк...»

«У тебя с ним всегда голяк».

«Ну, я ж его не гребу лопатой, как некоторые. Не буду пальцем показывать. Зато и быдло-игрушки не продвигаю. Так что, приедешь?»

Артём подумал — а фиг ли?

«Уговорил. Жди завтра».

Поезд вполз на Курский вокзал в десятом часу утра. Артём вышел на перрон, закинул на плечо сумку и двинулся к турникетам. Пахло креозотом из-под днища вагона и подгоревшими пирожками из ларька, который приткнулся в торце платформы.

С соседнего пути готов был вот-вот отправиться ещё один пассажирский состав — и навстречу Артёму неслись, выпучив глаза, опаздывающие граждане с чемоданами. Вокзальная дикторша подгоняла их грозным карканьем.

В здании вокзала было промозгло, шумно и тесно. Одновременно с поездом прибыла какая-то электричка, и две толпы, пихаясь локтями, теперь ломились к спуску в метро. У входа на эскалатор теснились лотки с газетами, сникерсами и пивом. Некоторые приезжие умудрялись покупать всё это на бегу. Не имея такого скилла, Артём отдался человеческому потоку, который вынес его на движущуюся лестницу.

Спускаясь, он разглядывал вереницу щитов с рекламой. В глазах рябило от креатива. Казино «Рой ал», на рисунке — красные осы, облепившие рулеточный стол... Стриптиз-бар «Голь-штанга» — девица в стрингах, прильнувшая к футбольным воротам... Книга-бестселлер «Не будь сЦыклом», подзаголовок: «Не зацикливайся на неудачах. Не бойся брать жизнь за вымя»...

Примерно на середине в этот пёстренький ряд вдруг вклинилась фотография Ярослава Громова, вождя оппозиции, которого Артём накануне видел по телевизору. Подпись гласила: «Пусть Россия проснётся». И чуть ниже, шрифтом помельче: «Приходите на выборы 19 марта».

Портрет действующего президента Кирьянова тоже мелькнул в ряду, между рекламой суши и водки «Слёзка», но смотрелся уныло. Слоган сразу выветрился из памяти — что-то про демократию.

Рекламный щит Джей-Кью-Эйт расположился в конце, у выхода на платформу, а по размерам был раза в полтора больше всех предыдущих. Метровые буквы складывались в слова: «Мы здесь. Мы рядом. Мы знаем».

Артём втиснулся в вагон, протолкался к схеме маршрутов, похожей на разноцветного осьминога. Нашёл жёлтую ветку — куцый отросток с нужной станцией-точкой. Порадовался, что ехать недалеко. Один перегон по кольцевой, пересадка, а там — всего-то три остановки. По столичным меркам это не поездка даже, а детский сад, прогулочная программа.

Взгляд зацепился за «Правила пользования метрополитеном Москвы» — огромный бумажный лист, прилепленный рядом со схемой-спрутом. Артём машинально начал читать: «Разрешено бесплатно провозить: а) детей в возрасте до шести лет; б) ложки...»

Он хрюкнул. Никто из стоявших рядом не обратил внимания, все таращились в телефоны. Подземный поезд, покачиваясь, мчал спрессованные людские брикеты сквозь тьму тоннеля.

Через двадцать минут Артём выбрался на поверхность. Рядом с метро шла трамвайная колея, а параллельно ей тянулось шоссе, широкое и чадящее. Поток машин — на запад, в центр, где сизым облаком висел смог, который чем-то напоминал марево над Тень-городом.

Поймав себя на этом сравнении, Артём сплюнул и влез в трамвай.

Кеша с женой Алисой жил в болезненно-длинной многоэтажке. Артём запыхался, пока дотащился с сумкой до одиннадцатого подъезда. Вонючий лифт, кряхтя и постанывая, вскарабкался на нужный этаж.

— Ха! Тёмыч, наш человек в Зажопинске! Заходи.

— Привет, Кеша.

С их предыдущей встречи прошло лет пять, и за это время приятель заметно сдал — обрюзгло лицо, обозначилась плешь на темени. Пивное брюшко круглилось под несвежей рубахой. В сочетании с малым ростом всё это создавало комично-грустный эффект. Если раньше, в студенчестве, Кеша напоминал задиристого щенка, то сейчас возникали ассоциации со стареющим мопсом.

Его жена изменилась тоже, но несколько иначе. Её будто подсушили, и она теперь казалась не худенькой, а костлявой. Болезненно прорезались скулы, глаза запали; из-под маечки выпирали ключицы.

— Здравствуй, Артёмка. — Алиса обняла гостя. — Молодец, что приехал. И хорошо, что утром, а то бы мы с тобой разминулись. Мне на работу к трём.

— Ага, блин, — скривился Кеша. — Работа — это сильно сказано, ёлы. Прикинь, Тёмыч, она в сотовом салоне ишачит. Продавец, типа, консультант — с дипломом Литинститута... Впаривает смартфончики и планшетики богатеньким мальчикам. И, главное, с улыбочкой: «Могу чем-нибудь помочь?» Я один раз увидел — чуть не сблевал...

— А когда ты в зеркало смотришь, блевать не тянет? — поинтересовалась она. — Сидишь дома с утра до вечера, втыкаешь в свой говнофорум. Работу поискать — не, принцип не позволяет. А деньги у нас, по-твоему, из воздуха появляются? Конденсируются из радуги?

— Прекращайте, — сказал Артём. — Уеду — тогда и гавкайтесь, сколько влезет. А пока давайте за встречу, что ли.

— Тём, ты прости, я вчера пришла уже ночью — мы допоздна работаем, до одиннадцати. Сготовить ничего не успела...

— Да понял я, не переживай. Хотел по дороге к вам зайти в супермаркет, но с сумкой неудобно переться. Поэтому предлагаю — давайте пиццу закажем. Я угощаю, само собой.

— А бухло? — взволновался Кеша.

— Бухло привёз. Дары провинции, так сказать.

Артём достал из сумки рябиновую настойку и предъявил хозяевам.

— Сладенькая? — спросила Алиса.

— Сколько градусов? — спросил Кеша.

— Сладенькая. Градусов хватит.

Они позвонили в доставку пиццы и расселись на кухне. Артём разлил настойку по рюмкам, констатировал:

— Чё-то я уже второй день синячу с утра. Прямо традиция зарождается, новая козырная схема.

— Тоже мне, удивил, — сказала Алиса, покосившись на мужа. — Этот вон — каждый день бы такую схему обкатывал, если б мог. Но он же у нас — нищеврод сферический, эталонный. Даже на пиво заработать не может... Писатель-виртуоз, да. Мастер художественного слова на букву «ху»... Думает — все издательства спят и видят, когда он доковыряет свою нетленку, в месяц по чайной ложке...

— Между прочим, — заметил Кеша, — Маркес тоже бросил работу, чтобы написать «Сто лет одиночества». Даже еду брал в долг, но жена его всё равно поддерживала.

— Где Маркес, а где — ты. Слон и моська.

— Брейк, — сказал Артём. — Будем.

Они выпили, закусили остатками докторской колбасы, которые нашлись в холодильнике. Кеша потребовал немедленно повторить и, насупившись, буркнул:

— Ты, Тёмыч, со своими игрушками отстал от жизни, реально. На «ЛитСистеме» давно был? Туда щас, типа, новое поколение пришло, голимая школота. Почитал я их сочинения...

— «Холоп-мангу»?

— Да, её тоже. Сюжеты — убиться веником, стиль — тошнотный...

— Тебя, смотрю, в последнее время слишком часто тошнит, — сказала Алиса. — То от моей работы, то от молодых дарований. Интересный симптом. А на солёненькое не тянет?

— Ой, да иди ты на фиг. А ты, Тёмыч, её не слушай. Слушай меня... Ну вот, они своё писево выкладывают за деньги. И народ покупает! Ещё и повизгивает от удовольствия! У меня это в башке не укладывается... Сижу и думаю — сам я такую шнягу мог бы гнать километрами, не приходя в сознание. Стриг бы бабло вообще без проблем...

— И чё не стрижёшь? Я бы не возражала.

Кеша смерил жену уничтожающим взглядом. Сцапал бутылку, налил и выпил без тоста. Физиономия у него воинственно покраснелась:

— Я тебе, Тёмыч, давно уже хотел высказать, но ты заныкался в своём коконе, а на друзей забил... Короче, мудила ты. Из песни слова не выкинешь...

— Не понял. Чё за наезд?

— А то. Вспомни, как в институте мы собирались, сидели почти вот так же. Трепались — под водочку, под винцо... Причём, заметь, трепались не про бабло, а про литературу! Про книги, которые мы читали! И про те, которые сами ещё напишем! Но институт закончился, дипломы раздали — и чё в итоге? Ты на литературу положил болт. Тебя поманили длинным рублём — и ты побежал, хвостиком виляя! В Москве даже не остался...

— Тём, — сказала Алиса, — а в самом деле — почему ты тогда уехал?

— Ну, — пожал он плечами, — сложилось так. Сразу несколько факторов. Зарплата нормальная — в том числе, отрицать не буду. Работодатель тоже понравился. Даже тогда, четырнадцать лет назад, это был уже не стартап, а вполне серьёзная фирмочка, хоть и маленькая. Они как раз потихоньку начали расширяться, сценариста искали. И так совпало, что всё это — в моём родном городе. У меня там было жильё — квартира, от отца досталась в наследство. И по городу я, кстати, скучал. Вот и решил в итоге — почему нет? А книжки, если что, можно где угодно писать...

— Ага, — саркастически хмыкнул Кеша. — Ну, и где твои книжки? Сценарист, бляха-муха... Убогие диалоги для быдлярского фэнтези. Хрен и магия...

Артём почувствовал, что и сам начинает злиться:

— Во-первых, когда я туда пришёл, никакого фэнтези ещё не было. Были нишевые инди-игрушки с

нестандартным сеттингом и сюжетом. Интерактивная хроноопера, например, по Азимову — надо менять историю с минимально необходимым воздействием... МНВ — игра так и называлась... А во-вторых, с какой радости я перед тобой оправдываюсь? Ты сам за последний год написал полторы главы...

— Там смысловая плотность такая, что...

— Слышь, вот только не надо. Это на форуме можешь нести пургу про восемь уровней смысла — и тебя залайкают до оргазма. А я тебе скажу по-простому, как бывшему однокурснику. Ты один-то уровень сделай так, чтобы можно было читать. Чтобы было понятно, о чём там речь...

— Я же объяснил в предисловии! — гаркнул Кеша. — Это не развлекуха! Это интеллектуальный срез современности! А подспудно — манёвр постмодернистского уклонения, чтобы избежать встречи с наползающей глыбой метамодерна! Или чё, ты ждёшь, что я начну там выстраивать линейный сюжет а-ля «Таня хочет Ваню»?

— Да хоть какой-нибудь выстрой! Потому что я прочитал вчера — и не вкурил от слова «вообще»! Вот честно, в следующий раз лучше «холоп-мангу» открою. Поржу слегка — и то хлеб.

— Знаешь, что-то такое я и подозревал. У тебя в твоём коконе — реально умственный дауншифтинг. Ну, туда тебе и дорога...

Дверной звонок запиликал.

— Пиццу привезли, — сказала Алиса. — Пойду открою.

— Держи. — Артём протянул ей пятитысячную купюру.

— Надо было две коробки заказывать, — изрёк Кеша и гордо отвернулся к окну.

Пицца оказалась приличная — ещё не совсем остыла, да и мясной начинки повар не пожалел. Кеша с Артёмом снова хлопнули по рюмашке, Алиса символически пригубила. Спор о высоком прервался минут на десять.

— Слушай, Тём, — сказала Алиса, когда коробка опустела наполовину, — а это правда, что в коконе ты про всё забываешь? Ну, про настоящую жизнь?

— Не совсем, но да. Есть такой эффект.

— Гнилой эскапизм, — диагностировал Кеша. — Бегство.

— Ох, честно говоря, я бы тоже сбежала на недельку-другую. Поглубже в фэнтези. Чтоб вот это вот всё не видеть.

Она кивнула не то на газовую плиту, не то на сидящего рядом мужа. Тот сообщил:

— А меня в ваш кокон фиг бы загнали.

— Уверен? — спросил Артём. — А по-моему, ты эскапизм чморишь потому, что денег на кокон нет. Если бы появились — ты бы в игре вообще поселился. За уши пришлось бы вытаскивать. Колдовал бы там с пафосом, нагибал бы встречных и поперечных...

— Не проецируй на меня свои комплексы. На себя посмотри. Кто ты в игре, напомни? Странствующий рыцарь или типа того? А в реале — офисный планктон из Замкадья. Нехилый такой контраст...

— Ага, зато у тебя — полная конгруэнтность. Идеальное соответствие формы и содержания. Кеша Рыбкин, безработный по зову сердца, он же — Уайт Шарк, акулий плавник над форумом...

У Артёма в кармане задёргалась телефонная трубка. Он замолчал, вытащил её и взглянул на имя звонящего. Нахмурился и поднялся из-за стола:

— Отлучусь ненадолго. Надо ответить.

Перейдя в комнату, он мазнул пальцем по экрану:

— Слушаю.

— Хай, Снегирь. Уделишь минуту?

— Да, Грач. Привет. Чего вдруг про меня вспомнил?

— Да вот, хотел позлорадствовать... то есть, тьфу, посочувствовать в связи с увольнением. Сегодня на планёрке узнал от нового шефа. На самом деле — реально жаль, что тебя вот так выпнули. Ты у нас в Ордене — самый крутой старпёр. Ну, в смысле, раньше был.

— Умеешь ты поддержать. Но ведь звонишь не только за этим?

— Ты прав. Корыстный вопрос. А конкретно — насчёт Глузьякиной.

Артёму понадобилась пара секунд, чтобы сообразить, о ком речь:

— А, ты про ту мадам, которая *залипла* на днях? Ведьма из чёрной башни?

— Да, ты её вытаскивал. Разговор с ней хорошо помнишь?

— Ну, в принципе, неплохо. А что?

— Она не упоминала никакие хитрые артефакты? Вот прям реально хитрые? Такие, чтоб отсутствовали в сценарии?

— Вроде нет. Из-за чего кипеш?

Грач поколебался, но всё-таки ответил:

— Тут одна фигня появилась... То есть хэ-зэ — появилась она реально или просто новый фольклор...

Серебряное перо — не слышал ни разу?

— Нет.

— Говорят, забойная штука. И при этом криповая.

— В каком смысле?

— Перо, типа, как-то связано с лунным светом и с ночными кошмарами. Чуть ли не управляет ими. Или кодирует — хрен поймёшь, по-разному говорят. Я пытаюсь въехать, где тут брехня, где правда... И главное — ходят слухи, что эта хрень влияет через игру на реал, прикинь?

Артёму ощутил, как шевельнулись волосы на затылке. Хотя, может, просто разыгралось воображение. Он спросил:

— А при чём тут Глузякина?

— Не уверен на сто процентов, опять же — слухи... Вроде как перо появляется в тех местах, где был магический выброс — и не какой попало, а охренительно мощный. Поэтому проверяем локации, где шёл конкретный замес с *залитшими*... А твоя Глузякина — самая отмороженная за последние дни была, ну и вот...

— Понятно. Но я про перо и правда не слышал.

— Вот ёлки... А нам тут премию обещали, если найдём...

Последняя фраза несколько успокоила, заставила усмехнуться. Артём подумал — ну да, если разговор переходит с магических кошмаров на деньги, то всё не настолько страшно. Даже тёмное колдовство пасует перед баблом...

— Ладно, удачи, Грач. Флаг в руки, как говорится. Мне-то самому премия уже не обломится.

— Это да. Отдыхай, Снегирь. Сорян, что побеспокоил.

Зазвучали гудки отбоя. Ещё с минуту Артём сидел, вертя в руках телефон. Нахлынула вдруг тоска. Остро захотелось нормальных человеческих новостей — без дарк-фэнтези и прочего киберпанка.

Он открыл список номеров, прокрутил до искомой строчки.

— Привет, Марина.

— Привет! Надеюсь, что ты позвонишь.

— Я тут неожиданно оказался-таки в Москве. Ну и, само собой, не мог не воспользоваться твоим приглашением.

— Ой, ну классно! Долго пробудешь?

— Пару дней — точно, а там посмотрим. Как насчёт встречи?

— Я сегодня на кафедре целый день, потом к сестре зайти обещала. А завтра — суббота, было бы в самый раз.

Подойдёт тебе?

— Да, конечно.

— Ты территориально где? Какое метро?

— Шоссе Энтузиастов, — сказал Артём.

— А у меня — Первомайская, соседняя ветка.

— Где удобнее встретиться? И во сколько?

Она задумалась:

— Артём, слушай, а ты раньше в Москве бывал?

— Пять лет тут проучился.

— Ага... То есть стандартная туристическая программа тебе не так интересна?

— Да, Кремль с мавзолеем вычёркиваем. Туда я точно не рвусь. Предлагай, куда тебе хочется.

— Предложение, может, странное, но...

— Говори, Марина, не бойся.

— В общем, я очень зиму люблю. Но в этом году она у нас была отвратительная. Слякоть и грязь сплошная! А сейчас вдруг, в марте — сам видишь. Морозец, снег, просто сказка. И ужасно охота в парк...

— В Измайловский, имеешь в виду? Который рядом с тобой? Не вопрос.

— Ура! Тогда давай завтра в час, прямо на платформе метро. Интересно, мы друг друга узнаем?

— Вот и проверим, — сказал Артём, — пусть будет интрига. В крайнем случае созвонимся ещё раз, помашем ручками.

— Ладно, тогда до встречи!

Распрощавшись с Мариной, он хотел убрать телефон, но зацепился взглядом за какую-то неправильность на экране. Присмотрелся — и не поверил своим глазам. На рабочем столе появился новый значок, которого не было ещё пару минут назад. Между салатовым кружком мессенджера и чёрно-белой пиктограммой читалки мерцало серебряное перо.

Подземный поезд катился по синей ветке.

На этот раз обошлось без давки — суббота, день, толпа не ломится на работу. И чем дальше от центра, тем просторнее становилось в вагоне. После Семёновской, где многие вышли, даже освободилась пара сидячих мест.

Но Артём садиться не захотел. Стоял, прислонившись к стенке, в торце вагона; смотрел перед собой отрешённым взглядом, почти как настоящий москвич. Думал в основном о Марине, но мысли то и дело соскальзывали на ту коллекцию странностей, что пополнялась все последние дни.

Он вытащил из кармана смартфон, взглянул на экран.

Нет, новый значок с пером никуда не делся. Активировать его, правда, тоже не удалось. Хоть до посинения тыкай пальцем — реакция нулевая. И в списке приложений не появилось новых программ. Короче говоря, значок был, а толку от него не было.

Поезд выехал из тоннеля и минутой спустя подкатил к платформе. Артём вышел из вагона, вдохнул морозный воздух и огляделся.

Обындевелый парк прижимался к станции, а по другую сторону рельсов расположился блёклый микрорайон из кирпича и бетона. Виднелся торговый центр, облепленный рекламными баннерами. Вокруг него, как поросята вокруг свиньи, теснились табачные и водочные киоски. Несколько маршруток нетерпеливо коптели воздух в ожидании пассажиров.

Артём прошёлся взад-вперёд по перрону. Тот был полупуст; одиноких барышень не наблюдалось вовсе. Впрочем, до назначенной встречи оставалось ещё больше пяти минут.

Он сунул руки в карманы куртки и поднял воротник. Мороз за сутки усилился — хорошо хоть, не было ветра. Стылый антициклон выдавил с неба все облака; лишь несколько куцых пёрышек примёрзли к самому горизонту.

Подъехал поезд в сторону центра, вышли человек десять. Артёму заметил девчонку в дутой спортивной куртке и широких штанах — она двигалась энергично и резко, как Марина в игре. Хотел окликнуть её, но она равнодушно мазнула взглядом и зашагала прочь, к выходу с платформы. Он, глядя вслед, подумал — ну ладно, первый блин комом. Было бы неожиданно, если бы Марина пришла минута в минуту...

— Артём?

Он обернулся и удивлённо моргнул.

Встреть он её случайно — не узнал бы ни за что в жизни.

То есть, конечно, он и не ожидал абсолютного портретного сходства с игровым персонажем. И принял как должное, например, что сейчас она уже не сверкала фиолетовыми глазищами. Глаза у неё оказались вполне обычные, серые.

Но дело было не в этом.

В игре Марина была воровкой — наглой, шустрой и тощей. И одевалась так, чтобы иметь возможность бегать, прыгать и бить обидчикам морды.

А тут на него смотрела элегантная дама, наряд которой не допускал и мысли об акробатических подвигах. На ней была светлая короткая шуба и шапка из такого же меха; сапоги на внушительном каблуке; облегающая юбка средней длины. Округлые бёдра манили взгляд, а высокая грудь угадывалась даже под шубой.

И при этом Марина казалась слегка испуганной, шурилась близоруко. Как гимназистка перед экзаменом.

— Вау, — сказал Артём. — Это ты? Ну ничего себе.

— Не смущай меня. Ты так смотришь...

— Прости. И не сочти за банальность, но я сражён наповал.

— Спасибо. — Наконец она улыбнулась и, кажется, расслабилась. — Мне нравится комплимент и льстит твоё удивление. Ты думал, что я уродина?

— Не то чтобы уродина, но... Девушки обычно приукрашивают себе фигуру в игре, а ты почему-то — наоборот...

— Я там хотела стать не такой, как здесь. Ну, знаешь, не домашней тихоней, которую всё пугает, а спортивной пацанкой, авантюристкой, которая постоянно влипает в разные приключения. И внешность хотелось подходящую, и повадки. Нормально ведь получилось, как ты считаешь?

— Роль ты отыгрывала неплохо, согласен.

— В обычной игре, наверно, не вышло бы ничего, а вот в вашей — вполне. Иногда вообще забывала, что я всего лишь выпускница филфака...

Разговаривая, они спустились с перрона и углубились в парк. Вдоль дорожек тянулись невысокие сухие сугробы. Белые деревья стояли, не шевелясь. Солнце проблёскивало сквозь ветки, высекая льдистые искры.

— А ты, — сказала Марина, — более или менее похож на себя в игре. Внешне, я имею в виду. И такой же

худой. Почему ты там, например, не нарастил себе мышцы? Пацаны это любят.

— Я ведь не просто геймер. И не могу радикально поменять внешность. Ну, то есть технически можно нарисовать совершенно другую морду и бодибилдерский торс. Но через пару часов искусственная личина размоет. Это как-то связано с тем, что я не теряю настоящую память. Мозговая активность влияет на внутриигровые кондиции. Малоизученная фигня, но что есть, то есть.

— Надо же... Интересный эффект, теперь буду знать. У тебя в виртуале, правда, лицо более суровое, мужественное... Ой, прости, не хотела тебя обидеть!

Артёму стало смешно:

— Переживу как-нибудь, не волнуйся... Расскажи лучше о себе. Значит, филфак закончила? А теперь что делаешь?

— Аспирантка. Удивляешься, наверно, откуда у меня деньги на кокон «платинум»? Просто родители небедные, ну и вот...

— Марина, окстись, я же не фининспектор. А с позавчерашнего дня — даже не наблюдатель из пернатого Ордена.

— Да, действительно... Кстати, чем теперь будешь заниматься?

— Работу искать.

— В Москве?

— Можно и в Москве, раз приехал.

— А кто ты по специальности?

— Почти твой коллега. Литинститут.

— Ой, правда? Класс! Но как тебя угораздило в этот Орден?

Он пожал плечами:

— Меня вчера об этом же спрашивал мой бывший однокурсник. Ругался много и долго... Короче, в Ордене я пять лет, а раньше был сценаристом. Разрабатывал лор, сюжеты...

— То есть это ты придумал игру?

— Скажем так — приложил к ней руку. Не в одиночку, само собой. Но потом начальство решило, что я полезнее в коконе.

— Хм... — Марина задумалась. — Может, ты ещё и поэтому сильный маг? Я ведь помню, как ты меня отправил в реал без всякого интерфейса... Если ты — один из сочинителей сказки, то это даёт тебе, по идее, дополнительные возможности. При условии, что мы всерьёз воспринимаем всю эту магию...

— Я сам не знаю, как к этому относиться, — сказал Артём. — В любом случае — сейчас от меня уже ничто не зависит. В игру не могу попасть. Меня туда, скорее всего, не пустят, даже если персонажа сменю.

— Да-да, извини... Тогда, знаешь, давай не будем больше про виртуал. Тем более что у меня к тебе есть вопрос, очень глубокомысленный.

— Не пугай меня.

— Строго между нами, коллегами, — сказала она, интимно понизив голос. — Признавайся — ты пишешь тайком роман?

Он заржал, она тоже засмеялась.

— Нет, — сказал Артём, — не пишу. Пробовал начать, но забросил. Леня помешала.

— Что же вы так, товарищ Снегирь? Лишаете мировую культуру своего бесценного вклада... Но вообще, Артём, мы вот пошутили — и ты опять стал какой-то грустный. Это из-за того, что без работы остался?

— Ну, как тебе сказать... Дело не в работе как таковой. Просто ощущение странноватое. Столько лет просидел в выдуманном мире, а теперь вдруг окунулся в реальность — и никак не могу поверить, что всё это по-настоящему... Как пацан, которому непонятны взрослые игры. Ещё и выборы эти...

— Пойдёшь голосовать, кстати, завтра?

— Прописан-то я не здесь, так что не судьба. Не допустят к заветной урне. Да не очень-то и хотелось, честно сказать... А ты? Определилась, за кого будешь?

Она снова смутилась:

— Я в политике не особо... За Громова, скорее всего...

— Ну да — красавец-мужчина, богатырь земли русской...

— Ой, ну вот чего ты подкальываешь? Не во внешности дело! Но он хотя бы решительный и не мямлит. Прямо говорит, что и как. Про корпорации, про страну... Не подумай, пожалуйста, что я какая-нибудь великодержавная шовинистка, но... На Кирьянова уже смотреть стыдно, тут я с Гровым соглашусь...

— Ладно, — сказал Артём. — Может, ты и права. Сама завтра разберёшься, где ставить галочку. А пока — отдыхаем.

— Да! Хорошо, что выбрались. Красиво тут, согласись?

Они остановились на пересечении двух дорожек. Артём заметил, что Марина подрагивает. Спросил:

— Замёрзла?

— Ага. Чуть-чуть переоценила свою морозоустойчивость.

— Ну, давай где-нибудь в тепле посидим.

— Можем съездить на Курскую. Там прямо рядом с метро здоровенный торговый центр, мне нравится — кафешки на любой вкус, пиццерия.

— Поехали.

И они направились обратно к платформе.

На перроне им пришлось проторчать ещё минут десять — поезд почему-то задерживался. Марина, кутаясь в шубку и пританцовывая на месте, призналась:

— Начинаю скучать по той локации, где каньон. Помнишь, какая там стояла жарница? И вообще — сейчас, пару дней спустя, вспоминать уже не так страшно. А многие нам позавидовали бы даже, наверно. У нас было настоящее эпичное приключение. А речка чернильная — прям ни в сказке сказать, ни пером описать.

— Пером? — переспросил Артём. — Гм...

— Ну да, обычная присказка. Что тебя удивило?

— Да просто насчёт пера появилась одна инфа...

— Расскажешь? Или опять секрет?

— Расскажу, там и быть. Даже покажу.

Он вытащил смартфон, но яркий послеполуденный свет мешал толком рассмотреть значок на экране. Пока Марина приглядывалась, подошёл-таки поезд. Дверь оказалась прямо напротив них, и они, войдя, устроились на сиденье, спиной к окну.

— Вот, — сказала Марина, — теперь уже лучше видно. Что это за приложение?

— Без понятия. Само загрузилось, а включить не могу.

Сняв перчатку, она коснулась экрана:

— Да, не работает. Но перо красивое, стильное. К нему только чернильницы не хватает, как у старинных писателей.

Уже не впервые за последние дни Артёму почудилось, что он вот-вот поймает за хвост некую ускользящую догадку.

— Да, — повторил он медленно, — у писателей... Перо и чернила...

— Артём, — сказала Марина, — а почему мы одни в вагоне?

Он поднял голову. И действительно — других пассажиров не было. Пустой и гулкий вагон покачивался на рельсах.

— Да, странно, — согласился Артём. — Может, поезд в депо идёт, и посадка запрещена? А мы с тобой прослушали объявление.

— Вряд ли. Никто не объявлял ничего...

Поезд влетел в тоннель. Лампы почему-то не загорелись, и навалилась тьма, непроницаемо-чёрная. Марина сдавленно ойкнула и прижалась к Артёму.

— Не бойся, — сказал он. — Едем — и ладно, можно без света. Скоро следующая станция.

— Мне кажется, — прошептала она, — там кто-то прячется в темноте...

— Перестань, что за детский сад...

В дальнем конце вагона раздался явственный скрип — не металлический, а другой, совершенно здесь неуместный. Мелькнула мысль — так могло бы скрипнуть старое дерево под порывом сильного ветра. Или весло в ключине...

А миг спустя, словно в подтверждение нелепой догадки, послышался плеск волны, размеренный и негромкий.

Артём, опомнившись, включил фонарик на телефоне.

В призрачно-белом свете прорисовался человеческий силуэт, который стоял в проходе, метрах в пяти от них. Человек был одет неброско, но несколько архаично, как всадник из реалистичного фэнтези — стёганая короткая куртка, грубые штаны, сапоги. А в ухе у него блеснула золотая серьга.

Он приближался — молча, неторопливо.

Это было словно во сне, в тягучем ночном кошмаре.

Но, к сожалению, всё-таки наяву.

— Ушкуйник? — Артём поднялся навстречу. — Как ты сюда попал?

— Не надо фамильярности, — ровно ответил тот. — Я ведь объяснил — в быту называйте меня магистром.

— Да хоть генсеком. Что тебе надо?

— Свои требования я изложил ещё в прошлый раз. Они неизменны, мне нужно ваше содействие. Но поскольку

предыдущее моё предложение вы отвергли, я вынужден прибегнуть к более убедительным доводам.

Приподняв руку, колдун сжал пальцы, будто пытался раздавить что-то в кулаке. Это, похоже, стоило ему изрядных усилий — лицо на миг исказилось от напряжения, он хрипло вздохнул.

— Пытаешься колдовать? — поинтересовался Артём. — А вот хрен тебе. Здесь реал, а не сказка, если ты не заметил.

Ушкуйник прикрыл глаза — переживал, казалось, приступ головокружения. А потом вдруг прыгнул вперёд — и его кулак врезался Артёму в грудь. Удар был страшен, словно вместо руки колдун отрастил кувалду.

Артём отлетел на несколько метров, упал навзничь между рядами пустых сидений. Воздух вышибло из груди, от боли помутилось сознание. Сквозь вязкую пелену донёсся отчаянный крик Марины.

Она вскочила, чтобы помочь Артёму, но Ушкуйник схватил её за плечо:

— Тише, барышня, тише. Вы пойдёте со мной — и чем меньше будете трепыхаться, тем лучше будет для вас...

А вы, молодой человек, были в чём-то правы. Мы пока трудно пользоваться здесь магией. Но это временно, вы ведь помните — новолуние близко.

Смартфон, упав на пол, не разбился, но светил теперь вертикально вверх. Ушкуйника и плачущую Марину почти поглотила темень. Артём попытался встать, держась за пластиковую стойку возле двери. Получилось не очень.

— Мне пора, — обратился к нему колдун. — Как вы уже поняли, девицу я забираю. Будет ли она жить, зависит теперь от вас.

— Скотина... — сказал Артём. — Я тебя найду...

— На это я и рассчитываю. В день новой луны я жду вас на дороге в каньон, когда сядет солнце. Первый верстовой столб, если ехать со стороны Тень-города. Разумеется, вы должны быть один. В противном случае — понимаете сами. Я не любитель пустых угроз.

— Мне отрубили доступ в игру...

— Я думаю, вы решите эту проблему.

Поезд продолжал нестись по тоннелю. Следующая станция всё никак не показывалась, как будто перегон удлинился на многие километры.

Ушкуйник повернулся к Марине:

— Сударыня, от вас тоже потребуется кое-какая помощь. Ничего запредельного, не волнуйтесь. Потерпите секунду.

Он вытащил кинжал. Она закричала, но колдун не обратил внимания и полоснул её лезвием по ладони. После чего потащил Марину в дальний конец вагона. Артём всё-таки поднялся и, подобрав телефон-фонарик, заковылял следом — ему казалось, что он бредёт по речному дну, сквозь неподатливую толщу воды.

Ушкуйник, дёрнув Марину за руку, приложил её окровавленную ладонь к стеклу на торцевой стенке. Стекло сверкнуло, как линза на телескопе, поймавшая серебряный свет луны. Два человеческих силуэта отчётливо проступили на этом фоне — а в следующий миг исчезли.

Колдун увёл свою пленницу.

Вагон же начал преобразоваться — теперь он напоминал придонный пейзаж. Петли на поручнях удлинились и потемнели. Они колыхались в призрачно-белом свете смартфона, как водоросли в воде, и загораживали проход.

Артём вдруг ощутил ледяное жжение в районе сердца.

Сунул руку во внутренний карман куртки...

...и нащупал рукоять плети.

Припомнил — да, он, кажется, сунул её зачем-то в карман, выходя из дома. А потом она словно затаилась, дожидаясь своего часа.

Теперь он снова достал её.

Синеватая вспышка рассекла полутьму.

Дёрнулись ленты водорослей, теряя ошмётки.

Артём двинулся вперёд. Теперь это стало проще — возникло невидимое течение, которое подталкивало его, постепенно усиливаясь. Плеть хлестала, кромсая чёрные заросли. О том, что прежде здесь был вагон, уже ничего не напоминало. Пол превратился в вязкое дно, сиденья — в продолговатые валуны, покрытие илом. Вместо потолка серебрилась зыбкая речная поверхность.

Время размылось, ум отключился — остался только инстинкт, который толкал туда, к мерцающей линзе, в которую втягивалась река. Шаг, другой, третий — всё остальное не имело сейчас значения.

Потом он оказался у цели.

Чиркнул себе плетью по кисти левой руки, между большим и указательным пальцем. Кровь из пореза растеклась по ладони.

Приложив пятерню к стеклу, он задержал дыхание.

Течение взревело и ударило его в спину, швырнуло в стеклянный омут.
Мгновением позже он вывалился из зеркала среди скал.

Он поднялся и огляделся.

Зеркало всё так же стояло, перегородив реку. Вода втекала в него с одной стороны — но не вытекала с другой. Туда, на «сухую» сторону и выпал сейчас Артём. Из морозной Москвы — в удрушающий зной, накрывший Каньон Клыкков.

Из реала — в игру.

Без помощи техники.

В обычной зимней одежде...

— Марина! — крикнул Артём. — Ты где?

И тут же сообразил — ответа не будет.

Солнце уже садилось, хотя должно было висеть высоко, если брать московское время. То есть почти полдня куда-то пропало — побочный эффект, судя по всему, при магическом переходе. А за это время колдун успел увести девчонку.

Урод.

Ну ладно, ещё посмотрим, чьё кунг-фу круче...

Почувствовав, как пот стекает за воротник, Артём снял куртку и свитер. Закатал рукава рубахи. Окинул себя критическим взглядом — ну, пожалуй, сгодится. Джинсы — нейтрально-серые, рубашка — однотонная, тёмная. Ботинки обычные. Не средневековый рыцарь, конечно, но и не клоун по местным меркам. Издали сойдёт за мастерового. Тем более что в игре никто не стремится к исторической достоверности. Девушки, например, разгуливают в штанах или мини-платях...

Он обмотал кровотокающую ладонь носовым платком. Куртку и свитер спрятал между камнями, сунул за пояс плеть и побрёл по пересохшему руслу.

Вскоре он сделал фундаментальное, но раздражающее открытие — пешком дольше, чем верхом. Значительно дольше.

К выходу из каньона он доковылял через час, когда опустилась ночь. Мучила жажда, гудели ноги. Он сел на гладкий валун и, тяжело дыша, прикинул, сколько ещё до города. Километров, кажется, десять? Блин, так и сдохнуть можно...

Лунный серп в небе истончился донельзя, дорога едва виднелась. А ночное зрение в этом теле не предусматривалось природой.

Артём вытащил смартфон, проверил уровень заряда — двадцать процентов. Да, маловато. Если использовать как фонарик, то надолго не хватит...

Послышался стук копыт.

Артём обернулся. К нему приблизились трое всадников — они ехали не из глубины скального массива, а вдоль края, с востока. Мрак мешал рассмотреть их толком. Сами они, однако, ориентировались свободно — у них-то магические примочки вроде «кошачьего глаза» никуда не пропали.

Он быстро прикинул — вряд ли это люди Ушкуйника, иначе ждали бы возле зеркала. К тому же колдун и так уже обзавёлся рычагом давления на Артёма, когда похитил Марину и предъявил ультиматум. Значит, эти трое здесь — случайные встречные. Но, конечно, не безобидные экскурсанты, а серьёзные парни. Охотники на монстров, к примеру. Теоретически, они могут помочь. Или, наоборот, сочтут одинокого безлошадного путника подходящей добычей...

Нужен был нестандартный ход.

Включив фонарик на телефоне, он посветил на них, и стали видны подробности. Всадники были в лёгкий доспехах. Один держал наготове лук, стрела лежала на тетиве. Его спутники тоже были настороже — положили ладони на рукояти мечей.

Увидев телефон, они замерли от когнитивного диссонанса.

— Приветствую, парни, — сказал Артём. — Я из Птичьего Ордена, тестировщик. У нас тут небольшой глюк так что не удивляйтесь. Реальный облик спроецировался в игру. Вы же вспомнили, что мы виртуале, да?

— Охренеть — не встать, — сказал лучник, пряча стрелу в колчан. — Такого я точно ещё не видел. Скриншот... А, блин, стоп, тут же ни хрена не работает...

— Да, — подтвердил Артём, — возникли помехи. Небольшая локальная аномалия. Сейчас здесь задействован только авторизованный персонал. А вы, кстати, как попали в эти места?

— Мимо проезжали. И чё-то я не припомню, чтобы был официальный запрет. Или хотя бы оповещение.

— Ну вот, считайте, что я вас оповестил. И мне потребуется ваше содействие. Нужен один из ваших коней. Не навсегда, конечно, только на время. Администрация компенсирует неудобства, даст бонусные баллы...

— Не понял. Я тебе отдаю коня, а сам пешком иду, что ли?

— Через пару километров отсюда интерфейс опять заработает. Ты сможешь уйти в реал, а я потом попрошу коллег, чтобы тебе начислили бонус. У меня есть выход на сотрудников Ордена с нужными полномочиями...

Всадник, который прежде молчал и держался чуть позади, сказал лучнику:

— Слышь, Илюха, тут какой-то развод. Этот чел нам втирает, что он пернатый, но мы даже ник не знаем.

Читер, по ходу.

— Напомню, — сказал Артём, — что здесь у нас аномалия. Я не смог бы показать ник, даже если бы захотел. Но сами посудите — если бы я был просто мошенником, то откуда взялся бы телефон? Система не пропускает в игру такие предметы-анахронизмы.

— Вот я и говорю — чит, — констатировал недоверчивый. — Или тупо магическая иллюзия. А ну, дай гляну трубу.

— Я ведь и так показываю. Вот фонарик, а вот экран...

— В руки дай. Я чё тебе — лох?

— Не хочу конфликта. Но дело срочное, нужна помощь...

— Ты чё, не въехал? Трубу гони!

Артём отступил на шаг:

— Опомнитесь, парни. Мы в мире фэнтези, а вы пытаетесь отжать телефон. Привычки из реала проснулись?

Всадник выхватил меч из ножен и бросил коня вперёд.

Замахнулся — блеснула гладкая сталь.

Артём, утративший навыки Снегиря, не успел бы отбить удар. Но плеть, за которую он схватился, будто предугадала его желание — взметнулась вверх, навстречу клинку. Сверкнула синяя вспышка.

Меч отлетел на несколько метров в сторону. Его хозяин вскрикнул от боли, тряся пострадавшей кистью. Лучник тем временем уже натягивал тетиву. Артём рефлекторно отдёргнул голову — стрела взвизгнула над ухом, царапнув кожу.

Плеть, прочертив дугу, раскромсала лук.

Третий всадник обнажил меч, но чужие кони ему мешали — загораживали дорогу. Тогда он спрыгнул и, обогнув препятствие, бросился на Артёма. Замах был страшен — останься Артём на месте, ему снесло бы башку. Но за миг до этого плеть хлестнула мечника по плечу — вспорола доспех и плоть, достав почти до кости. Раненый взвыл от боли.

Лучник тоже выпрыгнул из седла — теперь с кинжалом в руке. Краем глаза заметив это, Артём отскочил к обочине. Развернулся и проорал:

— Стоять!

Плеть в его руке хищно дёрнулась. Лучник замер, понимая, что не успеет.

Артём тяжело дышал, кровь стучала в висках, адреналин зашкаливал. Накатило паническое, хоть и запоздалое осознание — он только что чуть не сдох. Буквально и без всяких условностей.

Попади стрела в голову, он не очнулся бы в коконе.

Он остался бы лежать здесь, возле этих скал.

Да, остался бы. Мёртвый.

Если бы не колдовская плеть, улавливавшая мысли... Наверно, всё дело в том, что она пропитана его кровью... Магическая привязка...

Если бы не она...

— Так, — прохрипел Артём, — ладно... Вы трое — мордами в землю...

— Слышь, мужик, — сказал тот, который требовал телефон, — давай порешаем. Мы ж реально не знали. Думали, ты звездишь...

— Рот закрой. Откуда вы, отморозки, только берётесь? Вы убить пытались, а не просто ограбить... Как только поняли, что здесь не ведётся запись, крышу у вас снесло...

— Ну и чё ты паришься? Вылетел бы в реал, потом подключился бы заново. Как два пальца, если ты правда техник.

— Вы думали, что убиваете меня понарошку. Пусть так. Но вам, блин, не приходило в голову, что стрела в глаз — это не по-людски в любом случае? Что у меня как минимум будет болевой шок?

Мечник пожал плечами. Он и Артём таращились друг на друга, как представители двух инопланетных рас при первом контакте.

— Короче, дядя, — вмешался лучник, — расклад такой. Как только интерфейс заработает, я кину репорт, что ты пытался нас развести на бабки. Ну, в смысле, хотел забрать у нас средство передвижения. Я на юридическом учусь, если чё, сделаю всё красиво. Твоё слово против нашего...

Плеть подсекла ему ноги, и лучник грохнулся в пыль. Двум остальным Артём, с трудом сдерживаясь, сказал:

— Лицом вниз, последний раз повторяю. Иначе — хана всем вашим аккаунтам. Думаете, блефую? Окей, проверим. Стандартный интерфейс не работает, это да, но зато есть... гм... аварийный.

Он шевельнул плетью, и та впилась лучнику в запястье. На этот раз сдeditь информацию из реала удалось почти без усилий. И даже без причинения боли — противник лишь коротко матюкнулся. Видимо, Артём уже приобрёл сноровку — или, оставшись без техподдержки, резко прибавил в магии, почти как *залипшие*.

— Ну что же, — сказал Артём. — Слушай сюда, Илюша, пятикурсник-юрист с Кутузовского проспекта. Бан тебе на неделю. Ограничимся пока этим — не до тебя сейчас. Можешь кинуть репорт, конечно, если считаешь, что у меня не найдётся убедительных возражений. Рискни. Твой выбор.

Сверкнула синяя вспышка, и лучника выбросило в реал. С двумя остальными Артём провёл ту же самую процедуру, сказав напутственные слова. После чего взобрался на лошадь и поехал к Тень-городу. Смартфон пока отключил, чтобы не разряжался аккумулятор.

Поездка не доставила удовольствия. Теперь, когда ощущения больше не отфильтровывались, реалистичность выматывала всерьёз. В седле было неудобно, оно натирало задницу и внутреннюю сторону бёдер. А сама лошадь потела нагло и беззастенчиво.

Кое-как он всё же добрался. Миновал ворота, и над ним всколыхнулось серо-серебристое марево, нависшее, словно туча. В горле запершило, зачесались глаза, как от приступа аллергии. Голова налилась болезненной тяжестью. Прежде Артём такого не чувствовал, хоть и знал, что марево, согласно сценарию, аккумулирует остаточную магическую энергию, связанную с отрицательными эмоциями. Небо коптится от человеческой злости...

Он подъехал к особняку Звезды.

Мажордом заикнулся было, что у хозяйки уже есть посетители, но Артём продемонстрировал плетью и прошёл в гостиную. Там с владелицей дома беседовала юная дама в стильном костюме для верховой езды.

— Прошу прощения, — сказал Артём, — чрезвычайные обстоятельства. Технический перерыв. Администрация игры сожалеет о доставленных неудобствах.

Гостыя тихонько охнула и выскочила за дверь. Звезда спросила обеспокоенно:

— Что случилось, Артём? Почему ты в таком виде? И кровь...

— Долгая история. Магия проникает в реал и наоборот. Мне надо разобраться с одним ублюдком, он похитил мою подругу. Ушкуйник — не приходилось слышать?

— Нет.

— Ладно. Сразу, кстати, скажу — я больше не в Ордене, меня выгнали. Я здесь фактически нелегально, могу тебя серьёзно подставить...

— Хватит, — сказала она спокойно, — не теряй время. Дай я обработаю рану, а ты расскажешь, чем я могу помочь.

Он содрал повязку с руки, и Звезда залила порез жгучим целебным зельем.

— Спасибо, — кивнул Артём. — Мне, во-первых, нужны игровые деньги, чтобы купить магические приبلуды...

— Конечно. Из сейфа сейчас возьму. Что ещё?

— Ещё — информация. Сегодня была подозрительная движуха? Связанная с каньоном и новолунием, я имею в виду? Может, слухи какие-нибудь?

— Тут, к сожалению, вряд ли буду полезна. Я в игру зашла всего полчаса назад, а до этого весь день была там, в настоящей жизни. Утром внуки пришли проведать, потом ходила голосовать...

— погоди! Голосование же в воскресенье, девятнадцатого, а сегодня суббота?

Она взглянула на него удивлённо:

— Суббота была вчера, Артём. Ты запутался.

— Блин! Значит, не полдня пропало, а полтора, пока я перемещался... Побочная хрень какая-то... А может, Ушкуйник, сволочь, что-то наколдовал, чтобы замедлился переход...

— Прости, не понимаю, о чём ты.

— Ладно, не суть... Надеюсь, управлюсь до новолуния — два дня в запасе... Надо найти этого ушлёпка...

— Артём, — сказала Звезда, — ты еле на ногах держишься. Присядь на пару минут. Я принесу деньги, а заодно — ещё один эликсир, он укрепляет силы... И, пожалуйста, не спорь со старшими!

— Ладно...

Она вышла из гостиной, а он опустил в кресло. Хозяйка была права, допинг не помешал бы — самочувствие ухудшалось с каждой минутой. Магический прыжок из реала истощил все резервы бодрости, глаза сами собой закрывались.

— Артём, ты спишь?

— А? Нет-нет, Звезда, всё нормально.

— Вот, выпей.

Откупорив флакон из фиолетового стекла, он залил в себя содержимое. Вкус был престранный — словно горчица с сахаром.

— Подействует примерно через минуту, — сообщила Звезда. — Пока не вставай. А это — на закуску тебе.

Она дала ему бутерброд с бужениной, огромный и восхитительно пахнущий. Увидев его, Артём и вправду почувствовал зверский голод. Впился зубами в мясо, едва не рыча от жадности. Сказал с набитым ртом:

— Вещь... Спасибо тебе ещё раз...

— Что дальше-то собираешься делать?

— Придётся импровизировать, ориентироваться по ходу... Без понятия, что здесь будет, но явно — какой-то масштабный кипеш... Игра меняется...

— Не только игра. Снаружи тоже что-то такое чувствуется, прямо витает в воздухе. На участке, где я голосовала, все были возбуждённые...

— Кто, кстати, на выборах победил? Известно уже?

— Официально — нет, голоса считают. Но вечером, когда участки закрылись, объявили данные этих... Как их там называют на современный лад...

— Экзит-поллы?

— Да. Говорят, что победил Громов с большим отрывом. Чуть ли не восемьдесят процентов набрал. Второго тура не будет.

— Ну, может, оно и к лучшему. Кирьянов реально достал уже, да ещё и с Джей-Кью-Эйт задружился...

Звезда хотела что-то ответить, но вдруг застыла на месте, уставившись в пустоту, куда-то мимо Артёма. Её зрачки чуть заметно двигались. Он сообразил, что она читает системное сообщение.

— Что там? — спросил Артём. — Мне недоступно, интерфейс не работает.

— Похоже, тот самый кипеш, пользуясь твоим выражением... Да, выглядит серьёзно... Если в двух словах, то администрация официально уведомляет, что игра сменила владельца, и запускает масштабное обновление. Первым пунктом программы идёт, цитирую, «эпический гримдарк-рейд со стопроцентной реалистичностью»...

— Дай угадаю — в Каньон Клыкков?

— Да. Подробности обещают сегодня в полночь, с соблюдением всех игровых условностей. Глашатай будет на главной площади в каждом городе... А пока только тизер — что-то про тайны древней вымершей расы, которые теперь приоткроются... И скриншот с мегалитом...

— Гм... Одиночные мегалиты, которые в долине разбросаны? Между городом и каньоном? Вообще-то да, был такой сценарий в загашнике... И код для него писался... А теперь, значит, решили задействовать... Неплохой вариант, если надо что-то слепить на скорую руку, чтобы народ пошёл валом. Вот сукин кот...

— Снова перестаю тебя понимать.

— Ушкуйнику нужна бойня возле каньона, поэтому он пытался организовать туда рейд. Бакенщик ему помешал. Но теперь у Ушкуйника прямой выход на разработку игры через Джей-Кью-Эйт... Такую движуху Бакенщик уже не сорвёт... Короче, надо ехать на площадь и слушать, что там и как. Тебя с собой не зову, прости. Лучше, если тебя не увидят в моей компании.

Она улыбнулась:

— Я уже не в том возрасте, чтобы бояться по пустякам. Но на площадь действительно не поеду — устала. Хватит с меня сегодня публичных мероприятий. Надеюсь, Артём, что всё у тебя получится.

— Ты очень мне помогла, Звезда.

Он спустился с крыльца и сел на коня. В последний раз оглянулся на звёздное цветение сирени и направился к центру города. В ущельях улиц таилась знобкая затхлость, и он пожалел, что оставил куртку в каньоне.

Город не спал. Из домов выходили люди, переглядывались, взмахивали руками, втолковывая что-то друг другу. А площадь там, впереди, уже гудела в нервно-радостном предвкушении.

Он свернул, сделал крюк, проехал задворками. Приблизился к площади по проулку, отмеченному лишь на служебных картах. Там работали чары отвода глаз, и Артём проскочил бы мимо, если бы заранее не знал место.

До полуночи оставалась минута; стрелки на циферблате, украшавшем городскую управу, готовы были сойтись. Глашатай уже стоял на помосте — мрачный тип в капюшоне. Магический шар висел над толпой, источая зеленовато-белый, мертвенный свет. Отблески ложились на тучу, накрывавшую город, и на лица людей.

Артём наблюдал, не покидая проулок.

Часы пробили, и глашатай заговорил.

— Слушайте все, кто готов услышать, — разнёсся голос над площадью. — Соберитесь с духом и приготовьтесь. Ваша жизнь изменится очень скоро. Древнее запретное знание, тысячи лет хранившееся под спудом, возвращается в мир. Некогда оно было собрано могущественной расой Ушедших — и таит в себе силу, которую трудно вообразить. Эта сила может стать вашей. Но не рассчитывайте, что будет легко!

Артём подумал — да, сценарная группа особо не заморачивалась, всё по стандарту. Древняя хтонь проснулась, почесалась и прёт наружу. Впрочем, сценаристов можно понять, им дали отмашку — буквально за день оформить изгиб сюжета. Тут не до оригинальности. Повезло ещё, что чисто технически всё готовилось загодя...

Или там, у реки, будет не столько программный код, сколько реальная магия от Ушкуйника? Бредово звучит, но сейчас уже ничему нельзя удивляться...

— Сила — для сильных, — отчеканил глашатай. — Если вас наполняет робость и одолевают сомнения, то оставайтесь дома. Если вы не готовы к схватке — ложитесь спать. Древнее знание не для вас. Но коль скоро вы готовы рискнуть — седлайте коней!

«Манипуляторы хреновы», — подумал Артём. Теперь любой малолетний долбоклюй-геймер попрётся в рейд, чтобы не прослыть лохом. Давешний «птицелов», например, который получил кокон на совершеннолетие. Осталось только вернуть, что администрация, мол, не несёт ответственности, а участники рейда — сами себе злобные буратины...

— Да, вы можете умереть! — гаркнул человек на помосте. — Да, вы столкнётесь с тем, что вселяет ужас. Но это — только ваш выбор и только ваше решение. Я же — не более чем голос истории, творить которую должны вы!

Он сделал паузу, обвёл толпу взглядом и снова заговорил — чуть тише, но всё так же отчётливо. Эхо разносилось по переулкам:

— Думайте до рассвета. Как только выглянет солнце, в долине проснутся древние камни. Знание, заключенное в них, просочится в землю — и, подобно ручьям, напитает речное русло к западу от Каньона Клыков. Высохшая река оживёт, и кристаллы силы осядут на дне, у скал. Что ж, добудьте это богатство! Но помните — его стерегут чудовища. Они преградят вам путь. Повернёте назад? Или рискнёте жизнью? Не знаю, чем кончится эта схватка. Лишь одно мне известно — у вас есть время с рассвета и до заката. Когда снова наступит ночь, сила в реке иссякнет. Помните об этом. Теперь всё зависит только от вас. Дерзайте.

Шар-светильник над площадью ослепительно полыхнул. Артём непроизвольно зажмурился, а когда снова открыл глаза, глашатай уже исчез. Магический прожектор тоже погас; теперь площадь освещалась лишь обычными фонарями, стоящими по периметру.

Несколько мгновений толпа молчала, а потом вдруг взревела, как по команде. Все загалдели разом, наперебой. Артём пожалел, что не может наколдовать звуконепроницаемый полог.

И тут же почувствовал движение за спиной. Обернулся, выхватив плеть, и упёрся взглядом в бритого крепыша лет двадцати пяти, тоже конного. Тот ухмыльнулся и небрежным движением установил полог тишины, о котором мечтал Артём. Гул толпы будто отдалился и стал похож на неясный шорох прибора.

— Спокуха! — сказал крепыш. — Все свои.

Он подъехал ближе, остановился бок о бок.

— Блин, Грач, — пробурчал Артём, пряча плеть, — какого хрена подкрадываешься?

— Я не подкрадывался, а культурно подъехал. Вижу — какой-то чел непонятный в служебной зоне, ну и решил проверить. В следующий раз не щёлкай клювом, коллега. И вообще, я не понял — как ты в игру пролез? И чё за прикид?

— Я вроде как нелегальный мигрант. Не стуканёшь, надеюсь?

— Не бзди. Ты ж меня прикрывал когда-то.

— Слушай, Грач, хорошо, что встретились. Нужна помощь. Вызови интерфейс и глянь, пожалуйста, где сейчас одна геймерша? Мау-Рина, через дефис.

— А ты, смотрю, даром времени не теряешь. Красавчик, чё. Погоди, щас гляну.

Он застыл на пару секунд, перебирая данные, после чего качнул головой:

— В базе такая есть, но сейчас офлайн. Не подключалась уже три дня. Так что расслабься, бро, не обломится тебе ни фига.

— Вот блин... Хотя, конечно, что-то такое и я предполагал... Она же не через кокон зашла, её этот гад втащил через зеркало...

— Ты о чём вообще?

— Понимаю, трудно поверить, но... Грач, ответь, пожалуйста, ещё на один вопрос. Поделись инсайдом про этот рейд. Что вам про него говорят? Официальную версию я услышал. А неофициальная как звучит?

— Ну, в принципе, почти так же. Новый шеф нам задвинул речь, что нужен серьёзный движ. Игра, типа, застоялась, надо её встряхнуть. И сделать более жёсткой — пока, правда, только в некоторых локациях. Скалы и их окрестности — это, мол, испытательный полигон. Центр каньона сейчас закрыт, фиг пройдёшь. Официально не объявлялось, чтоб народ не грузить, но там какая-то отпугивающая хрень. И вдоль реки запретная зона. Вода уже потекла, но пока в тестовом режиме. А с утра уже появится на всех картах, будет впадать в каньон...

— То есть ты, например, не в курсе, что в скалах спрятано зеркало охрнительного размера? И что река втекает прямо в него?

— Не понял?

— Смотри, короче. Ситуация следующая. Завтрашний рейд — это провокация колдуна по кличке Ушкуйник. Ему надо, чтобы река напиталась кровью и донесла эту кровь до зеркала. Так он готовится к ритуалу, который запланирован в новолуние. В чём заключается ритуал, я пока не знаю, но зеркало — это что-то вроде портала. Ушкуйник может ходить в реал и обратно, не используя кокон. И он взял Марину в заложники...

Грач посмотрел с некоторой завистью:

— Офигеть, Снегирь, тебя выпырило. Где такую траву берёшь? Забористая штука, вопросов нет. Ну, теперь хоть понятно, почему ты так выглядишь. Если заходишь в игру через чит-канал, да ещё обдолбанный, то эффекты — хоть стой, хоть падай.

— Я не обдолбанный, — возразил Артём, сдержав раздражение. — Сам можешь сгонять в каньон и увидете зеркало...

Пока они говорили, толпа на площади раскогегарилась не на шутку. Отдельные выкрики прорывались даже сквозь полог. Людская масса бурлила и колыхалась. Артём не уловил, что послужило поводом, но до драки, похоже, было недалеко.

Задиристый мужичок, топтавшийся с краю, проорал что-то в лицо амбалу-ватажнику. Тот взъярился в ответ и двинул обидчику по сопатке. Мужика этим ударом снесло, как чучело из соломы. Спиной вперёд он влетел в проулок и шлёпнулся на землю. Кряхтя и матюкаясь, поднялся — и только тогда заметил Грача с Артёмом.

— Оп-па, — сказал мужик, — кто это у нас тут? И коридорчик я чё-то не припомню...

— Птичий Орден, — сообщил Грач. — Вернись на площадь, земляк.

— Фиг ли ты мне указываешь? Мне, может, пройти надо...

— Индивидуальный кокон эр-эс восемьсот тринадцать дробь шестьдесят, тарифный класс «минимальный».

Вы ошибочно оказались в служебной зоне. Покиньте её немедленно во избежание штрафных санкций.

— А чё ты сразу на тариф давишь? Минимальный — и чё теперь? Я не мажор, мля, пашу с утра и до ночи, из офиса не вылазю. После работы хочу расслабиться, а тут меня полицей пернатый макает мордой в говно... И чё ты на меня вылупился? Я же сказал — хочу тут пройти! С дороги свали!

Он дёрнулся вперёд, но Грач приставил к его горлу копьё и процедил:

— Разговор фиксируется. Рассматриваю ваши действия как агрессию. Повторяю в последний раз — покиньте эту микро-локацию и вернитесь на площадь. В противном случае...

— А давай! — заорал мужик. — Воткни свою железяку! Думаешь, зассу? Хрен тебе!

Он схватился за нож, который висел у него на поясе. Наконечник копья, касавшийся его шеи, сверкнул багрянцем, будто раскалился в огне. Артём, понимая, что это значит, выкрикнул:

— Стоп! Грач, хватит! А тебе, мужик, вот...

Нашарив в кошеле золотой червонец, Артём сунул его задире:

— Бери, только слиняй отсюда. Пожалуйста.

Тот постоял несколько секунд, косясь недоверчиво, потом хмыкнул, сцапал монету и попятился обратно на площадь. Грач поинтересовался:

— Снегирь, ты вообще дебил? Ещё бы в анус его поцеловал на прощание.

— У тебя копьё раскалилось. Ты был готов убить...

— Алё! У нас тут просто игра. И этот упырь не сдох бы, а проснулся бы в коконе.

— Но ощущения, Грач! Представь — копьё входит в горло... Пробивает там всё насквозь, доходит до позвоночника... Хрип, кровяца...

— Он был бы сам виноват. Ты видел — я три предупреждения сделал, а он всё равно пёр буром. Такое быдло по-хорошему просто не понимает... И знаешь что? Чисто по старой дружбе — вали-ка тоже в реал. Проспись там, а ещё лучше — капельницу поставь. Глядишь, полегчает. А мне на дороге больше не попадайся.

Грач развернул коня и выехал из проулка. Артём угрюмо посмотрел ему вслед, потом снова взглянул на площадь. Там, к счастью, страсти несколько улеглись. Народ всё ещё шумел, но уже без попыток взаимного мордобоя.

Всё самое важное прозвучало, и оставаться здесь не имело смысла. Артём потянул поводья, чтобы тоже

развернуть лошадь, но его внимание привлекла плотная группа всадников на противоположной стороне площади. Они сворачивали на одну из улиц, уходящую к окраине города, и в их числе был МихНих, десятник Черепов, с которым Снегирь недавно пересекался.

Собираются в рейд? Да уж наверняка.

Следовало с ними об этом поговорить.

Он не стал пробиваться к ним через площадь — это привлекло бы нежелательное внимание. Пришлось снова скакать в объезд. Пешие шарахались в стороны, чтобы не попасть под копыта, и награждали его отборными идиомами. Кто-то запустил в спину огрызком яблока и даже попал.

Артём нагнал Черепов через три квартала. К его досаде, клан-лидера с ними не было. Приходилось работать с теми, кто есть.

— МихНих! — крикнул он. — погоди минуту! Важное дело!

Они приостановились, обернулись насторожённо. Десятник коротко бросил:

— Ну?

— Узнаёшь меня? Птичий Орден, мы на днях говорили.

— Помню. Что надо?

— Выслушайте меня, это очень срочно. Вы ведь утром собираетесь в рейд? Понимаю, повод эпичный, но не ведитесь! Это подстава! Помните, один раз Ушкуйник уже пытался вас сблатовать? Тогда вы его отшили, но и теперь всё это — опять его комбинация...

— Не врубаюсь, — вмешался один из всадников в богатых доспехах, — это чё за бомжара? МихНих, проясни вопрос. Он реально из Ордена? Да ну на...

— МихНих, — продолжал Артём, — разве я в прошлый раз тебя обманул? И сейчас не вру, даю слово. Все эти кристаллы знаний на речном дне — фейк и полная лажа! Ну, то есть какие-то плюшки там наверняка будут, разрабы подсуеются... Мы, кстати, сейчас находимся в виртуале, если вы до сих пор не вспомнили... Но главный смысл рейда — устроить бойню, чтобы кровь пошла в реку! На вас натравят всех монстров, причём в режиме запредельной реалистичности...

— Слушай, дядя, — сказал скептик в доспехах, — ты прямо сундук со сказками. Но у меня к тебе два вопроса. Первый — чисто из интереса. Квасишь давно? Белочке, если чё, привет. А второй вопрос — совсем простенький. Если ты из Ордена, где твой ник? Где козырная ксива?

Артём мысленно послал его лесом, а вслух сказал:

— Ситуация экстренная, поэтому ксиву я предъявить не могу, ты прав. Но МихНих меня знает, он подтвердил...

— МихНих — десятник в моей сотне. Решаю я. И меня твой бред впечатлил чуть менее, чем никак. Так что базар окончен. Гуляй.

— Могу доказать свою компетентность магией. У меня она уникальная, такой нет ни у кого из вас...

Говоря это, он потянулся к плети, но двое парней из клана тут же вскинули луки. Стрелы с раскалёнными наконечниками нацелились на Артёма.

— Дёрнешься — сдохнешь, — предупредил сотник. — Теперь запоминай инструкцию. Стоишь на месте, даже не дышишь, пока ребята не разрешат. Дальше — шёл вон. Вдуплил? Не слышу ответа.

— Да, — сказал Артём. — Всё понятно.

Сотник развернулся и пустил коня рысью, МихНих двинулся следом. Пока они не скрылись из виду, Артём был на прицеле у лучников. Прохожие огибали эту скульптурную композицию, жались к стенам домов.

Потом лучники уехали тоже.

Артём направился к ближайшему перекрёстку. Подумал — да, офигительно прошла миссия. Всех поразил своим красноречием, привёл убедительные аргументы. Теперь-то всё будет зашибись...

Он подъехал к лавке Варёного, который несколько дней назад снабжал его сплетнями, но дверь была заперта. Впрочем, неудивительно — стояла уже глубокая ночь. Да и вообще, не факт, что хозяин находился в игре. Всё-таки выходные закончились, и нормальных людей ждала работа в реале.

В течение следующих часов Артём метался по городу. Пообщался с тремя давними информаторами из местных ватажников и с одним полулегальным торговцем. Особого пользы это не принесло — про Ушкуйника они слышали, но без конкретных деталей.

Успехи пока сводились к тому, что Артём прикупил по сходной цене кое-какой магический инвентарь. Была надежда, что это повысил шансы в драке с Ушкуйником. Но сначала этого гада требовалось найти.

На исходе ночи Артём снял комнатку на убогом постоялом дворе. Бытовые удобства пребывали там на вполне средневековом уровне, но один анахронизм всё-таки отыскался — на стенке висело зеркало. А именно оно и требовалось сейчас для эксперимента.

Когда рассвело, Артём сделал ножом надрез на руке и, взяв кружку с водой, нацедил туда своей крови.

Заживил порез при помощи жгучей знахарской мази, чтобы не отвлекал. Сосредоточился, вспоминая, как в первый раз выследил Ушкуйника, прятавшегося где-то на побережье.

И выплеснул всё из кружки на зеркало.

Жидкость угрожающе зашипела, впитываясь в стекло. Артём намотал плеть на руку и коснулся отражения кнутовищем. Попытался во всех подробностях представить лицо Марины. Где колдун её держит? Надо выяснить как можно скорее...

Зеркало взбугрилось, его покрыли стеклянные волдыри. Артём почувствовал затхлый ветер в лицо — или, точнее, невидимое течение, словно всколыхнулась вода в заилившемся старом пруду.

Плеть тускло засветилась, руку обожгло холодом.

Заломило в висках, но Артём усилил ментальный натиск.

Давай, Марина...

Откликнись...

Подскажи, в какой заводи тебя прячут...

Зеркальное стекло лопнуло с тихим треском, зазвенели осколки.

Магическая связь прервалась, поиск не принёс результата. Видимо, Ушкуйник подстраховался, поставил дополнительный блок.

Артём в сердцах пнул ботинком по деревянной стене.

Нет, он понимал, конечно, что шансы были невелики, но всё же...

Теперь придётся как-то иначе...

Сеанс, даже неудавшийся, отнял много сил. Кружилась голова, ноги стали ватными. Он выпил восстанавливающее зелье и, дожидаясь, пока оно начнёт действовать, лёг на лавку. Спросил себя — и что дальше?

Да, он, Артём, имеет в своём распоряжении магию. Но пользуется ею фактически наугад, методом ненаучного тыка. Ведь прежние манипуляции с интерфейсом — это совсем не то, что необходимо сейчас.

А если быть совсем честным, он до сих пор подсознательно отвергает всё это колдовство, хоть и убеждает себя, что оно реально...

Он встал, подошёл к окну.

Комнатёнка располагалась на втором этаже. Вид из неё открывался так себе — узкая мощёная улица и закрытые ставни в доме напротив. По улице как раз проезжали всадники в стальных кольчугах и при оружии — вереницей, след в след.

— Парни, — буркнул один из них, — давайте быстрее. А то из этой речки всё выгребут, пока мы туда доедем. Стопудово там Черепа уже гасятся не по-детски...

— Пусть гасятся, — ответил напарник. — Может, монстров чуть проредят на подступах. Не гунди.

Что возразил на это нетерпеливый, осталось уже за кадром — маленький отряд удалился. Артём хотел отойти от окна, но тут из-за угла выехал ещё один верховой, по виду — степняк. Он поднял взгляд, и в его глазах блеснули жёлтые искры.

— Доброе утро, — сказал он вежливо. — Можем поговорить?

— Как вы уже поняли, — продолжил степняк, — я тот, кого называют Бакенщиком. Буду благодарен, если вы уделите мне несколько минут. Возможно, вы сочтёте полезным то, что я могу сообщить. Даю слово, что не причиню вам вреда.

Сейчас его речь, да и вообще манера держаться была совсем не такой, как в предыдущую встречу, возле ведьминой башни. Он прекратил балагурить, интонация стала вежливо-ровной. И за это Артём был ему благодарен — ситуация не располагала к шуткам и прибауткам.

— Хорошо, поднимайтесь.

Через минуту гость постучал в дверь комнаты. Оружия при нём не было — лишь холщовая торба. Артём впустил его, указал на табурет у стола, а сам сел на лавку. Плеть держал наготове.

— Давайте сразу перейдём к делу, — предложил Бакенщик, покосившись на разбитое зеркало. — Мы с вами на одной стороне. Я хочу поддержать вас в противостоянии с Ушкуйником. Но, к сожалению, не могу сделать этого напрямую — моя магия специфична и имеет свои законы.

— К чему тогда наша встреча?

— Некоторые подсказки я всё же постараюсь вам дать. Но именно подсказки, а не общую картину происходящего. Дело, повторюсь, не в моей злой воле, а в фундаментальных ограничениях, которые установлены для таких, как я и Ушкуйник.

— Значит, вы с ним и правда коллеги?

— Ну, скажем так, нас интересует одна и та же проблема, но с противоположных сторон. И методы у нас разные. Не только этически, я имею в виду, но и чисто функционально. Его стихия — толпа, моя — индивидуальность. В этом смысле его возможности шире.

— Где он держит Марину?

— Не знаю. Просто не знаю.

— Зачем ему кровь в реке? Ну, то есть я уже понял, что через кровь активируется зеркало-дверь. Но дальше-то что? Он приведёт из игры в реал орду чудовищ с клыками?

Бакенщик улыбнулся грустно и немного сочувственно:

— Я наблюдал за вами, Снегирь, и неплохо вас изучил. Сочинение сказок — ваше ремесло и призвание. Оно помогает вам, но и мешает тоже. Ваша фантазия порой чересчур конкретна и может завести не туда. Это касается и гипотезы, которую вы только что высказали.

— Что это значит?

— Подробнее объяснить не могу, простите. Утыкаюсь в запрет.

— Ушкуйник сказал, что ему сейчас нужен лоцман. И решил, что это должен быть я. Хочет меня заставить...

— Дело в том, — сказал Бакенщик, — что лоцманом может стать только сильный маг. Желательно — один из сильнейших. Сначала я думал — это будет кто-нибудь из *залитших*...

— А, так вот зачем вы дежурили возле башни? Ну, с неделю назад, когда прикидывались трактирщиком?

— Да. Ведьма в башне тогда казалась самой могущественной. Но потом приехали вы, Снегирь, и показали силу Птичьего Ордена. Я решил проследить за вами.

— Следящие чары против меня не работают. Это и Ушкуйник признал.

— Вот как раз-таки в слежке за конкретной персоной я понимаю больше него. Вы же помните, мой конёк — индивидуальность. Вы от меня не скрылись даже там, в зазеркалье, где вас зовут Артёмом.

— Да, я видел вас из трамвая.

— Там был, правда, не столько я сам, сколько мой фантом. А вот Ушкуйник уже способен переходить и в материальном теле... Не вздумайте его недооценить, Снегирь. Пока он сильнее вас — и раза в четыре старше...

— Да ладно? Ему полтора года лет?

Бакенщик развёл руками — против фактов, мол, не попрёшь.

— Н-да, — сказал Артём, — то-то он меня юношей обзывал... Ну, не суть. Как мне с ним разобраться? Как победить?

— Опять-таки — это вы должны понять сами. Лишь в этом случае вы сумеете обернуть ситуацию в свою пользу.

— Слушайте, а вы точно не НПС? С такой туманной многозначительностью только квесты вручать.

— Не вполне понимаю.

— Ладно, забейте. Другой вопрос вам. Серебряное перо — это что за штука?

Чуть подавшись вперёд, Бакенщик впился взглядом в Артёма:

— Почему вы спросили? Что вы знаете про перо?

— Ну, вчера... Хотя нет, позавчера уже... В общем, позвонил один мой коллега. И рассказал, что поползли слухи про некий загадочный артефакт. Который, дескать, кодирует ночные кошмары или типа того.

— Речь не обязательно о кошмарах. Речь о снах вообще — но не в обыденном смысле, а в более широком. Об иллюзорных структурированных картинах, которые создаются людьми — иногда осознанно, а иногда спонтанно.

— Такую формулировку можно применить и к виртуальной игре.

— Да, — кивнул степняк, — можно. В том-то и дело.

— И как работает перо? Спрашиваю на случай, если оно мне вдруг попадётся.

— Это было бы большое везение. Перо — инструмент чрезвычайно редкий. Нужна комбинация многих факторов, чтобы оно попало кому-то в руки. Причём материализуется оно каждый раз по-разному. Каждый владелец приспособливает его под себя. Поэтому, кстати, оно совершенно чуждо Ушкуйнику и его сиюминутным приспешникам. Магия Серебряного пера — нечто заведомо личное, не связанное с устремлениями толпы.

— Ладно, — сказал Артём, — если что, буду разбираться. Хотя без интерфейса мне трудно. Новую магию осваиваю буквально на ощупь. Понимаю, что она часто действует через кровь, но... Недавно одного дурачка чуть не покалечил нечаянно. А сейчас вот пытаюсь выяснить, где Марина, и только силы потратил зря. Ещё и зеркало расфигачил...

Бакенщик с досадой поморщился. Снова посмотрел на осколки, лежащие у стены, и укоризненно заметил:

— Меня удивляют ваши эксперименты. Вы позволяете навязать вам чужую логику, причём довольно отвратную. Зачем вам магия крови?

— Я ведь своими глазами видел — Ушкуйник её использует, например, чтобы пройти через тот зеркальный портал.

— Ушкуйник — да, но вы-то — не он. Или вам нравится такой способ?

— Меня от него мутит, но...

— Вот и думайте. Ищите свой путь.

Они хмуρο уставились друг на друга. Потом Артём сказал:

— Знаете, я услышал уже достаточно общих фраз. Если вы не можете посоветовать мне ничего конкретного, то давайте закончим.

— Совет простой — отдохните. Сегодня вы уже ни на что не сумеете повлиять. Ушкуйник затаился до новолуния, и Марину вам пока не найти. Зато завтра вам понадобятся все внутренние резервы.

Бакенщик развязал свою торбу, достал флакон из мутноватого хрусталя, поставил его на стол. Во флаконе мягко искрилась синяя жидкость. Артём спросил:

— Что это?

— В некотором смысле — снотворное. Оно позволит восстановить физические, а главное — ментальные силы. Очень рекомендую воспользоваться. Вы ведь не хотите прийти на встречу с Ушкуйником в состоянии полного истощения?

Гость встал и шагнул к двери. На пороге обернулся:

— Надеюсь, мы ещё встретимся, как только всё разрешится. И поговорим открыто, без умолчания. А пока — удачи, Снегирь. Она вам несомненно понадобится.

Он вышел. Артём тяжело поднялся, покосился на пузырьёк со снотворным, но не стал его трогать. Даже если Бакенщик не соврал, дрыхнуть было не время. Требовалось проверить, как там идёт пресловутый рейд.

Артём остановился возле окна. Вытащил из кармана одну из ночных покупок — манок-ловушку, короткую деревянную дудочку. Поднёс её к губам, и резные символы на ней засветились. Зазвучала тихая трель.

Тело его осталось на месте — но разум рванулся вверх, сквозь серую тучу, в небо. Миг спустя он увидел местность с высоты птичьего полёта — город, окружённый стеной, долину и скалы в нескольких километрах к северу.

К этим скалам он и направил птицу, чьими глазами теперь смотрел.

Вскоре он различил подробности.

Трава на краю долины, где русло реки врезалось в скальный массив, пожухла и потемнела. Сверху это напоминало грязную кляксу на зелёном ковре. Речная вода, насыщенно-чёрная, отблёскивала в лучах взошедшего солнца.

Вдоль берега стелился изжелта-серый дым. В разрывах сверкали красные вспышки, метались тени. Металлический скрежет вклинивался в разноголосый рёв. Доносился тяжёлый стук, словно молот вколачивал сваю в землю. Какая-то тварь визжала на невыносимо высокой ноте — у Артёма едва не лопнули барабанные перепонки.

Птица, которой он управлял, шарахнулась прочь, но он удержал её, заставил спуститься ниже.

Реку атаковал импровизированный сводный отряд. Клань собрали почти весь личный состав, пригнали

бойцовых петов. Им противостояла орда звероподобных монстров, которые совершенно взбесились.

Интерфейс у рейдеров сдох — Артём понял это из воплей. Координация пошла псу под хвост. Кто-то, надсаживаясь, пытался орать команды, но это не помогало. Сражение раскрылось на десятки отдельных схваток; единая картина терялась в удушливом мельтешении.

...Стая волков с медвежьей комплекцией кидается на бойцов из клана Гремучих. Ключья слюны, клыкастый оскал. Когти вспарывают кирасу, как консервную банку. Скрежет и рык, горячие брызги крови. Раненый всадник падает наземь. Смыкаются волчьи челюсти. Хруст костей, истошный крик боли. Волк терзает добычу, забыв про других бойцов. Над ним взлетает клинок и, сверкнув багрянцем, перерубает ему хребет...

...Сотня зубастых ящериц налетает, как саранча, на клан Копьеносцев. Копья тут бесполезны — мелкие твари увёртываются, прыгают, вгрызаются людям в горло. Копейщики хватаются за ножи, отмахиваются отчаянно. Но ящерицы — быстрее и злее них. Они облепляют людей, карабкаются вверх по доспехам — к незащищённой шее, к пульсирующим артериям. Люди падают один за другим, корчатся и кричат, пытаются сбросить чешуйчатую мерзость, но тщетно...

...Полдюжины ватажных парней — без клана, с бору по сосенке — отбиваются от косматого монстра, похожего на йети-мутанта в последней стадии бешенства. Оружие у них разномастное — палицы, топоры, шипастые кистени. Им помогают собаки-петы, но толку мало. Ростом их противник — под три с половиной метра, при этом вёрткий до жути. Лапы его рассекают воздух, как лопасти вентилятора; изогнутые когти кромсают чужую плоть. Рёбра людей ломаются, словно спички. Сам «йети» тоже исполосован, шкура продрана до костей, но от этого он ярится ещё сильнее...

...Скорпионы-гиганты с пятиметровыми суставчатыми хвостами...

...Саблезубые вепри размером с буйвола...

...Кузнечики-крокодилы вроде того, что чуть не убил Марину...

...Химеры, твари, чудовища...

...Вонь, хрип, тошнотная жёлчь...

И кровь повсюду — брызги и капли, сгустки и кляксы. Она впитывается в землю, находит путь под корнями жухлой травы, превращается в ручейки, чтобы влиться в чёрную реку, которая течёт к зеркалу.

Нет больше кнопки «экстренный выход». Нет безопасной тропки в реал. Если хочешь покинуть берег — просто беги, улепётывай без оглядки, надеясь, что монстр тебя не догонит и не откусит тебе башку. А если не побежишь, то твой персонаж-красавец, прокачанный и обласканный, сдохнет здесь и сейчас. Сам же ты наконец-то очнёшься в коконе — оглушённый, полуживой от шока, в липком поту...

— Разойдись! Атаc!

На прорыв к реке пошла тяжелая кавалерия Черепов. Всадников, вооружённых пиками, несли здоровенные и чудовищно дорогие петы — носороги в броне. Зверюги мчались с утробно-бешеным рёвом, и рог у каждого багрово светился. Такого напора не ожидали даже местные монстры. Два кузнечика-крокодила отлетели, как кегли; смачно хрустнул раздавленный скорпион. Волки бросились в стороны.

Но и эта атака захлебнулась через минуту. Волки опомнились и накинулись на кавалерию с флангов. Они запрыгивали носорогам на спину, сбрасывали наездников вниз — а там, на земле, к людям бросались ящерицы, искали бреши в доспехах, вгрызались в людскую плоть.

Один носорог пробился-таки к воде, влетел в неё с ходу, взметая фонтаны брызг. Его седок неуклюже спрыгнул, погрузился по пояс и, скинув шлем, взгляделся в чёрные волны. А секунду спустя отшатнулся с воплем — со дна метнулась мелкая тварь, похожая на медузу, только щупальца у неё были жёсткие и усеянные шипами. Медуза присосалась к его лицу, и он рухнул, нелепо взмахнув руками. Вода сомкнулась над ним, подкрасившись кровью.

Рейд окончательно выродился в побоище.

Уцелевшие бойцы понимали, что пожива им здесь не светит, и обращались в бегство. Они бросали оружие, скидывали броню, ковыляли прочь от реки. А навстречу им, со стороны города, уже спешили новые добровольцы. Артём успел заметить ту группу, что недавно проехала под окном, и хотел прокричать им: «Разворачивайтесь, дебилы!» Но он был всего-навсего наблюдателем с птичьим взглядом...

Всё происходящее у реки было настолько дико, что потемнело в глазах. Ментальная нить, соединившая его с птицей, лопнула с мерзким звоном. Вид из поднебесья померк, и Артём опять осознал себя в человеческом теле. Боль вспыхнула в голове, отвратная горечь поднялась из желудка к горлу. Он скрючился, перегнулся через подоконник, и его стошнило на улицу.

Кое-как распрямившись, он вернулся на лавку.

Мысли прыгали, не укладываясь в башке. Картины, увиденные на берегу, вставали перед глазами снова и снова.

Как вообще можно было до этого докатиться?

Да, Ушкуйник, конечно, сволочь, а новые шефы из Джей-Кью-Эйт — козлы ещё те. Но ведь они никого не гнали к реке пинками! И предупредили, в общем-то, прямым текстом — там, на берегу, можно сдохнуть. Не умолчали и про реалистичность на максимуме. Но народ всё равно попёр, как наскипидаренный. Ещё, небось, и на форумах до утра кончали от предвкушения...

Артём застонал от злости.

Нет, ну серьёзно, вот откуда в нас это?

В памяти начали проявляться сцены из более далёкого прошлого. Из тех времён, когда игра только создавалась.

Вспомнилось, например, совещание, которое было лет шесть или семь назад. Собрались главные сценаристы, дизайнеры, кодеры, маркетологи. Сам Артём, правда, оказался там неожиданно — вместо заболевшего шефа сценарной группы. Обсуждение затянулось. Спорили — какая игрушка имеет шансы вырасти в суперхит? Предыдущие разработки с уклоном в инди заняли свою нишу, давали кое-какую прибыль, но начальству захотелось реально поднять бабла.

Требовался сюжет, который ляжет на технологию новой реалистичности.

Чесали в затылках, смотрели рейтинги за последние годы. Кто-то в запале стал выводить на экран рекламные ролики конкурентов. Трейлеры поражали воображение. Кадры — круче, чем в Голливуде, сюжеты — просто отпад. Но на уровне непосредственного геймплея всё равно возникал чувак либо с пушкой, либо с мечом. Ну, или на худой конец — с фаерболом...

И кто-то сказал тогда — не надо выёживаться, коллеги. Мир меча и магии — это классика, люди такое любят.

Так родилась игра.

Суперхитом она, впрочем, так и не стала. Отсутствующий респаун сильно сузил аудиторию. Артём был этому рад — игра не выродилась в механическое мочилово. В ней можно было торговать, путешествовать, строить башни и корабли при помощи магии, заводить новые знакомства...

Можно было, ага. Многие так и делали.

Но большинство и тут не упускало возможность ткнуть кого-нибудь заточенной железкой или хотя бы огреть дубиной. Некоторые только и делали, что истребляли местную фауну сутками напролёт. А уж теперь, когда за это пообещали некие высокосортные плюшки...

Артёму остро захотелось заснуть, чтобы забыть увиденное сегодня.

Да и физически он чувствовал себя выжатым до предела.

Как ни прискорбно, Бакенщик прав — найти Марину сегодня не удалось бы. Значит, задача — восстановить силы перед завтрашним поединком с Ушкуйником. Надо будет, во-первых, отбить девчонку, а во-вторых — сорвать этот долбаный ритуал, в чём бы он там ни заключался...

Да, завтра всё должно разрешиться.

С этой мыслью Артём доковылял до стола, взял флакон с искрящейся жидкостью и, поколебавшись секунду, выпил одним глотком. Магический сон накрыл его, как только он вернулся на лавку.

Двадцать первого марта, в день новолуния, Артём стоял у дороги, ведущей из Тень-города к скалам. Часы на смартфоне показывали половину седьмого вечера. Солнце садилось, ветер взвёрошивал бурьян вдоль обочины.

Дорога была пуста. Последние уцелевшие рейдеры вернулись в город минувшей ночью. Некоторые из них, по слухам, сумели-таки добыть из реки обещанные кристаллы, поднялись в ранге и обзавелись новыми магическими умениями. Рейд, по их мнению, получился феерично крутым.

Те, кого смолотили монстры, имели противоположную толчку зрения. В реале, как уловил Артём из сегодняшних разговоров, готовились даже иски против администрации. Но юридических перспектив у этой затеи, похоже, не было. Владельцы игры подстраховались заранее — к реке вчера подпускали только тех геймеров, кто поставил галочку в договоре и таким образом принял всю ответственность на себя.

Артём, впрочем, не особо вникал в детали. Гораздо больше его интересовал вопрос, как навалить Ушкуйнику. Имелись кое-какие домашние заготовки, да и физические кондиции после сна восстановились неплохо. Сейчас он чувствовал в себе силу и злость.

В отдалении над дорогой взметнулся пылевой шлейф — группа всадников приближалась со стороны города.

Артём подумал — вот, кажется, и развязка. Снова не верится, что всё это происходит по-настоящему. Ещё несколько дней назад он разъезжал везде с птичьей ксивой — самоуверенный, как индюк. Воспринимал сказку как свою вотчину, безопасную и привычную. Формально вроде бы при этом работал, выполнял задания руководства, но на самом деле — играл. Да и вся его так называемая взрослая жизнь была, если разобраться, игрой, инфантильным дрейфом вдоль временной шкалы...

А теперь игры кончились.

— Добрый вечер, — сказал Ушкуйник.

Он остановился метров за тридцать, не приближаясь к Артёму, и вроде бы совершенно не повышал голос, но слышно было отлично. И видно тоже. Его группа сопровождения, как ни странно, состояла всего из трёх всадников — а точнее, из двух угрюмых громил и одной заплаканной пленницы.

— Марина, — позвал Артём, — ты цела?

Она не сразу ответила — сначала с испугом покосилась на колдуна, но тот кивнул поощрительно.

— Да... — сказала Марина. — Меня не били и не... Ну, в общем, просто держали в какой-то тёмной камерке, ставни были закрыты...

На ней сейчас вместо юбки были штаны — Ушкуйник, видимо, сжалился, одарил от щедрот. Шубу она сняла, положила перед собой на луку седла. Растрёпанные волосы падали на узкие плечи.

— Итак, — сказал Ушкуйник Артёму, — с ней, как видите, пока всё в порядке. Но сразу на всякий случай предупрежу — не нужно геройства. Я принял меры предосторожности. У девушки на шее начертаны стерегущие руны. И, разумеется, напитаны силой. Перевести их в режим уничтожения плоти могу и я, и мои подручные — буквально одним щелчком. А значит, любая ваша попытка атаковать меня окончится плачевно для нашей очаровательной спутницы. Мы ведь не хотим таких недоразумений?

— Нет, — процедил Артём, — не хотим.

— Замечательно. А раз так, то будьте любезны развоплотить Жгучих Ос, которых вы спрятали в траве. Да, я знаю, они умеют нападать молниеносно, однако даже они не застанут меня врасплох.

Артём с ненавистью посмотрел на него, но послушался и шевельнул плетью. В траве коротко вспыхнули и тут же погасли яркие точки — по пять с каждой стороны от дороги.

— Вы готовили мне ловушку, — сказал Ушкуйник, — но я не сержусь на вас. Наоборот, хочу отдать должное вашей изобретательности. Жгучие Осы — редкое и очень эффективное средство. Далеко не каждый в городе знает, что они вообще существуют. Но я-то как раз весьма информирован в подобных вопросах. Магия — моё ремесло, которым я занимаюсь очень давно. Вы же, простите, лишь талантливый самоучка.

— Тогда что вам от меня надо? Конкретно?

— Первым делом — поезжайте, пожалуйста, к зеркалу. Мы — за вами. Когда прибудем, я объясню, что дальше. Плеть пусть будет при вас. Использовать её как оружие вы всё равно не успеете — это, надеюсь, ясно? А вот как вспомогательный инструмент она вам вскоре понадобится.

По дороге к каньону они так и не встретили ни единого человека. Артём ехал впереди, но иногда оборачивался, чтобы бросить Марине ободряющий взгляд. Она держалась неплохо и даже пробовала улыбнуться в ответ.

Среди скал царил мёртвый штиль — ни ветра, ни звериного рыка. Монстров, похоже, разогнали по норам — то ли программными средствами, то ли магией.

Полукруглое зеркало стояло на прежнем месте, глотая реку, но выглядело немного иначе. Оно потемнело, и

только слева, у самой рамы виднелся тонкий серебристый просвет. Как будто проглядывал краешек ущербной луны.

— Итак, — сказал Ушкуйник, слезая с лошади, — до новолуния осталось около получаса. Я займусь подготовкой, а вы пока посидите смирно. Мои помощники за вами присмотрят.

Он подвесил в воздухе магический шар-светильник и шагнул к раме зеркала. Та, вкопанная в глинистый берег у самой кромки воды, имела в толщину сантиметров двадцать. Ушкуйник провёл ладонью по гладкому металлу и замер, сосредоточиваясь.

Артём тоже спешил. Хотел подойти к Марине, но ему не позволили. Один из конвоиров отвёл её на десяток метров и усадил на землю, а сам остался стоять с ней рядом. Всем своим видом он демонстрировал — девчонке несдобровать, если Артём попробует дёрнуться.

Ушкуйник тем временем снял с пояса кинжал, который тут же налился багровым светом, и принялся остриём выводить на раме непонятные знаки — каждый величиной с ладонь. Знаки эти, напоминавшие руны, тоже начинали светиться. Они располагались вертикальной цепочкой, один строго под другим. Колдун работал не торопясь, время шло.

— Что за символы? — хмуро спросил Артём. — Вы обещали дать объяснение.

— Ещё минуточку, — сказал Ушкуйник, отойдя от рамы на шаг и критически оглядев результат. — Очень жаль, что вы в тот раз отказались от добровольного подписания магического контракта. Нынешний вариант не столь оптимален, но тоже меня устроит. Всё-таки ваша помощь будет осознанной, хоть и вынужденной... Теперь к вашему вопросу. Эти символы — из древнего языка, который вам незнаком. Они позволяют правильно настроить портал, чтобы тот заработал в полную силу.

— Но портал ведь и так работает. Через него проходили и вы, и я...

— Да, вот именно. Сейчас через него способны ходить лишь сильные маги вроде нас с вами. А после ритуала им смогут воспользоваться и остальные.

— Красиво звучит, но я вам не верю. Если бы всё было безобидно, то не пришлось бы напитывать портал кровью. Кого именно вы хотите через него провести?

Ушкуйник чуть усмехнулся:

— Вы рассуждаете здраво, но излишне прямолинейно, поэтому ошибаетесь насчёт моих планов. Я готов подтвердить это магической клятвой, если вам так будет спокойнее.

— Вы сами хвастались, что вы в магии — профи, а я — просто самоучка. Я не знаю, как действуют подобные клятвы. В нашей игре таких опций не было. А значит, вы сможете меня обмануть, если захотите.

— Используйте вашу плеть для проверки. Ей-то вы доверяете?

Артём с подозрением уставился на Ушкуйника, но тот спокойно поддёрнул рукав рубахи и протянул руку:

— Давайте, юноша. Моя кровь в вашем распоряжении. Не забывайте только, что если вы убьёте меня, то умрёт и девушка.

Машинально Артём оглянулся на Марину — она смотрела заворожённо, во все глаза. Решившись, он вытащил из-за пояса плеть, и та впилась в запястье Ушкуйнику, который с прежним спокойствием произнёс:

— Магия мне свидетель. Моя работа — только открыть портал. Пользоваться им будут вполне обычные люди. Сам же я не намерен проводить через него кого бы то ни было.

Плеть вспыхнула синим. Артём почувствовал что-то вроде электрического разряда — и сразу понял, что колдун сказал правду. Это не мог быть фокус. Потому что магия, которую сейчас пропустила сквозь себя плеть, не принадлежала Ушкуйнику. Она была такой же частью природы, как ветер или вода...

— Как вы убедились, — сказал Ушкуйник, — я подтвердил свою честность в этом вопросе. Теперь очередь за вами. Задача, в общем-то, предельно проста. Сначала напитайте символы вашей кровью — достаточно будет нескольких капель. Затем активируйте через магию, с помощью своей плети — сделать это необходимо, когда луна закроется полностью. Минута в минуту. Время как раз подходит.

— И как я эту минуточку вычислю? — хмуро спросил Артём. — Пятой точкой, что ли, почую? Мой магический скилл ещё не настолько крут...

— Ничего страшного. Расчёты уже произведены, это чистая астрономия. Новолуние наступает в двадцать часов двадцать семь минут. Вам требуется всего лишь следить за временем. У вас ведь, если не ошибаюсь, лежит в кармане точный хронометр? Вот и воспользуйтесь им. Вы — лоцман, а значит, вам сейчас лучше полагаться на привычные вам приборы. Действуйте, юноша. Как только выполните условия, я отпущу вас и вашу спутницу. Слово мага.

Артём буквально физически (той самой точкой, можно сказать) ощущал — здесь скрыт какой-то подвох. Но не мог понять, какой именно.

Так и не придумав ничего путного, он вытащил из кармана смартфон, взглянул на экран. Аккумулятор был уже почти на нуле, но всё ещё работал. Время на часах — двадцать пять девятого.

— Две минуты осталось, — буркнул Артём.

— Да, — подтвердил Ушкуйник. — Занимайте позицию и больше не отвлекайтесь.

Он отошёл от рамы, сделал приглашающий жест.

Артём встал на его место, снова посмотрел на дисплей.

И вдруг заметил кое-что необычное.

Стилизованное перо, которое появилось недавно на рабочем столе, теперь отчётливо замерцало, будто подавая сигнал.

Затаив дыхание, Артём коснулся значка.

Открылось меню — ну, или его подобие.

Экран разделился надвое.

В верхней части проступила карта окрестностей. Бордовая полоска реки пересекала коричневатую кляксу, изображавшую скалы, и упиралась в чёрный кружок с серебристым краем. То есть, очевидно, в лунное зеркало. Рисунок был анимированный — под взглядом Артёма лента реки изменила цвет, стала фиолетовой, а затем посветлела почти до полной прозрачности. Анимация была закольцована, река перекрашивалась снова и снова.

А в нижней части экрана появилось фото Марины. Рядом светилась лаконичная пиктограмма — квадрат со стрелкой наружу. Символ выхода из игры.

Текстовых пояснений не было, но Артём откуда-то знал — выбрать можно только одну из опций. Второго шанса не будет.

Он лихорадочно размышлял.

Что означает изменчивый цвет реки? Это, вероятно, подсказка, что воду можно очистить, отфильтровать от крови... Но это явно не одномоментный процесс... Ушкуйник сразу же заметит неладное и может убить Марину...

А вот если Марина уйдёт в реал, на что намекает картинка снизу, то у Артёма будут развязаны руки... Ушкуйник не заставит его участвовать в ритуале... Да и вообще, Артём ведь не безоружен, плеть всё ещё при нём, наполнена магией... С её помощью, возможно, удастся расколотить зеркало...

Цифры в углу экрана сменились.

Время пришло — двадцать часов двадцать семь минут.

И тут же предупреждающе замигал индикатор зарядки — смартфон готовился отключиться. Счёт пошёл на секунды.

Артём бросил взгляд на Ушкуйника — тот, кажется, что-то понял и тянул из ножен кинжал, раскалившийся докрасна.

Сжав от напряжения зубы, Артём прикоснулся к снимку Марины.

Смартфон мелодично звякнул — и точно такой же звук, как эхо, донёсся с той стороны, где сидела девчонка. Её телефон, похоже, принял сигнал.

Артём почувствовал, как земля ушла из-под ног. Неведомая сила подхватила его, словно пушинку, и швырнула сквозь безлунную темень.

Он потерял сознание.

Очнулся он на полу в квартире.

Осторожно повернул гудящую голову, огляделся.

Да, так и есть — это его привычная двушка, а не московское жилище Кеши с Алисой. Он вернулся домой.

— Артём?

Пошатываясь, он встал и добрёл до кухни. Марина сидела на потёртом линолеуме у холодильника и непонимающе озиралась. За окном уже рассвело — прыжок снова сопровождался сдвигом во времени.

— Всё нормально, не бойся. Ты у меня в гостях.

Он помог ей подняться, пересадил на стул. Аккуратно отобрал шубу, в которую она судорожно вцепилась, как в спасательный круг. Налил минеральной воды в стакан, пододвинул его к Марине. Та кивнула, сделала пару жадных глотков. Руки у неё заметно дрожали. Зато на шее не было никаких «стерегущих рун» от Ушкуйника. Перо, очевидно, стёрло их своей непонятной магией.

— Ты нас выгацил... — сказала Марина. — Но как ты смог? Я не понимаю...

— Мне повезло. Использовал один читерский артефакт.

— А этот Ушкуйник... У него не получилось с порталом?

— Не знаю. Я ожидал, что я там останусь и попробую разбить зеркало. Но оказалось, что нас обоих выбросило сюда.

— Ой, ну и хорошо... Ведь если бы ты... У него же этот жуткой кинжал и всякое колдовство...

Она всхлипнула. Он поцеловал её в разлохмаченную макушку, погладил по плечу:

— Тише-тише. Всё кончилось.

— Это он меня, получается, трое суток там продержал... Хорошо ещё, что мои родители не узнали. Они за границей, в отпуске... А то бы с ума сошли...

— Считай, что у тебя теперь тоже отпуск. Побудешь у меня пару дней, отдохнёшь немного.

— А до Москвы потом долго ехать?

— Нет, не волнуйся...

Кто-то позвонил в дверь.

От испуга Марина чуть не выронила стакан. Артём тоже дёрнулся, рефлекторно потянулся за плетью — но не обнаружил её за поясом. Выпала, видимо, во время прыжка. А может, реал отторг её на сей раз...

Дальше, значит, без магии.

— Ладно, — сказал Артём, — пойду гляну...

— Не надо!

— Вряд ли это Ушкуйник. Он бы сразу дверь высадил, без всяких звонков.

Артём вышел в прихожую, подкрался к входной двери, посмотрел в глазок.

За порогом обнаружился Бакенщик в неброской куртке-аляске.

— Марин, — сказал Артём, — не пугайся, это свои. Ну, я надеюсь, по крайней мере...

Он впустил гостя.

— Благодарю, — сказал тот. — Новолуние наступило, и теперь я могу говорить открыто. Думаю, нам надо закончить наш разговор.

— Согласен. Проходите на кухню.

Артём представил Бакенщика Марине. Некоторое время все помолчали, сидя за столом и разглядывая друг друга, потом гость заговорил:

— Вы, вероятно, хотите знать, чем всё кончилось у портала. Я расскажу вам. Точнее, покажу — так будет удобнее.

Он сделал короткий жест, будто бросил горсть песка через кухню, и в противоположном углу замерцали серебристые искры. А через мгновение в воздухе появилась картинка — слегка размытая, как мираж, но детали всё же просматривались.

Артём с Мариной опять увидели речной берег. «Фильм» начинался с того момента, как они оттуда сбежали.

Ушкуйник «в кадре» застыл, уставившись на то место, где только что был Артём. Потом выругался (мимика не оставляла сомнений), обернулся к одному из подручных и подозвал к себе. Тот, похоже, заранее получил инструкции на подобный случай — быстро подскочил к раме зеркала, выхватил нож и полоснул себе по ладони. После чего мазнул кровью по письменам, размахнулся — и вогнал в раму раскалившийся нож.

Зеркало над рекой к этому моменту окончательно затемнилось — исчез даже тончайший проблеск, который прежде виднелся слева, вдоль края рамы. Визуальная метафора новолуния стала полной и совершенной.

А затем появился новый просвет — теперь у правого края. Нарождалась молодая луна — но она была уже не серебряной, а желтовато-красной. В следующий миг гигантское зеркало расколосось и перестало сдерживать реку. Тёмная вода хлынула сквозь него, унося осколки, и наполнила ту часть русла, которая раньше была сухой.

— Портал открылся по-настоящему, — прокомментировал Бакенщик. — Теперь через него могут ходить не только сильные маги, но и обычные люди. Задержки во времени тоже больше не будет.

— Погодите... — сказал Артём. — Значит, Ушкуйник и без меня управился?

— Да, вы же видели. Он перешёл к запасному плану. Вас подменил один из его помощников.

— А этот помощник — он кто вообще? Я с ним впервые столкнулся.

— Просто игрок из вашего реального мира. Тоже колдун, хоть и слабее вас.

— Но, блин... Если у них и так получилось, зачем нужен был я?

— Если бы лоцманом стали вы, то... гм... пропускная способность открывшегося канала была бы выше. Сформулируем это так, в привычных вам терминах...

— Да сколько ж можно! — возмутилась Марина и даже пристукнула кулачком по столу. — Голова уже пухнет! Я запугалась совершенно! Вы можете нам толком сказать — откуда взялся этот Ушкуйник? И вы вместе с ним? И эта река, и магия...

Она, смутившись, сбилась на полуслове. Но Артём поддержал:

— Действительно. Можно всё с самого начала и по порядку?

И наконец-то они услышали.

Бакенщик говорил не спеша, размеренно. Тайны, способные вызвать оторопь, преподносились так, словно это была рутинная университетская лекция. А тот факт, что читалась она на кухне, лишь усиливал ощущение ирреальности.

— Кроме вашего варианта Земли есть ещё и другие. Соседние, скажем так. Я и Ушкуйник — тоже оттуда. Нельзя перейти из мира в мир напрямую, сразу. Нужен промежуточный шлюз — примерно как в судоходном

канале с перепадом высот. Шлюз этот — нечто вроде особого, детализированного сна. В моём мире подобный сон создаётся с помощью магии. В вашем — с помощью техники...

— Я, кажется, поняла, — сказала Марина. — Сон-шлюз — это виртуальность? Ну, например, компьютерная игра?

— Совершенно верно. Несколько лет назад наши маги установили, что в вашем мире появляются сны соответствующей плотности. А конкретно ваша игра заинтересовала нас сильнее всего. Наши разведчики проникли в неё.

— Без техники? — уточнил Артём. — Через магию? Вот, значит, почему ваш ай-пи нигде не фиксировался...

— К вашей игровой магии мы добавили свою, настоящую. В результате реалистичность игры повысилась ещё больше. И вот теперь наконец она может функционировать как полноценный шлюз. Люди смогут переходить из моего мира в ваш и обратно. Физически переходить, имею в виду. А точнее, плыть по реке.

— Это ведь хорошо? — спросила Марина робко. — Но вы, по-моему, не радуетесь совсем...

Бакенщик улыбнулся ей грустно:

— Видите ли, есть ещё один фактор. Характер использования портала зависит от того, каким образом произошла активация. В данном случае, как вы помните, это был ритуал под руководством Ушкуйника — багряное новолуние.

— Блин... — сказал Артём, чувствуя, как пересыхает в горле. — То есть что получается? Раз Ушкуйник залил реку кровью, то теперь от вас к нам попрутся маньяки и отморозки?

— Не столь буквально. Не забывайте — кровь пролилась во сне, где всё гипертрофировано. Ушкуйник, несмотря на всю свою аморальность, в данном случае сказал правду — через портал пойдут не монстры и не маньяки, а обычные люди. Причём не только к вам, но и к нам. Это дорога с двусторонним движением. Но вот мотивы этих людей...

— Продолжайте, раз начали. Что там не так с мотивами?

— Они тоже могут быть разными. Но среди них теперь будут преобладать недоверие и тревога. Вот если бы ритуал закончился по-другому... Если бы вы очистили реку...

Артём разозлился:

— Слушайте, вы же знаете, как всё было! Передо мной был выбор — либо Марина, либо река! Причём прутья ритуала я в тот момент понятия не имел! Вы же ни хрена мне не объяснили! Зато про Марину я точно знал — он её убьёт, если что! И что мне было делать, по-вашему?

— Я не виню вас, — тихо ответил Бакенщик. — Сам поступил бы так же на вашем месте. И, кстати, я тоже не знал заранее всех деталей. Я лишь человек, хоть и маг. Не умею предвидеть будущее. Просто надеялся, что именно вы получите Серебряное перо и найдёте решение...

— Почему я?

— Были косвенные подсказки. Перо — инструмент писателя, сочинителя. А вы ведь — один из них. К тому же перья — у птиц, а вы из Птичьего Ордена... Но главное не в этом, конечно...

— А в чём тогда?

— Скажите, пожалуйста, почему в своё время, выбирая себе оружие, вы предпочли плеть? Хотя у ваших коллег есть и мечи, и копыя.

Услышав такой вопрос, Артём немного завис:

— Ну, выбирал давно уже... Подумал тогда, что с плетью — меньше риск пришибить кого-нибудь насмерть или покалечить всерьёз... То есть её тоже, конечно, можно перевести в боевой режим, она же магическая. Но для этого надо специально сделать усилие... А меч заведомо ориентирован на более серьёзный урон...

— В этом-то и дело, Артём. Позвольте я скажу откровенно. Да, вы несколько инфантильны и, простите, не обладаете могучим умом. Но зато у вас есть другое важное качество. Вам не хочется причинять людям боль — даже если дело происходит в игре, где всё понарошку. У вас есть цинические замашки, но вы всё-таки склонны доверять людям. Поэтому я и делал ставку на вас.

— Но, — сказала Марина, — мы всё равно не справились?

— К сожалению, — сказал Бакенщик, — те, кто выбирают доверие, остаются почти всегда на вторых ролях. Даже с магией. Тревога и настороженность в обществе перевешивают. Не только в вашем мире, но и в других, где я побывал. На этом и играет Ушкуйник.

— Да уж, — сказал Артём, — а Джей-Кью-Эйт с ним снюхалась легко и непринуждённо... Что он им пообещал, интересно? Магию какую-нибудь? Ну, они-то придумают, как её конвертировать в бабки...

— Не сомневаюсь. Ушкуйник вообще легко находит сторонников. Он, повторюсь, просто человек, как и я, но его цинизм помогает манипулировать другими людьми и получать от этого выгоду.

Сказав это, Бакенщик поднялся из-за стола:

— Ну а мне, пожалуй, пора. Хоть мы и не добились успеха, рад был знакомству с вами. Берегите друг друга.

Закрыв за ним дверь, Артём вернулся на кухню. Марина сидела, понуриив голову. Её, очевидно, тяготило услышанное.

— Недоверие и тревога... — повторила она. — Вот, значит, на чём теперь будут строиться наши отношения с этим соседним миром, с другой Землёй...

— Да, — согласился Артём, — невесело.

Чтобы хоть немного отвлечься, он взялся за телепульт, надавил на кнопку. На экране проступило лицо Ярослава Громова, который сидел на фоне национального флага и говорил, твёрдо глядя в камеру:

— Я благодарен вам, уважаемые сограждане, за столь убедительную поддержку на выборах. На новом посту мне предстоит большая работа. Моя инаугурация, правда, состоялась бы только через полтора месяца. Но мой предшественник — теперь уже экс-президент Кирьянов — сложил с себя полномочия, как только узнал результаты голосования. Он предпочёл покинуть страну. Не буду скрывать — я одобряю его поступок. Этой ночью мы провели совещание с действующим премьером и со спикерами обеих палат парламента. Все они согласились — в нынешних условиях нет смысла тянуть с передачей власти. Поэтому я сегодня принял присягу в качестве нового главы государства. А теперь хочу обратиться к вам.

Он выдержал паузу:

— Как я уже не раз говорил, наша страна находится в удручающем состоянии. Транснациональные концерны пытаются окончательно нас сломить, втоптать в грязь. Но мы не будем с этим мириться. Нам бросили вызов — и мы на него ответим. Новое время требует решительных мер. В связи с этим я подписал ряд указов. Имущество нескольких корпораций — в частности, Каппа-Софт и Джей-Кью-Эйт — подлежит национализации. Их топ-менеджеры с иностранным гражданством высылаются из нашей страны. Понимаю — в их штаб-квартирах всё это вызовет истерическую реакцию. неизбежно последуют провокации, а поэтому...

Голос Громова лязгнул стально:

— С сегодняшнего дня в стране объявляется чрезвычайное положение. Вводится комендантский час. Внутренние войска обеспечат правопорядок...

Марина растерянно повернулась к Артёму:

— Ну, ничего себе... Нет, пойми меня правильно, я сама не фанатка всех этих корпораций, но...

— Принцип маятника, — ответил от мрачно. — Из одной крайности в другую — у нас всегда так... Золотая середина — это не к нам...

Громов тем временем продолжал:

— В ходе предварительного расследования выявлен ещё один фактор риска, возникший по вине Джей-Кью-Эйт. Сейчас я пока не буду раскрывать все подробности — они выглядят слишком невероятно и требуют осмысления. Но всё указывает на то, что наша страна столкнулась с новой опасностью. Что ж, мыотреагируем должным образом. Проведём разведку — в том числе и разведку боем, если потребуется...

На экране появилась река, неширокая и невзрачная. Дело происходило, видимо, ближе к югу — снег там уже сошёл, лёд не сковывал воду. По реке вереницей двигались десантные катера, а впереди по курсу бледно мерцала серебристая арка.

— Слушай... — проговорила Марина. — Я в политике не понимаю вообще... Наверно, он и правда хочет как лучше... Но разве будет лучше, если вот так?

Артём достал разрядившийся телефон, подключил к розетке. Засветился дисплей. Значок с пером теперь выглядел совсем блёклым, но всё ещё был на месте.

Косясь на телеэкран, где шли катера, Артём раз за разом прикасался к значку, а в голове пульсировала единственная связная мысль. Точнее, всего одно короткое слово.

Отбой!

Отбой!

Пожалуйста, отбой...

Больше книг на сайте - Knigoed.net